Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов В.В. — начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Санташов А.Л. — начальник кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Шамсунов С.Х. — заместитель директора ФСИН России, доктор юридических наук;

Селиверстов В.И. — начальник НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Бровкин В.Б. — начальник Санкт-Петербургского института повышения квалификации работников ФСИН России;

Дебольский М.Г. — заместитель начальника управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Дубровицкий Л.П. — первый заместитель начальника правового управления ФСИН России, кандидат юридических наук;

Ищенко Е.П. — профессор кафедры криминалистики Московской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Малинин В.Б. — профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Межрегионального института экономики и права, доктор юридических наук, профессор;

Матвеев А.Г. — начальник управления трудовой адаптации осужденных ФСИН России;

Полозюк В.Л. — начальник управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России;

Ручкин Ф.В. — начальник управления исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, кандидат филологических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Беляева Л.И. — профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Гаврилов Б.Я. — профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук;

Жалбуров Е.Т. — начальник академии Комитета уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Республики Казахстан, кандидат юридических наук, доцент;

Крымов А.А. — заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Кузьминых А.Л. — доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук;

Нагорных Р.В. — начальник юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Оботурова Н.С. — начальник психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат философских наук, доцент;

Поздняков В.М. — профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Попова И.Н. — начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Софийчук Н.В. — ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Спасенников Б.А. — профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Старостин С.А. — профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Трунигер Л. — директор высшей школы социальной работы г. Ольтен (Швейцария), доктор, профессор;

Шахов О.А. — начальник инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук, доцент

УЧРЕДИТЕЛЬ: Вологодский институт права и экономики ФСИН России

Журнал выходит четыре раза в год

№ 6
Вологда 2009

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ 4

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Б.Я. ГАВРИЛОВ
О реальности уголовно-правовой статистики о преступности 4

Ю.Е. ПУДОВОЧКИН
Конфискация имущества: толкование и применение уголовно-правовых норм 10

А.В. САЛАТИН
Нарушения законности среди сотрудников УИС и возможности их профилактики 15

Е.В. ГЕРАСИМОВА
Юридический признак предмета хищения 18

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

В.И. СЕЛИВЕРСТОВ, С.Л. БАБАЯН, Е.М. ДАНИЛИН
Социальная реабилитация осужденных – задача государственной важности 22

О.В. ХОМЯКОВ
Процессы социальной либерализации как фактор ужесточения уголовного преследования личности 28

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.С. ШАТАЛОВ
Правовая регламентация особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве 33

Ю.Н. РЫЖОВА
Проблемы применения уголовно-процессуального законодательства в деятельности органов дознания 39

А.М. КОЛОСКОВ
Особенности стадии возбуждения дисциплинарного дела в отношении сотрудника уголовно-исполнительной системы 40

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

М.М. ПОПОВИЧ
Правосубъектность лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы 43

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ . .46

М.А. ЧЕРКАСОВА
Роль психологического мониторинга в повышении эффективности профессиональной деятельности сотрудников УИС 46

О.В. ХОМЯКОВА
Формирование профессиональной культуры преподавателя в системе переподготовки и повышения квалификации сотрудников 48

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ 54

А.А. КОЛЬЕВ, М.Н. РАССАДИНА
Проблема обеспечения жильем сотрудников в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы 54

О.А. КОНЮШАТОВ, С.А. КОРЧАГОВ, Н.А. МАЛЫШЕВА
Развитие сертификации по системе Лесного попечительского совета (FSC) на примере лесопромышленного холдинга ЗАО «Инвестлеспром» 59

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ 63

П. ЩЕПЕНЯК
Современные тенденции уголовной политики и стратегии противодействия преступности 63

Е.В. ВАЛЬКОВА
К вопросу о коллизионном регулировании формы завещательных распоряжений в рамках различных правовых систем 65

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ 68

Е.П. ИЩЕНКО
Сколько стоит жизнь? (в порядке постановки проблемы) 73

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ 73

В.П. МОТРЕВИЧ
Иностранные военнопленные Великой Отечественной войны на Урале: численность, состав, размещение 73

Е.В. КУЗНЕЦОВА
Организационное обеспечение деятельности мировой юстиции в дореволюционной России (по материалам Вологодской губернии) 82

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ.....87

О.Н. РАКИТСКАЯ
Исследование рефлексии у сотрудников УИС 87

Л.С. АТАЕВ
Навстречу социальной интеграции 88

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ 89

НАШИ АВТОРЫ 90

ОБЗОР ДИССЕРТАЦИЙ 93

РЕЦЕНЗИИ 95

В.М. ПОЗДНЯКОВ
Рецензия на монографию А.Н. Баламута “Осужденные к пожизненному лишению свободы и пути оказания им психологической помощи”). - Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2009 95

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ 95

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ 96

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ 98

CONTENT

TOPICAL ISSUES OF JURISDICTION 4

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

B.Y. GAVRILOV
Reality of criminal-legal statistics of crime 4

J.E. PUDOVOCHKIN
Confiscation of property: interpretation and adoption of criminal-legal norms. 10

A.V. SALATIN
Offences against law among officers of criminal-executive system and its preventative measures 15

E.V. GERASIMOVA
Juridical feature of plunder 18

CRIMINAL EXECUTIVE LAW

V.I. SELIVERSTOV, S.L. BABAYAN, E.M. DANILIN
Social rehabilitation of condemned is a problem of the state importance.....22

O.V. HOMJAKOV
Processes of social liberalization as a factor of toughening of criminal prosecution of a person 28

CRIMINAL COURT PROCEDURE AND ORGANIZATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

A.S. SHATALOV
Legal regulation of a special procedure of adoption of a juridical decision during making pre-judicial agreement. 33

J.N. RYZHOVA
Problems of application of criminal-procedural legislation in activity of agencies of inquiry 39

A.M. KOLOSKOV
Particular features of stages of initiation of disciplinary cases in criminal-executive system 40

CIVIL LAW

M.M. POPOVICH
Legal personality of the persons who are serving sentence 43

TOPICAL ISSUES OF PSYCHOLOGY, PEDAGOGICS AND SOCIAL WORK 46

M.A. TCHERKASOVA
The role of psychological monitoring in increasing of efficiency of professional work of officers of criminal-executive system 46

O.V. HOMYAKOVA
Formation of teacher's professional culture In the system of retraining and improvement of professional skill of employees 48

TOPICAL ISSUES OF ECONOMICS, MANAGEMENT AND TECHNOLOGY. 54

A.A. KOLEV, M.N. RASSADINA
Problem of housing of officers of penal system according criminal-executive system reforming 54

O.A. KONJUSHATOV, S.A. KORCHAGOV, N.A. MALYSHEVA
Development of certification according the system of the Forest Stewardship Council (FSC) on an example of timber industry holding of Joint-Stock Company " Investlesprom " 59

FOREIGN EXPERIENCE 63

P. SHEPANYAK
Modern tendencies of criminal policy and strategy of counteraction of crime 63

E.V. VALKOVA
Conflict regulation of the form of testamentary dispositions 65

DISCUSSION IS WELCOME 68

E.P. ISHENKO
What is the expense of life? 76

HISTORY PAGES 73

V.P. MOTREVICH
Foreign prisoners of war; of the Great Patriotic War in the Urals: number, structure, accommodation 735

E.V. KUZNETSOVA
Organizational maintenance of activity of world justice in pre-revolutionary Russia (on materials of the Vologda province)» 82

OUR RESEARCHES.....89

O.N. RAKITSKAYA
Research of reflection of officers of criminal-executive system 87

L.S. ATAEV
Towards social integration 88

DISSERTATIONS' REVIEW.....93

SCIENCE AND LIFE 90

REVIEWS 95

V.M. POZDNYAKOV
Monography review of A.N. Balamut "Condemned to life imprisonment and ways of rendering of psychological help". Vologda: the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service, 2009 95

NOVELTIES OF LITERATURE 95

INFORMATION, ADVERTISMENTS. 96

ANNOTATIONS OF ARTICLES AND MATERIALS 98

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

О реальности уголовно-правовой статистики о преступности

Б.Я. ГАВРИЛОВ – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств

В статье рассматривается проблема реальности и достоверности уголовно-правовой статистики, ее влияние на криминальную обстановку и формирование уголовной политики, перечислены и проанализированы факторы, влияющие на регистрацию и учет преступлений, ее латентность; предлагаются пути решения проблемы учета преступлений.

Ключевые слова: уголовное право; уголовный процесс; криминология; уголовная политика; судебно-правовая статистика; уголовно-правовая статистика; регистрация преступлений; учет преступлений; учетно-регистрационная дисциплина; латентность преступлений.

Проблема обеспечения достоверности и доступности судебно-правовой статистики (последнее означает уголовно-правовую статистику) обозначена в Концепции судебной реформы в Российской Федерации[1] в числе основных задач совершенствования российского правосудия. При этом следует отметить, что вопрос о доступности уголовно-правовой статистики в определенной степени был решен путем снятия в 1988 г. со статистических данных грифа секретности. Однако достоверность (объективность) показателей статистики о преступности за прошедшие 20 лет не только была достигнута, но оказалась сегодня целиком в компетенции Генпрокуратуры и МВД России.

На данный момент абсолютному большинству ученых и практических работников правоохранительных органов понятно, что уголовно-правовая статистика из правовой и организационной превратилась в социальную проблему государства, ибо половина российских граждан, пострадавших от преступлений (не менее 3 млн), в милицию не обращаются, поскольку не верят, что преступника установят и примут меры по возмещению причиненного вреда[2]. По 4,5 млн заявлений и сообщений о преступлениях в 2008 г. приняты процессуальные решения об отказе в возбуждении уголовного дела.

В этой связи и с учетом нарастания в России процессов демократических преобразований исследование проблемы уголовно-правовой статистики и ее влияния на изменение криминальной ситуации и формирование уголовной политики приобретает особую актуальность. Для объективности следует отметить, что в течение последнего десятилетия предпринимались попытки наведения порядка в регистрации и учете преступлений. Как следствие, уровень регистрации в органах внутренних дел заявлений и сообщений о преступлениях значительно повысился.

Таблица 1

Сведения о соотношении количества зарегистрированных заявлений (сообщений) о преступлениях и преступлений

	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Количество зарегистрированных заявлений о преступлениях (в тыс.)	13 700[3]	19 717	19 305	20 529	21 499

+/– к 2000 г. (в %)					+56,9
Количество зарегистрированных преступлений (в тыс.)	2952	3555	3853	3582	3240
+/– к 2000 г. (в %)					+9,8

Однако значительный прирост по сравнению с 2000 г. числа зарегистрированных сообщений о преступлениях (+56,9%) весьма незначительно отразился на количестве зарегистрированных преступлений (+9,8%).

На необходимость коренных преобразований в уголовно-правовой статистике указывают в числе других факторов и ее изменения за последние 30 лет.

Таблица 2

Сведения о количестве зарегистрированных преступлений в 1980–2009 гг.

	1980 г.	**1991 г.**	**1999 г.**	**2006 г.**	**2009 г.**
Количество преступлений (в тыс.)	1028	2168	3002	3853	2900

Наглядно видна тенденция увеличения числа зарегистрированных преступлений в течение трех предшествующих десятилетий в среднем на 1 млн за 10 лет. Однако за последнее десятилетие такого прироста преступности не произошло, хотя ее показатели за 2005–2006 гг. свидетельствуют о том, что рубеж в 4 млн зарегистрированных преступлений к концу десятилетия будет преодолен.

Помимо прочего в последние 25 лет зафиксированы значительные колебания криминальной ситуации в отдельные годы.

Таблица 3

Сведения о количественных изменениях преступности

Период	**Всего зарегистрировано преступлений**	**+, – (в % к АППГ)**	**Министры внутренних дел (период)**
1983 г.	1 398 239	+ 23,9	12.1982 – 01.1986 гг. – Федорчук В.В.
1986 г.	1 338 424	– 5,5	01.1986 – 10.1988 гг. – Власов А.В.
1987 г.	1 185 914	– 11,4	
1989 г.	1 619 181	+ 32,7	10.1988 – 12.1990 гг. – Бакатин В.В.
1990 г.	1 839 451	+ 13,6	
1991 г.	2 167 964	+ 17,9	12.1990 – 08.1991 гг. – Пуго Б.К. 09.1991 – 01.1992 гг. – Дунаев А.Ф.
1992 г.	2 760 652	+ 27,3	01.1992 – 07.1995 гг. – Ерин В.Ф.
1997 г.	2 397 311	– 8,7	07.1995 – 04.1998 гг. – Куликов А.С.
1998 г.	2 581 940	+ 7,7	04.1998 – 05.1999 гг. – Степашин С.В.
1999 г.	3 001 748	+ 16,3	05.1999 – 03.2001 гг. – Рушайло В.Б.
2005 г.	3 554 738	+ 22,8	03.2004 г. – по настоящее время – Нургалиев Р.Г.
2006 г.	3 853 373	+ 8,5	
2007 г.	3 582 541	– 7,1	
2008 г.	3 240 000	– 11,0	
2009 г.	около 2,9 млн	– 11,0	

Особенно значительны ежегодные колебания преступности за последние пять лет. Обоснованы ли столь значительные изменения показателей преступности? Безусловно, нет. Как отмечает В.В. Лунеев, в США в 1993–1997 гг. для сокращения преступности на 1–1,5% в год государство дополнительно выделило 30 млрд долларов. В Германии ежегодные колебания количества зарегистрированных преступлений не превышают 0,5–1,5%. Для сравнения: в России темпы снижения преступности в отдельные годы в 5–10 раз выше, однако государству они обходятся практически бесплатно.

Как можно судить из приведенных выше цифровых показателей преступности, уголовно-правовая статистика не только весьма существенно воздействует на криминальную обстановку в России, но и оказывает влияние на формирование уголовной политики, являясь одной из ее составляющих. Ее состояние Э.Ф. Побегайло назвал кризисом современной российской уголовной политики[4]. Достаточно наглядно это отражено в работе «Российская уголовная политика: преодоление кризиса»[5].

Весьма необходимым в этом отношении представляется сравнение в количественном выражении регистрируемой преступности за последнее десятилетие в России: от 3 до 3,8 млн преступлений, в Германии – 6,5 млн, в США – 13–13,5 млн преступлений в год. Отсюда и коэффициент преступности на 100 тыс. населения, составляющий в России 2,5 тыс. преступлений, по-прежнему значительно ниже, чем, например, в Германии (8 тыс.), США (5,5 тыс.) и других странах. Но еще нагляднее эта разница обнаруживается в сравнении с коэффициентом

преступности в Швеции (13,5 тыс.), где каждое заявление о преступном деянии регистрируется как преступление[6].

Особенно важны изменения показателей преступности в динамике. Приведу сведения о количестве зарегистрированных преступлений за 1976–2000 гг.

Таблица 4

Период	Всего зарегистрировано преступлений	+/– (в % к АППГ)	Смена руководства МВД	Некоторые из причин роста или снижения показателей преступности
1976 г.	834 998		10.1966 – 12.1982 гг. Щелоков Н.А.	Административные меры государства по наведению порядка в учетно-регистрационной системе
1977 г.	824 243	– 1,3		
1978 г.	889 599	+ 7,9		
1979 г.	970 514	+ 9,1		
1980 г.	1 028 284	+ 6,0		
1981 г.	1 087 908	+ 5,8		
1982 г.	1 128 558	+ 3,7		
1983 г.	1 398 239	+ 23,9	12.1982 – 01.1986 гг. Федорчук В.В.	Рост преступности в первый год и ее снижение в последующие годы
1984 г.	1 402 694	+ 0,3		
1985 г.	1 416 935	+ 1,0		
1986 г.	1 338 424	– 5,5	01.1986 – 10.1988 гг. Власов А.В.	Снижение преступности обусловлено активизацией борьбы с алкоголизмом
1987 г.	1 185 914	– 11,4		
1988 г.	1 220 361	+ 2,9		
1989 г.	1 619 181	+ 32,7	10.1988 – 12.1990 гг. Бакатин В.В.	Начало разрушения государственного механизма борьбы с преступностью
1990 г.	1 839 451	+ 13,6		
1991 г.	2 167 964	+ 17,9	12.1990 – 08.1991 гг. Пуго Б.К. 09.1991 – 01.1992 гг. Дунаев А.Ф.	
1992 г.	2 760 652	+ 27,3	01.1992 – 07.1995 гг. Ерин В.Ф.	Рост преступности в первый год и ее снижение в последующие годы
1993 г.	2 799 614	+ 1,4		
1994 г.	2 632 708	– 6,0		
1995 г.	2 755 669	+ 4,7	07.1995 – 04.1998 гг. Куликов А.С.	Тот же процесс
1996 г.	2 625 081	– 4,7		
1997 г.	2 397 311	– 8,7		
1998 г.	2 581 940	+ 7,7	04.1998 – 05.1999 гг. Степашин С.В.	Тот же процесс
1999 г.	3 001 748	+ 16,3	05.1999 – 03.2001 гг. Рушайло В.Б.	Тот же процесс
2000 г.	2 952 367	– 1,6		

Приведенные статистические данные позволяют сделать вывод о непосредственном влиянии все эти годы на регистрацию и учет преступлений административного фактора. Суть заключается в том, что в деятельности органов внутренних дел на протяжении последних десятилетий укоренилась, за редким исключением, практика, состоящая в том, что в первый год после назначения руководителя органа внутренних дел (от городского, районного отдела милиции до Министерства внутренних дел включительно) количество зарегистрированных преступлений увеличивалось. Тем самым выполнялись требования органов государственной власти, а также вышестоящих правоохранительных органов о наведении так называемого «порядка» в регистрации заявлений и сообщений о преступлениях. Однако уже на следующий год отмечалось сокращение показателя количества регистрируемых преступлений, на основании чего руководители правоохранительных органов отчитывались об успехах своей «успешной» работы по борьбе с преступностью.

Однако после 2000 г. административным путем обеспечить статистический прирост преступлений даже на краткосрочный период времени оказалось весьма затруднительным. Так, несмотря на принятые МВД и Генпрокуратурой России в 2001–2003 гг. меры по ужесточению ответственности за состояние учетно-регистрационной дисциплины, в том числе персонально руководителей МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации[7], количество зарегистрированных преступлений в 2001 г. после назначения на должность министра Б.В. Грызлова возросло всего на 0,5% (в предыдущие годы рост показателя преступности в год назначения нового министра был многократно выше).

Увеличение в 2004 г. на 5% по сравнению с АППГ числа зарегистрированных преступлений имело место за счет прироста краж чужого имущества, что в свою очередь явилось следствием

их необоснованной декриминализации в предшествующий период, о чем будет сказано ниже.

Приведу сведения о зарегистрированных преступлениях в 2001–2004 гг.

Таблица 5

Период	Количество зарегистрированных преступлений	+/– (в % к АППГ)	Министры внутренних дел	Количественное изменение показателей роста преступности
2001 г.	2 968 255	+ 0,5	03.2001 – 2003 гг. Грызлов Б.В.	
2002 г.	2 526 305	– 14,9		Декриминализация 350 тыс. краж (в период с 1 июля по 4 ноября)
2003 г.	2 756 398	+ 9,1		Криминализация более 200 тыс. краж
2004 г.	2 893 810	+ 5,0	03.2004 г. – по настоящее время Нургалиев Р.Г.	Криминализация порядка 130 тыс. краж

Значительный рост в 2005 (+22,8%) и 2006 (+8,5%) гг. количества зарегистрированных преступлений обусловлен очередным ужесточением Приказом Генпрокуратуры и МВД России от 16 мая 2005 г. № 18/350 требований к соблюдению учетно-регистрационной дисциплины. Однако уже с июня 2006 г. прирост количества зарегистрированных преступлений значительно сократился, а во втором полугодии и в 2007–2008 гг. преступлений ежемесячно регистрировалось значительно меньше, чем за АППГ. Сохраняется эта тенденция и в 2009 г.

Таблица 6

Сведения о зарегистрированных в 2005–2008 гг. преступлениях

Период	Количество зарегистрированных преступлений	+/– (в % к АППГ)	Министр внутренних дел	Количественное изменение показателей роста преступности
2005 г.	3 554 738	+ 22,8	03.2004 г. – по настоящее время Нургалиев Р.Г.	Ужесточение учетно-регистрационной дисциплины
2006 г.	3 853 373	+8,5		Тот же процесс
2007 г.	3 582 541	– 7,1		Снижение преступности после ее роста
2008 г.	3 240 000	– 11,0		Тот же процесс

О латентности преступлений. Основной причиной действия административного фактора и значительно более низкого по сравнению с иными государствами уровня преступности является ее латентность[8]. Особенно наглядно в России она проявляется при сопоставлении и анализе статистических сведений о мошенничествах и кражах.

Согласно статистическим данным по форме 1–Г в России ежегодно в течение последних шести лет регистрировалось от 69,3 тыс. (в 2002 г.) до 179,6 тыс. (в 2005 г.) мошенничеств, в то время как в 2002 г. в Германии официальная статистика таких деяний зафиксировала 926,9 тыс., во Франции – 352,3 тыс.

Рассмотрим также соотношение краж чужого имущества. В 1995–2008 гг. их в России ежегодно регистрировалось 1,1–1,5 млн, в то время как в США общее число таких преступлений ежегодно составляет 11–11,5 млн, в Англии, Германии – 4,5 млн, Италии – 1,5 млн.

Об органах регистрации и учета преступлений. Сегодня достаточно распространенным является мнение о том, что условия для умышленного сокрытия преступлений от регистрации создает сосредоточение в органах внутренних дел функций как по борьбе с преступностью, так и по формированию статистики о результатах деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений[9]. Исходя из этого полномочия по формированию и ведению массива статистических данных о состоянии преступности Генеральной прокуратурой Российской Федерации предлагалось передать органам статистики[10].

Однако проведенный в соответствии с Приказом МВД и Госкомстата России от 7 октября 2003 г. № 774/435 по согласованию с Генпрокуратурой России эксперимент в ряде МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации свидетельствует, что это предложение не только принципиально не решает рассматриваемой проблемы, но и требует значительных финансовых затрат[11].

Существенный дисбаланс в формирование уголовно-правовой статистики о преступности периодически вносит и законодатель. Так, вступившим в действие с 1 июля 2002 г. Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях определено понятие мелкого хищения как правонарушения при стоимости похищенного имущества до пяти минимальных размеров оплаты труда (МРОТ), установленных Правительством Российской Федерации, в том числе при совершении краж с квалифицирующими признаками.

В результате за период с 1 июля по 4 ноября 2002 г. было необоснованно декриминализировано 350 тыс. краж чужого имущества, что повлекло многочисленные нарушения прав граждан. И только Федеральным законом от 31 октября 2002 г. № 133-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс

Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»[12] данная ошибка законодателя была исправлена путем установления уголовной ответственности за все виды квалифицированных краж вне зависимости от размера причиненного ущерба, а также за кражи без квалифицирующих признаков при размере причиненного ущерба свыше одного МРОТ. Это соответственно повлекло рост в 2003–2004 гг. числа зарегистрированных краж, что в свою очередь дало основание профессору Д.А. Корецкому в публикации «Идеологические проблемы борьбы с преступностью» публично заявить об отсутствии адекватности со стороны государства в противодействии преступности в неблагоприятных условиях, констатируя увеличение в 2003 г. количества зарегистрированных краж за год на 9,1% (или на 230 тыс.)[13].

Иного рода ошибка допущена законодателем в Федеральном законе от 22 июня 2007 г. № 116-ФЗ, которым фактически были криминализированы кражи чужого имущества с размером похищенного свыше 100 руб. при размере одного МРОТ на тот период 1100 руб. И только Федеральным законом от 16 мая 2008 г. № 74-ФЗ «О внесении изменений в ст. 3.5, 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» размер мелкого хищения был ограничен суммой до 1 тыс. руб.

Пути решения проблемы регистрации и учета преступлений. Изложенное позволяет нам утверждать, что одна из основных причин столь негативного положения в системе государственной регистрации преступлений и высочайшей латентности российской преступности заключается в том, что порядок учета, регламентируемый сегодня Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений 2005 г., повторяет основные положения Инструкции 1964 г. и базируется на принципах, которые были сформированы 40 лет назад и не отвечают потребностям сегодняшнего дня.

Не удалось даже законодательным путем изменить негативную ситуацию, связанную с возможностью принятия следователем, дознавателем, органом дознания незаконных или необоснованных процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела. Так, при подготовке проекта УПК РФ ко второму чтению по инициативе автора в ч. 1 ст. 148 было внесено положение о том, что «отказ в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному пунктом 2 части первой статьи 24 УПК РФ, допускается лишь в отношении конкретного лица». Однако ни с помощью ведомственного (МВД России) контроля, ни прокурорского надзора не удалось пресечь указанные факты нарушений (в форме необоснованного отказа в возбуждении уголовного дела в отсутствие подозреваемого лица) конституционных прав граждан, пострадавших от противоправных деяний, на их доступ к правосудию.

В означенных выше условиях, полагаем, существуют три взаимодополняющих друг друга варианта решения проблемы учета преступлений.

Первый из них заключается в необходимости законодательного установления единицы учета преступлений в уголовно-правовой статистике, что нами предлагается с 1999 г.[14] С правовой точки зрения эта потребность обусловлена тем, что в настоящее время отождествляются понятия преступления в его уголовно-правовом значении, когда оно выступает юридическим основанием для привлечения лица к уголовной ответственности, и преступления как единицы статистического учета. Это приводит к заведомому искажению показателей состояния преступности. Например, совершение умышленного убийства лицом, не достигшим 14-летнего возраста, в число регистрируемых статистикой преступлений не включается.

В целях апробации наших предложений по введению единицы статистического учета уголовно наказуемых деяний (преступлений) в соответствии с Приказом МВД России от 18 июня 2002 г. № 585 «О проведении эксперимента по совершенствованию учета преступлений» во втором полугодии 2002 г. на базе ГУВД Нижегородской, УВД Орловской и Смоленской областей был проведен эксперимент. Его результаты свидетельствуют об увеличении в два раза по сравнению со среднероссийскими темпами прироста числа зарегистрированных заявлений о преступлениях при одновременном снижении количества и удельного веса (на величину от 18% до 53%) отмененных прокурорами процессуальных решений органов дознания об отказе в возбуждении уголовного дела.

К сожалению, наши предложения о введении понятия «преступления» в уголовно-правовую статистику не нашли своего отражения в проектах федерального закона «О государственной системе регистрации и учета преступлений», подготовленных в 1999, 2001 гг. Генпрокуратурой России в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 30 марта 1998 г. № 328 «О разработке единой государственной системы регистрации и учета преступлений»[15].

Второй вариант решения указанной проблемы заключается в устранении юридического препятствия для учета значительной части противоправных деяний в качестве преступлений. Таковым является наличие в УПК РФ правовой нормы о возбуждении уголовного дела. В результате если следователем, дознавателем, органом дознания принято процессуальное решение о возбуждении уголовного дела, то противоправное деяние ставится на учет как преступление. В случае же принятия указанными лицами процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела противоправное деяние в статистику преступности не попадает.

Следует отметить, что указанной процессуальной нормы не знали ни Устав уголовного судопроизводства 1864 г., ни УПК РСФСР 1922,

1923 гг. Она была введена циркуляром Прокуратуры СССР от 5 июня 1937 г. № 41/26, пункт второй которого устанавливал, что «возбуждение уголовного дела и начало расследования могут иметь место лишь по мотивированному постановлению соответствующего следственного органа, утвержденному прокурором».

Это повлекло существенное изменение ситуации с количеством зарегистрированных преступлений, что подтверждается имеющимися в ГИАЦ МВД России отдельными статистическими сведениями.

Тем самым негативные последствия действия данной уголовно-процессуальной нормы заключаются в том, что в уголовно-правовую статистику преступное деяние попадает исключительно после возбуждения уголовного дела, чего мировая юридическая наука и практика не знают.

Процессуальная норма о возбуждении уголовного дела неизвестна странам как с романо-германской, так и с англосаксонской системами правосудия. Полнота регистрации и учета преступлений в странах Западной Европы, США, Японии и других обеспечивается за счет того, что заявления о противоправных деяниях, не представляющих большой общественной опасности, после регистрации полицией ставятся на учет как преступления, а затем передаются сотрудникам для принятия мер по установлению виновного.

Так, в США более чем по 4 млн, или 40%, краж ущерб составляет менее 50 долларов, что исходя из суммы пособия по безработице соответствует по российскому законодательству мелкому хищению чужого имущества. Все они регистрируются как «индексные» преступления, но полиция расследование по ним в полном объеме не проводит (аналогично и в Германии, где размер мелкой кражи, регистрируемой как преступление, составляет 50 евро). По УПК РФ эта процедура соответствует отказу в возбуждении уголовного дела, и соответственно мелкие кражи как преступления, в отличие от США и абсолютного большинства других государств мира, в России не учитываются.

Полицейское расследование, как правило, начинается после установления подозреваемого или в случае совершения серьезного преступного деяния, что аналогично возбуждению уголовного дела по российскому уголовно-процессуальному законодательству.

Отсюда следует вывод, поддерживаемый рядом ученых (С.Е. Вицин, А.И. Трусов и др.), о том, что процессуальная норма о возбуждении уголовного дела из УПК должна быть исключена, а достаточным основанием для начала расследования уголовного дела (началом по нему производства) должно являться заявление, сообщение о преступлении, как это предусматривалось ст. 303 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.: «жалобы почитаются достаточным поводом к начатию следствия. Ни судебный следователь, ни прокурор не могут отказать в этом лицу, потерпевшему от преступления или проступка».

Существует и третий вариант решения проблемы учета преступлений в уголовно-правовой статистике, заключающийся в издании совместного (Генеральной прокуратурой, МВД, ФСБ, Минюстом, ФСКН и Федеральной таможенной службой Российской Федерации) нормативного правового акта о введении единицы учета преступлений в уголовно-правовой статистике.

При изменении принципа учета количество зарегистрированных криминальных деяний в России в 1999–2007 гг. составило бы не 3–3,8 млн и даже не 5 млн (цифру эту называл видный российский ученый-криминолог В.В. Лунеев еще десятилетие назад[16]), а порядка 7–8 млн. Уже через четыре-пять лет число регистрируемых статистикой преступлений достигло бы 10 млн, что вполне сопоставимо с числом деликтов, регистрируемых в других странах.

Реализация проекта позволила бы обеспечить единство подходов к формированию статистического массива данных о состоянии преступности и повысить эффективность решений, принимаемых государством в данной сфере деятельности, что невозможно сделать без должного материально-технического и организационно-штатного обеспечения деятельности правоохранительных органов и судов.

Это также способствовало бы сокращению числа оснований для сокрытия сотрудниками органов внутренних дел преступлений от учета, который в этом случае будет начинаться с момента фактической регистрации в дежурной части заявления или сообщения о преступлении.

Одновременно при возбуждении уголовного дела из отказного материала не будет оснований для утверждения, что преступление укрыто от учета, поскольку оно на момент принятия процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела уже учтено государственной статистикой как преступление. Да и начальники органов внутренних дел не смогут манипулировать статистикой, относя такие деяния, когда лицо установлено, к преступлениям или отказывая в возбуждении дела, когда подозреваемый не известен.

Введение в уголовно-правовую статистику единицы учета преступлений, являясь первоначальным этапом решения проблемы регистрации и учета преступлений, позволило бы:

– обеспечить большую гарантированность со стороны государства конституционного права граждан на доступ к правосудию. Соответственно повысился бы и уровень доверия граждан и самих правоохранительных органов к статистике о состоянии преступности;

– установить действительный объем работы правоохранительных органов. Его возрастание в 2–3 раза в условиях ограниченного финансирования органов внутренних дел побудит законодателя принять радикальные меры к упрощению процедуры расследования уголовных дел и судебного разбирательства;

– наблюдая за изменениями преступности, своевременно принимать адекватные меры реагирования для удержания ее на социально терпимом уровне.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

[2] См.: Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты: Монография. М., 2008. С. 25.

[3] Показатель рассчитан экспертным путем исходя из количества зарегистрированных заявлений, сообщений о преступлениях по форме 2-Е, журналу учета информации и др.

[4] См.: Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 4. С. 112–117.

[5] См.: Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006.

[6] Из выступления О.Н. Ведерниковой на IV Всероссийском конгрессе уголовного права (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 28–29 мая 2009 г.).

[7] Распоряжение МВД России от 10 августа 2001 г. № 1/14559 «О мерах по обеспечению полноты учета и регистрации преступлений», Приказ МВД России от 8 ноября 2001 г. № 979 «О неудовлетворительном исполнении требований МВД России по совершенствованию контроля за состоянием учетно-регистрационной дисциплины» и Приказ МВД России от 5 ноября 2003 г. № 864 «О серьезных недостатках в деятельности органов внутренних дел по укреплению учетно-регистрационной дисциплины и законности при приеме, проверке и разрешении сообщений о преступлениях»; совместный приказ МВД России и Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 28 ноября 2001 г. № 1058/72 «О мерах по укреплению законности в деятельности органов внутренних дел при регистрации и учете преступлений».

[8] См. подр.: Гаврилов Б.Я. Латентная преступность: понятие, структура, факторы латентности и меры по обеспечению достоверности уголовной статистики: Моногр. М., 2007.

[9] См.: Скоморохов Р.В., Шиханов В.Н. Уголовная статистика: обеспечение достоверности. М., 2006 С. 54–55; Исаев З.М. Проблемы искусственно-латентной преступности: Дис. … канд. юрид. наук. Махачкала, 2002. С. 132; Скоромников К.С. Существующая система учета преступлений и раскрытия их нуждается в кардинальной реформе // Государство и право. 2000. № 1. С. 108–110 и др.

[10] См.: Письмо Генерального прокурора Российской Федерации В.В. Устинова от 17 июня 2002 г. № 1-ГП-19-2002 «О мерах по обеспечению достоверности показателей состояния преступности и результатов борьбы с правонарушениями».

[11] См.: Письмо министра внутренних дел Российской Федерации Б.В. Грызлова Генеральному прокурору Российской Федерации В.В. Устинову (исх. № 1/4052 от 16.06.2004 г.).

[12] См.: СЗ РФ. 2002. № 44. Ст. 4298.

[13] См.: Законность. 2004. № 5. С. 2–6.

[14] См.: Гаврилов Б.Я. О реальности российской уголовной статистики // Законность. 1999. № 6; Он же. Способна ли российская статистика о преступности быть реальной // Государство и право. 2001. № 1 и др.

[15] СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1544.

[16] См., напр.: Лунеев В.В. Контроль над преступностью: надежны ли показатели? // Государство и право. 1995. № 7. С. 89–102; Он же. Тенденции преступности: мировые, региональные, российские // Там же. 1993. № 5. С. 3–19.

Конфискация имущества: толкование и применение уголовно-правовых норм

Ю.Е. ПУДОВОЧКИН – профессор кафедры уголовного права Российской академии правосудия, доктор юридических наук, профессор

В статье рассматривается проблема законодательной регламентации и применения конфискации имущества как меры уголовно-правового характера.

Ключевые слова: уголовное право; уголовное наказание; уголовная ответственность; иные меры уголовно-правового характера; конфискация имущества; возмещение вреда, причиненного преступлением.

Конфискация имущества в первоначальной редакции УК РФ рассматривалась в качестве дополнительного наказания, представлявшего собой принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного. Она устанавливалась за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные из корыстных побуждений, и могла быть назначена судом только в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК (ст. 52 УК РФ). Практика применения данного вида наказания показывала, что оно в период, предшествовавший его отмене (1999–2002 гг.), применялось в среднем к 2% осужденных. При этом в уголовно-правовой науке превалировало мнение о достаточно высокой эффективности этого наказания в деле предупреждения корыстной преступности.

В 2003 г. законодатель исключил положения о конфискации имущества из УК РФ. Вместе с тем отсутствие конфискации в уголовном законодательстве не означало полного забвения этой меры. В период 2003–2006 гг. сохраняли свою силу предписания ст. 81 УПК РФ, согласно которым при вынесении приговора, а также опре-

деления или постановления о прекращении уголовного дела изъятые в качестве вещественных доказательств орудия преступления, принадлежащие обвиняемому, подлежали конфискации. Конституционный Суд РФ в определении от 8 июля 2004 г. № 251-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Яковенко Андрея Федоровича п. 1 ст. 86 УПК РСФСР и гражданина Исмайлова Адиля Юнус оглы – п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ, а также жалобы гражданина Кузьмина Владимира Клавдиевича на нарушение его конституционных прав положениями ст. 81 УПК РФ», ссылаясь на нормы международного права, указал, что само по себе исключение конфискации имущества как вида наказания из УК РФ не может расцениваться как препятствие для сохранения в УПК РФ института конфискации имущества, признанного вещественным доказательством по уголовному делу, а следовательно, для применения этого института судом, и признал соответствующие положения УПК конституционными. Действовал в этот период и еще один вид конфискации – гражданско-правовой. Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах» рассматривал конфискацию контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в качестве специального способа защиты прав[1].

Однако наличие данных видов конфискации мало способствовало решению проблемы борьбы с корыстной, организованной преступностью и терроризмом. Исключение конфискации из уголовного закона противоречило и обязательным для России нормам международного права, в частности: Конвенции ООН о борьбе с финансированием терроризма (1999 г.), Конвенции ООН против коррупции (2000 г.), Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.). Не было поддержано это законодательное решение и многими специалистами (Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеевым), утверждавшими, что отсутствие в УК РФ такой меры, как конфискация имущества, противоречит требованиям принципа справедливости и блокирует профилактическую функцию уголовного закона.

Спустя два с половиной года Законом РФ от 27 июля 2006 г. № 153 конфискация имущества была возвращена в УК РФ в качестве «иной меры уголовно-правового характера». А Федеральным законом № 280-ФЗ от 25 декабря 2008 г. некоторые принципиальные положения конфискации, которые вызывали неоднозначную трактовку у специалистов, были уточнены и скорректированы.

В ст. 104.1 УК РФ дается обновленное определение конфискации. Это – принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора суда строго установленного вида имущества:

а) денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 105, ч. 2–4 ст. 111, ч. 2 ст. 126, ст. 127.1, 127.2, ч. 2 ст. 141, ст. 141.1, ч. 2 ст. 142, ст. 146, 147, 183, ч. 3–4 ст. 184, ст. 186, 187, 189, ч. 3–4 ст. 204, ст.. 205, 205.1, 205.2, 206, 208, 209, 210, 212, 222, 227, 228.1, 229, 231, 232, 234, 240, 241, 242, 242.1, 275, 276, 277, 278, 279, 281, 282.1, 282.2, 285, 290, 295, 307–309, 355, ч. 3 ст. 359 УК РФ, или являющихся предметом незаконного перемещения через таможенную границу Российской Федерации, ответственность за которое установлена ст. 188 УК РФ, и любых доходов от этого имущества, за исключением имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу;

б) денег, ценностей и иного имущества, в которые имущество, полученное в результате совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями, указанными в пункте «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, и доходы от этого имущества были частично или полностью превращены или преобразованы;

в) денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации);

г) орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому.

Принципиально важной для понимания сути конфискации является характеристика ее предмета:

1. Предметом конфискации является имущество, выраженное в натуральной форме (предметы, ценности) или в форме денег как эквивалента их стоимости. Этот тезис дополнительно подтверждается указанием, содержащимся в ст. 104.2 УК РФ, согласно которому, если конфискация определенного предмета, входящего в имущество, указанное в ст. 104.1 УК РФ, на момент принятия судом решения о конфискации данного предмета невозможна вследствие его использования, продажи или по иной причине, суд выносит решение о конфискации денежной суммы, которая соответствует стоимости данного предмета.

2. В отличие от ранее действовавших норм о конфискации имущества, допускавших обращение в доход государства всего имущества виновного, сегодня закон, по сути, указывает на три типа имущества, подлежащего конфискации: полученное от преступной деятельности (п. «а», «б» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ), используемое для совершения преступлений (п. «в», «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ), предназначенное для финансирования терроризма или организованной преступности (п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ). Общим признаком подлежащего конфискации имущества является его связь с преступной деятельностью виновного.

Под имуществом, полученным от преступной деятельности, следует понимать: предметы, полученные преступным путем (например, предмет хищения); доходы от совершения преступления (например, вознаграждение за убийство или доход от реализации порнографической продукции); любые иные виды имущества, в которое эти предметы или доходы были превращены (например, проценты по банковским вкладам «грязных» денег или недвижимость, приобретенная за такие деньги).

Имущество, используемое для совершения преступлений, представляет собой либо материальные средства исполнителей, организаторов, пособников, непосредственно обеспечивающие совершение преступления, либо орудия (средства) совершения преступления. Важно, что этот тип имущества может иметь как нелегальный, так и легальный источник происхождения.

Имущество, предназначенное для совершения некоторых преступлений (финансирования терроризма, организованной преступности), пожалуй, самая сложная категория. Как и имущество, используемое для совершения преступлений, оно может иметь легальный или нелегальный источник. Однако если первые из указанных двух видов имущества уже «запятнали» себя преступлением, то связь легально приобретенного имущества для использования в потенциально возможной террористической или организованной преступной деятельности носит вероятностный характер и требует особого подхода к доказыванию.

3. Конфискация, по общему правилу, применяется лишь в отношении имущества, полученного, используемого или предназначенного для совершения строго определенного перечня преступлений. Исключением является конфискация орудий, оборудования и иных средств совершения преступления, которая применяется вне зависимости от того, какое преступление совершено обвиняемым.

4. Подлежащее конфискации имущество, по общему правилу, должно принадлежать самому обвиняемому. В этой связи весьма показательно дело Белкинса, осужденного за контрабанду, к которому была применена уголовно-процессуальная конфискация денежных средств, незаконно перемещавшихся им через границу. Поскольку эти денежные средства принадлежали не ему, а третьему лицу (Бакланову), Европейский Суд по правам человека по жалобе гражданина Бакланова признал такую конфискацию нарушением Европейской конвенции о защите прав человека и основных свободы, гарантирующей каждому неприкосновенность собственности. В связи с этим Президиум Верховного Суда РФ судебные решения в части обращения в доход государства денежных средств отменил[2]. Однако законодатель допускает и исключение из этого общего правила. Согласно ч. 3 ст. 104.1 УК РФ полученное в результате совершения преступления или предназначенное для совершения преступлений имущество, переданное осужденным другому лицу (организации), подлежит конфискации, если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий. Это лицо является недобросовестным приобретателем и не может претендовать на компенсацию изымаемого в доход государства имущества.

Анализируя предмет конфискации, важно обратить внимание, что по сравнению с первоначальной редакцией УК РФ сфера применения конфискации имущества существенно расширена. На момент вступления в силу УК РФ конфискация в нем предусматривалась в 43 составах преступлений (с учетом квалифицированных), причем все эти преступления относились к категории тяжких и особо тяжких. На сегодняшний день применение конфискации (с учетом квалифицированных составов) допускается за совершение 104 преступлений, из которых особо тяжких – 33, тяжких – 38, средней тяжести – 22, небольшой тяжести – 11. Можно прогнозировать, что в дальнейшем законодатель пойдет по пути включения в имеющийся перечень новых преступлений, в первую очередь корыстных посягательств на собственность.

Однако в таком увеличении нормативных возможностей конфискации имущества нельзя усматривать попрания идей гуманизма[3], поскольку законодатель теперь исключает возможность конфискации имущества, которое было приобретено лицом, совершившим преступление, законным путем и использовалось в законной деятельности. Особое значение в этой связи имеет предписание ч. 2 ст. 104.1 УК РФ, согласно которому, если имущество, полученное в результате совершения преступления, и (или) доходы от этого имущества были приобщены к имуществу, приобретенному законным путем, конфискации подлежит та часть этого имущества, которая соответствует стоимости приобщенных имущества и доходов от него. Уголовно-правовое принуждение в данном случае стало адресным, отвечающим требованиям принципа личной и виновной ответственности, непосредственно связанным с преступной деятельностью лица; а известно, что именно «меткость» уголовной репрессии обеспечивает высокий исправительный и профилактический потенциал уголовного закона.

Возвращая конфискацию имущества в УК РФ, законодатель в первоначальной редакции ст. 104.1 УК РФ весьма неопределенно высказался относительно порядка назначения конфискации имущества, указав, что конфискация назначается «по решению суда». Это давало основание некоторым специалистам говорить о возможности применения конфискации имущества в случае, когда уголовное дело завершается не вынесением обвинительного приговора, а вынесением, например, постановления об осво-

бождении от уголовной ответственности. Такая рекомендация справедливо оспаривалась и при первоначальной редакции ст. 104.1 УК РФ, а сегодня опровергнута и последними изменениями закона, согласно которым решение о конфискации имущества должно быть принято именно в обвинительном приговоре суда. Такое изменение уголовного закона вполне оправданно и согласуется с предписаниями уголовно-процессуального законодательства. Согласно ст. 73 УПК РФ обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 УК РФ, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), подлежат обязательному доказыванию по уголовному делу. Факт доказанности этих обстоятельств должен быть подтвержден судом при постановлении приговора (ст. 299 УПК РФ). Таким образом, процессуальным документом, оформляющим назначение конфискации имущества, является обвинительный приговор суда. Это принципиально важное обстоятельство дает основание рассматривать конфискацию имущества в качестве меры уголовно-правового характера, которая является составной частью уголовной ответственности, назначение которой требует предварительного решения вопроса о виновности лица в совершенном преступлении[4].

Важно обратить внимание, что в отличие от положений ст. 52 УК РФ, определявших конфискацию имущества в качестве альтернативного дополнительного вида наказания (обязанность суда назначить конфискацию содержалась лишь в 12 санкциях), действующее уголовное законодательство решает вопросы назначения конфискации имущества в императивном порядке, не предоставляя суду права отказаться от назначения данной меры при наличии оснований ее назначения. Такая обязательность конфискации подтверждена постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака», в котором обращается внимание судов на то, что оборот контрафактных экземпляров произведений или фонограмм нарушает охраняемые федеральным законодательством авторские и смежные права, в связи с чем указанные экземпляры произведений или фонограмм подлежат конфискации и уничтожению без какой-либо компенсации (за исключением случаев передачи конфискованных контрафактных экземпляров произведений или фонограмм обладателю авторских или смежных прав, если это предусмотрено действующим в момент вынесения решения по делу федеральным законом). В постановлении также отмечено, что в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ судам надлежит исходить из того, что деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате преступлений, предусмотренных ст. 146–147 УК РФ, и любые доходы от этого имущества конфискуются, за исключением имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу.

Признание конфискации обязательной мерой уголовно-правового характера «снимает» вопрос о критериях, которыми должен руководствоваться суд при назначении данной меры. Решение о конфискации имущества принимается без учета характера и степени общественной опасности совершенного преступления, данных о личности виновного, смягчающих и отягчающих обстоятельств. С учетом сказанного, а также принимая во внимание характер имущества, подлежащего конфискации, оправданным выглядит решение законодателя, не установившего правила о неназначении конфискации имущества лицам, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте.

Таким образом, конфискацию имущества сегодня можно определить как обязательную в отношении определенных преступлений меру уголовно-правового характера, состоящую в обращении на основании обвинительного приговора суда определенного имущества в доход государства. Такое понимание конфискации «роднит» ее по характеру с дополнительными видами уголовного наказания, за исключением того, что на нее не распространяются требования дифференциации и индивидуализации карательного и исправительного воздействия. Являясь частью содержания уголовной ответственности, конфискация имущества подчинена и всем ее целям: она способствует восстановлению социальной справедливости, исправлению осужденных и предупреждению совершения новых преступлений.

Достаточно важными являются предписания уголовного закона, содержащиеся в ст. 104.3 УК РФ: при решении вопроса о конфискации имущества в первую очередь должен быть решен вопрос о возмещении вреда, причиненного законному владельцу (ч. 1 ст. 104.3 УК РФ); при отсутствии у виновного иного имущества, на которое может быть обращено взыскание, кроме имущества, подлежащего конфискации на основании ст. 104.1 УК РФ, вред, причиненный законному владельцу, возмещается из его стоимости, а оставшаяся часть обращается в доход государства (ч. 2 ст. 104.3 УК РФ).

Возмещение вреда не является самостоятельной мерой уголовно-правового характера, ориентированной на реализацию конституционного предписания о компенсации причиненного преступлением ущерба потерпевшим (ст. 52 Конституции Российской Федерации)[5].

Законный владелец, о котором упоминает закон, это не всегда лицо, признанное потерпевшим по уголовному делу — в качестве него может выступать гражданский истец, потерпевшим не являющийся. Очевидно также, что законным может быть владелец только у легального имущества, которое не было использовано в преступной деятельности. В связи с этим, например, возвращение взяткодателю предмета взятки или возвращение суммы вознаграждения за убийство организатору этого убийства (заказчику) невозможно.

Анализ показывает, что ст. 104.3 УК РФ предназначена для регламентации порядка конфискации в ситуации, когда в уголовном деле заявлены требования законного владельца о компенсации причиненного ему преступлением вреда (например, гражданский иск о компенсации причиненного преступлением имущественного вреда). Рассмотрение этих требований происходит либо в процессе разбирательства по уголовному делу, либо отдельно в гражданско-правовом порядке. Для обеспечения исполнения заявленного в уголовном деле гражданского иска и иных взысканий на имущество обвиняемого (за исключением указанного в ст. 446 ГПК РФ имущества, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам) накладывается арест (ст. 115 УПК РФ). При наличии к тому оснований требования о компенсации вреда удовлетворяются за счет арестованного имущества, при этом принципиально важно, что такое удовлетворение осуществляется, в первую очередь, из имущества, которое находится в легальном обороте, принадлежит причинителю вреда на праве собственности и не подлежит конфискации в силу ст. 104.1 УК РФ. Иными словами, удовлетворение требований законного владельца и исполнение конфискации являются самостоятельными действиями, имеющими различные правовые основания и осуществляемыми в отношении различного имущества (легального и нелегального). Только в том случае, если у виновного нет легального имущества, за счет которого могут быть удовлетворены требования законного владельца, они могут быть удовлетворены за счет имущества, подлежащего конфискации.

Решением суда об удовлетворении требований законного владельца за счет «грязных денег» последние фактически «легализуются», вводятся в законный гражданский оборот. Некоторые виды конфискуемого имущества (например, принадлежавшие законному владельцу на правовом основании до совершения преступления) могут быть переданы ему в натуральном виде; если это невозможно, то законному владельцу вред компенсируется за счет стоимости конфискуемого имущества, при этом очевидно, что размер возмещения не может превышать стоимость всего имущества, подлежащего конфискации.

Важна также установленная законом очередность удовлетворения требований: в первую очередь из имущества, подлежащего конфискации, удовлетворяются требования законного владельца, и только после этого оставшаяся часть имущества обращается в доход государства. Несоблюдение этого порядка, а равно заявление законным владельцем требований о возмещении ущерба после того, как состоялся приговор по уголовному делу, не препятствует законному владельцу защищать свои права в гражданско-процессуальном порядке. При этом при рассмотрении иска об освобождении от ареста имущества, которое было конфисковано по приговору суда, указание в приговоре суда о том, что это имущество приобретено на средства, добытые преступным путем, преюдициального значения не имеет. Так, отменяя решение суда об удовлетворении иска об освобождении от ареста квартиры, которая была конфискована по приговору суда, и принимая новое решение об отказе заявительнице в иске, президиум областного суда признал ошибочным вывод суда первой инстанции о том, что не имеет преюдициального значения для разрешения заявленного иска об освобождении от ареста квартиры указание в приговоре суда о конфискации указанной выше квартиры как приобретенной на средства, добытые преступным путем. Верховный Суд РФ с таким выводом не согласился. В соответствии с ч. 4 ст. 61 ГПК РФ вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесен приговор суда, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом. Из вышеприведенной правовой нормы следует, что преюдициальными для гражданского дела являются выводы приговора суда по двум вопросам: имели ли место сами действия и совершены ли они определенным лицом? Другие факты, содержащиеся в приговоре, преюдициального значения для суда, рассматривающего гражданское дело, не имеют. В связи с этим содержащееся в приговоре суда указание о конфискации определенного имущества не лишает заинтересованных лиц права предъявить иск об освобождении имущества от ареста и возможности удовлетворения этого иска в порядке гражданского судопроизводства[6].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сегодня, в связи с вступлением в силу с 1 января 2008 г. ч. 4 ГК РФ, этот закон утратил силу.

[2] См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 10.

[3] В науке высказано и противоположное мнение, согласно которому в УК РФ произошло расширение карательно-репрессивного воздействия конфискации имущества; причем считается, что «расширение рамок применения конфискации имущества до указанных пределов неоправданно, а на фоне неоднократных попыток либерализации уголовного законодательства такое изменение правовой регламентации конфискации имущества по крайне мере непоследовательно» (см.: Волков К.А., Семикина М.С. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера: pro et contra // Российский следователь. 2007. № 21).

[4] В критическом плане отметим, что при таком подходе неоправданно исключается возможность назначения конфискации лицам, совершившим общественно опасные деяния, предусмотренные УК РФ, в состоянии невменяемости, или лицам, освобожденным от уголовной ответственности.

[5] Большой шаг в направлении защиты интересов потерпевшего и компенсации ему вреда сделан в связи с принятием в 2004 г. Федерального закона № 119 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Статья 15 закона детально регламентирует основания и виды компенсации, именуя ее «мерами социальной поддержки». Компенсация в случае гибели или причинения вреда здоровью выплачивается за счет средств федерального бюджета; имущественный ущерб подлежит возмещению за счет средств федерального бюджета и иных финансовых источников, предусмотренных законодательством, с последующим взысканием этих средств с лица, виновного в причинении имущественного ущерба.

При всей безусловной важности данного закона следует отметить, что к собственно реститутивным процедурам он не имеет отношения. Согласно ст. 17 документа основаниями применения мер социальной поддержки являются гибель (смерть) защищаемого лица, причинение ему телесного повреждения или иного вреда его здоровью в связи с его участием в уголовном судопроизводстве. Речь, таким образом, не идет о компенсации вреда от любого преступления. Государство берет на себя обязанность по возмещению вреда только от «второго» преступления, совершенного в связи с участием потерпевшего в уголовном судопроизводстве по делу о «первом» преступлении. Соответственно, вред, причиненный потерпевшему от преступления, совершенного не в связи с его участием в уголовном судопроизводстве, на основании рассматриваемого закона не подлежит компенсации.

[6] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2 квартал 2005 г. (Определение № 6-В05-3) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 12.

Нарушения законности среди сотрудников УИС и возможности их профилактики

А.В. САЛАТИН – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по кадрам

Статья посвящена анализу криминологической ситуации в области нарушений законности сотрудниками учреждений и органов исполнения наказаний, а также рассмотрению основополагающих аспектов системы предупреждения преступности указанной категории лиц. На основании изучения ведомственной статистики и материалов правоприменительной практики автор обосновывает комплекс мер предупредительного характера, позволяющих своевременно воздействовать на криминогенные детерминанты, обуславливающие преступность персонала отечественной пенитенциарной системы.

Ключевые слова: преступность сотрудников правоохранительных органов, нарушения законности персоналом исправительных учреждений, психологический отбор сотрудников пенитенциарной системы, латентная преступность в уголовно-исполнительной системе, предупреждение преступлений, совершаемых сотрудниками учреждений и органов исполнения наказаний.

В процессе исследования любого явления асоциального характера необходимо определить его наиболее существенные черты, выявить закономерности, обозначить его сущность с тем, чтобы разработать пути воздействия и механизмы предупреждения. Проблема нарушения законности сотрудниками уголовно-исполнительной системы в данном случае не является исключением.

Рассматривая тему нарушения законности сотрудниками учреждений и органов исполнения наказаний, стоит отметить, что закрепленные в законах и других актах правила поведения сами по себе могут остаться на бумаге, не превратившись в реальные общественные отношения, если не будет обеспечиваться их соблюдение на практике. Таким образом, «законность является обязательной и необходимой частью одного из важнейших методов правового регулирования общественных отношений»[1].

Несмотря на большое количество научных работ по проблемам законности, среди ученых нет единства взглядов на содержание понятия «нарушение законности», что обусловлено многоплановостью этого явления.

Для определения данного понятия обратимся к терминологии. В большинстве словарей законность понимается как «соблюдение законов; положение, при котором жизнь общества охраняется законами»[2], в то время как «нарушить» означает «не выполнить, не соблюсти чего-нибудь»[3]. Таким образом, дословно нарушение законности мы можем понимать как несоблюдение норм и правил, регламентированных законом. Однако такое определение представляется чрезмерно обобщенным.

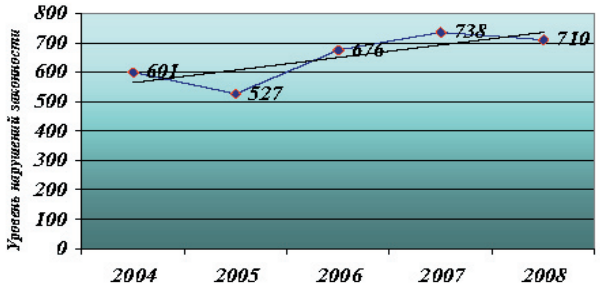
Попытаемся конкретизировать термин «соблюдение законности в деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы», понимая его как строгое исполнение всеми должностными лицами, наделенными властными полномочиями, законов и подзаконных актов, регулирующих исполнение наказания. Исходя из такого понимания мы определяем нарушение законности сотрудниками учреждений и органов исполнения наказаний как сознательное игнорирование лицами, наделенными властными полномочиями, своих служебных обязанностей или пренебрежение к ним, которые ведут к нарушению действующего законодательства и негативно отражаются на деятельности уголовно-исполнительной системы. Как видим, подобная трактовка нарушения законности также весьма расплывчата, в первую очередь ввиду широкого спектра правонарушений, включаемых в указанное понятие.

При определении понятийного аппарата и специфики изучаемого явления возникает закономерный вопрос: а каковы же размеры нарушений законности в уголовно-исполнительной системе?

Для большей наглядности изучаемого явления представим в графическом виде показатели нарушений законности сотрудниками УИС, отраженные в официальных обзорах Федеральной службы исполнения наказаний за 2004–2008 гг.

Диаграмма

Динамика нарушений законности среди личного состава УИС (2004–2008 гг.)



Как видим, линия тренда фиксирует неуклонный рост в указанные годы регистрируемых нарушений законности сотрудниками уголовно-исполнительной системы. Применяя метод экстраполяции, мы можем предположить дальнейшее увеличение регистрации рассматриваемых нарушений. Однако с учетом латентного характера изучаемого явления возникает вопрос о достоверности представленных данных.

Специфические условия исправительных учреждений, в том числе и высокая степень зависимости осужденных от администрации мест лишения свободы, дают основание предположить, что латентность нарушений законности в уголовно-исполнительной системе выше, чем в других правоохранительных органах, где зависимость граждан меньшая, а возможность обратиться с жалобой в инстанции большая.

В этой связи представляют особый интерес результаты проведенного автором анкетирования сотрудников УИС (117 респондентов из семи регионов Российской Федерации), согласно которым около 6% опрошенных оценивают нарушения законности сотрудниками как частое явление; 27% считают, что нарушения законности наблюдаются в деятельности сотрудников учреждений «достаточно часто»; 32,5% характеризуют это явление как «нечастое, но и нередкое»; 25% сотрудников считают нарушения законности явлением «редким» и 9,5% – «очень редким».

Таким образом, 65,5% опрошенных респондентов считают нарушения законности сотрудниками в служебной деятельности явлением достаточно распространенным.

Анализируя нарушения законности в уголовно-исполнительной системе, мы можем их подразделить на три основные группы:

– связанные с реализацией собственно правоотношений между осужденными и сотрудниками исправительного учреждения, наделенными властными полномочиями по регулированию наказания;

– связанные с процессом межличностного общения между осужденными и сотрудниками пенитенциарного учреждения, определяющим характер их взаимоотношений как объекта и субъекта психологического воздействия;

– связанные с управлением межличностными отношениями осужденных между собой, в которых сотрудник может выступать в качестве своеобразного «провокатора», например незаконно наделяя одного осужденного властными полномочиями над другим.

Как уже отмечалось ранее, нарушение законности – понятие весьма собирательное, однако особо следует отметить нарушение так называемых специальных прав осужденных, среди которых стоит выделить право на отбывание наказания в исправительном учреждении, приближенном к месту жительства, право на свидание, на отпуск, на телефонные переговоры, которые могут быть вызваны пробелами в нормативном регулировании. Закон обязывает администрацию исправительного учреждения устанавливать и поддерживать социально полезные связи осужденного. Как отмечают многие исследователи, законодатель так и не определяет круг родственников и иных лиц, которым предоставляются краткосрочные свидания[4]. Кроме этого, не перечислены исключительные случаи, когда иным лицам предоставляются длительные свидания (ст. 89 УИК РФ). Таким образом, толкование этой нормы полностью зависит от усмотрения администрации пенитенциарного учреждения, что в некоторых случаях может вызвать нарушение законности.

Состояние законности в учреждении во многом зависит от мер, направленных на ее упрочение, среди которых как специализированные мероприятия, направленные на решение этой задачи, так и общие меры по совершенствованию деятельности исправительного учреждения, в частности меры по правовой регламентации обязанностей персонала УИС.

Профилактика законности – это выявление и устранение причин и условий, способствующих нарушениям, ликвидация всех негативных факторов, явлений и процессов, причин и условий, которые ведут к нарушению законности. Охрана и защита подразумевает обязательное пресечение нарушений и восстановление законности, которые обеспечиваются вследствие надзора и контроля за законностью, выявления, пресечения и прекращения нарушений. Главная цель действия всех этих механизмов – пресечение нарушений и восстановление законности в деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Исходя из вышеизложенного мы можем выделить следующие направления деятельности по предупреждению нарушений законности в среде сотрудников уголовно-исполнительной системы:

1) организационно-управленческое – повышение эффективности учета и контроля за жалобами осужденных на неправомерные действия сотрудников пенитенциарного учреждения; тщательный отбор кандидатов на службу, закрепление кураторов за вновь принятыми сотрудниками; создание системы материального стимулирования труда и персональной ответственности сотрудника и т.д.;

2) правовое – четкая регламентация деятельности персонала уголовно-исполнительной системы, целью которой является создание своеобразного нормативно-правового барьера нарушениям законности, в первую очередь в области злоупотребления должностными полномочиями;

3) психолого-педагогическое – изучение личностных характеристик кандидатов при трудоустройстве; определение возможных последствий профессиональной деформации с целью воспитательного воздействия; подбор службы с учетом индивидуальных качеств потенциального сотрудника; использование психологических и педагогических приемов для коррекции поведения потенциальных правонарушителей и т.д.

К числу общих предпосылок укрепления законности следует отнести факторы социально-экономического развития общества – политические, экономические, юридические и общественные.

Рассматривая специфику предупреждения нарушений законности среди сотрудников уголовно-исполнительной системы, нельзя не отметить особую роль служебного коллектива – микрогруппы, которая непосредственно оказывает влияние на формирование установок поведения своих членов.

В теории социальной психологии распространено мнение о том, что служебный коллектив не только влияет на индивидуальные установки, мнения, отношения, ценности, демонстрируемое поведение в результате принятия нормативных стандартов, но и изменяет их. «Когда члены служебного коллектива допускают возможность нарушения законности, в большинстве своем при этом оправдывая действия нарушителя в соответствии с внутригрупповой ценностной ориентацией либо санкционируя в перспективе мнимое наказание (то есть внешнее вынесение условной санкции, при этом внутренне проявляя солидарность), то при таком отношении к нормативной системе в конкретном коллективе имеются потенциальные нарушители законности»[5]. Такой подход способствует формированию атмосферы равнодушия, попустительства в коллективе по отношению к нарушителям и нарушениям законности, укреплению убежденности в безнаказанности противоправных действий или незначительности ответственности. В конечном итоге субъективное отношение сотрудников УИС к законности влияет на формирование убеждений, системы отношений между персоналом и спецконтингентом пенитенциарного учреждения и выражается в проявлении различных форм поведенческой активности.

Таким образом, следует отметить, что сама проблема упрочения законности может быть решена лишь при использовании комплекса мер и мероприятий при условии подхода к обеспечению и укреплению законности как самостоятельному важнейшему направлению деятельности руководителей всех уровней, всего личного состава исправительного учреждения на основе передового опыта, рекомендаций правовой науки, психологии и педагогики. При этом центральное место в этом комплексе должна занимать система профилактики изучаемого негативного явления, задача которой – устранять или минимизировать действие причин и условий, ведущих к противоправному поведению сотрудников учреждений и органов исполнения наказаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Солуков А.А. Проблема обеспечения законности в деятельности органов внутренних дел: к теории вопроса // История государства и права. 2009. № 6. С. 14.

[2] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 208.

[3] Там же. С. 392.

[4] См.: Борсученко С.А. Права человека и пенитенциарные учреждения // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты. М., 2008. С. 355.

[5] Соколова Е.Н. Психологические проблемы соблюдения законности сотрудниками оперативных подразделений // Юридическая психология. 2009. № 1. С. 7.

Юридический признак предмета хищения

Е.В. ГЕРАСИМОВА – доцент кафедры уголовного пава и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Статья посвящена исследованию одного из обязательных признаков предмета хищения, который состоит в том, что имущество должно быть чужим для виновного. Автор рассматривает проблемные вопросы, возникающие на практике в ходе оценки преступлений, состоящих в хищении, с точки зрения наличия или отсутствия юридического признака предмета хищения

Ключевые слова: преступления против собственности, хищение, предмет хищения, чужое имущество, собственность, изъятие, незаконное владение, бесхозная вещь.

В соответствии с примечанием 1 к ст. 158 УК РФ под хищением понимаются «совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества».

Одним из обязательных признаков хищения является наличие предмета посягательства. Предмет преступления относится к числу признаков, характеризующих объект.

Под предметом преступления уголовно-правовая доктрина понимает вещи или иные предметы внешнего мира, а также интеллектуальные ценности, воздействуя на которые виновный причиняет вред охраняемым законом общественным отношениям[1].

Предмет преступления имеет место не в каждом преступлении, а только в тех, в которых преступное посягательство на объект осуществляется через непосредственное воздействие на материальные предметы внешнего мира. Уголовное законодательство в качестве предмета хищения называет имущество, в связи с чем преступления против собственности в юридической литературе нередко именуются имущественными преступлениями.

В теории уголовного права и правоприменительной практике выработана система черт, присущих имуществу как обязательному признаку любого хищения. Большинство авторов исходят из обязательности четырех признаков предмета хищения: материального (предмет хищения – это всегда какая-либо вещь материального мира), социального (предметом хищения могут быть лишь объекты, овеществленные человеческим трудом), экономического (предмет хищения должен обладать определенной экономической ценностью) и юридического (имущество должно быть чужим)[2].

Рассмотрим подробнее юридический признак предмета хищения. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. № 5 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности» дает разъяснения, что чужое – это имущество, не находящееся в собственности или ином законном владении виновного[3]. Полагаем, что Пленум Верховного Суда РФ в данном случае предложил очень узкое толкование юридического признака предмета хищения. На наш взгляд, признак «чужое имущество» должен включать в себя две составляющие: во-первых, виновный не должен иметь правомочий собственника или иного владельца на данное имущество, во-вторых, такие правомочия должны находиться у другого лица. Вместе с тем различные авторы предлагают свое понимание чужого имущества. Так, В.В. Веклеенко пишет: «Чужое имущество – это такие предметы и вещи, которые не только не принадлежат виновному, но и те, к которым последний относится как постороннее лицо, то есть не может полностью распространить над ними свою власть. Иными словами, чужое имущество является таковым для лица, которое не вправе распоряжаться им по своему усмотрению»[4]. А.И. Бойцов определяет чужое имущество как «имущество, которое находится на момент изъятия в фактическом обладании какого-либо физического или юридического лица и не принадлежит похитителю по праву собственности»[5]. При этом не обязательно, чтобы имущество в момент его изъятия находилось у собственника.

Под чужим имуществом принято понимать такое имущество, на которое виновный не имеет ни действительного, ни предполагаемого права собственности или иного законного владения. Действительное право означает основанное на законе или ином нормативном акте право на получение данного имущества, при этом не имеет значения, оформлено ли оно в установленном законом порядке, главное, что такое право имеется по существу, а не по форме. Предполагаемое право возникает в случае неправильного толкования, неправильной оценки тех или иных положений закона со стороны лица, совершившего изъятие. Например, лицо, думая, что является наследником по закону, берет какие-либо вещи умершего. Подобные действия могут оцениваться как самоуправство, но не как хищение.

Рассматривая юридический признак предмета хищения, следует остановиться на ряде вопросов, среди которых:

– оценка завладения имуществом, находящимся у лица незаконно;

– изъятие имущества, совершаемое его собственником;

– завладение имуществом, являющимся общей собственностью, одним из сособственников или участником юридического лица;

– завладение имуществом должника;

– завладение бесхозным имуществом.

Что касается изъятия имущества у незаконного обладателя (лица ранее похитившего это имущество или незаконно его изготовившего), то большинство авторов признают возможность оценки таких действий в качестве хищения[6]. В частности, А.И. Бойцов пишет, что хищение чужого имущества у недобросовестного владельца по своей социальной природе опасно для общества, так как нарушаются общие условия функционирования отношений собственности в обществе, и виновный паразитически обогащается за счет других лиц.

Ограниченность вышеназванного разъяснения Пленума Верховного Суда РФ выражается еще и в том, что оно фактически исключает из числа хищений завладение имуществом, находящимся и изымаемым у потерпевшего незаконно. Вместе с тем в практике складывается иной подход к вопросу об оценке изъятия имущества из незаконного владения. Это подтверждается и разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, содержащимися в п. 13 Постановления от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищениях, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», где речь идет о том, что уголовная ответственность по ст. 226 УК РФ наступает в случаях хищения огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств как из государственных или иных предприятий или организаций, так и у отдельных граждан, владевших ими правомерно или незаконно[7]. Помимо этого, давая понятие хищения имущества в примечании 1 к ст. 158 УК РФ, законодатели не исключают возможности причинения ущерба не только собственнику, но и иному владельцу этого имущества.

Неоднозначно оценивается и завладение имуществом собственником. Исходя из общего правила завладение своим собственным имуществом не может образовывать хищения, так как в этом случае лицо не относится к имуществу как к чужому. При наличии определенных условий подобные действия могут квалифицироваться как самоуправство (ст. 330 УК РФ) или как причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ).

Отдельные ученые говорят о допустимости рассмотрения в качестве предмета хищения своего имущества в тех случаях, когда имело место изъятие своего имущества, переданного на хранение с целью получить компенсацию за якобы причиненный ущерб[8]. Однако мы полагаем справедливым утверждение А.И. Бойцова, что «такого рода случаи не колеблют правила о невозможности похищения собственного имущества, поскольку изъятие такового собственником в рассматриваемых случаях является лишь приготовлением к завладению материальными средствами, призванными возместить якобы причиненный мнимой утратой ущерб»[9]. Автор подчеркивает, что в качестве предмета хищения здесь выступает не свое имущество, изымаемое собственником, а имущество другого лица, изымаемое под видом компенсации, то есть чужое имущество. Свое имущество здесь надо расценивать как средство совершения преступления. Получение возмещения за якобы утраченное имущество можно рассматривать как мошенничество, а сам факт завладения своим имуществом с этой целью — как приготовление к мошенничеству.

Что касается многосубъектной собственности, то она, безусловно, может быть объектом посягательства при незаконном изъятии имущества, находящегося в общей собственности, лицом, не являющимся одним из ее участников.

Кроме того, на практике нередко возникают сомнения по поводу оценки поведения лиц, которые, являясь сособственниками, завладевают «своей» долей имущества в общей собственности. Правильность оценки зависит, прежде всего, от вида общей собственности, его правового статуса, которые устанавливаются гражданским законодательством. Имущество может находиться в общей собственности с определением доли каждого из сособственников на правах общей собственности (долевая собственность) или без определения таких долей (совместная собственность) (п. 2 ст. 244 ГК РФ). Возможность рассмотрения имущества, находящегося в общей собственности, в качестве чужого по отношению к сособственникам этого имущества предопределяется установленным порядком распоряжения общей собственностью ее участниками.

Распоряжение, а также владение и пользование имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляется по соглашению всех ее участников. Участник долевой собственности вправе по своему усмотрению продать, подарить, завещать, отдать в залог свою долю (ст. 246 ГК РФ). Владение и пользование таким имуществом осуществляется по соглашению всех ее участников, а при недостижении согласия – в порядке, устанавливаемом судом (ст. 247 ГК РФ). Следовательно, у сособственников отсутствует право самостоятельно, по собственному усмотрению, распоряжаться общей собственностью. Поэтому А.И. Бойцов отрицает возможность изъятия чужой доли имущества одним из сособственников. Свой вывод он основывает на гражданском законодательстве, где идет речь о доле каждого из сособственников в праве собственности (п. 2 ст. 244 ГК РФ), то есть о доле в праве на все общее имущество[10]. При этом, ссылаясь на авторов одного из учебников по гражданскому праву, он пишет, что принадлежащая собственнику доля в общей собственности «не локализуется в какой-то кон-

кретной части общего имущества, а простирается на все имущество в целом»[11].

Считаем более приемлемым мнение А.В. Хабарова, который пишет, что если общее имущество является долевой собственностью, то соответствующие деяния образуют преступные посягательства против собственности других сособственников, так как доля в праве общей собственности сама выступает объектом гражданских прав, поэтому распоряжение, владение и пользование находящимся в долевой собственности имуществом не может осуществляться односторонним волеизъявлением одного из участников[12]. На аналогичных позициях стоит и В.В. Веклеенко, утверждая, что у сособственников отсутствует право самостоятельно распоряжаться имуществом по собственному усмотрению, и потому это имущество является для них чужим[13].

Порядок распоряжения имуществом, находящимся в совместной собственности, устанавливается ст. 253 ГК РФ, которая, в частности, предусматривает, что распоряжение имуществом, находящимся в совместной собственности, осуществляется по согласию всех участников, которое предполагается независимо от того, кем из участников совершается сделка по распоряжению имуществом. Таким образом, в гражданском праве существует презумпция согласия на сделки по распоряжению совместной собственностью со стороны остальных сособственников, в связи с чем соответствующее деяние участника совместной собственности исходя из общего правила не образует хищения.

Вместе с тем необходимо особо остановиться на имущественных посягательствах, совершаемых в семье. Возможность уголовно-правовой оценки такого рода действий зависит, прежде всего, от режима имущества между членами семьи. Весьма подробно этот вопрос освещает А.И. Бойцов в своих исследованиях преступлений против собственности. В частности, он отмечает, что решение данного вопроса напрямую зависит от того, основан ли брак на началах раздельности или началах общности имущества[14].

Режим имущества супругов устанавливается главным образом семейным законодательством. По общему правилу имущество, нажитое супругами во время брака, признается их совместной собственностью (ст. 34 СК РФ). На все сделки с таким имуществом, совершаемые одним из супругов, распространяется также презумпция согласия второго супруга (ст. 35 СК РФ), то есть имущество супругов не отвечает признаку «чужое имущество», потому действия по завладению этим имуществом одним из супругов не могут оцениваться как хищение. При совершении же одним из супругов сделки по распоряжению недвижимостью и сделки, требующей нотариального удостоверения и(или) регистрации, необходимо получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга (ст. 35 СК РФ). В связи с этим полагаем, что в ряде случаев, когда, например, согласие супруга получено в результате обмана или представлены поддельные документы, якобы нотариально удостоверенные, необходимо говорить об уголовно наказуемом деянии, несмотря на то что предметом хищения здесь будет выступать имущество, находящееся в совместной собственности супругов.

Наряду с этим даже в рамках законного режима имущества супругов как совместной собственности необходимо говорить об имуществе, являющемся собственностью лишь одного из супругов. Собственностью каждого из супругов признается: а) имущество, принадлежавшее каждому из супругов до брака; б) имущество, полученное одним из супругов во время брака в дар, по наследству или по иным безвозмездным сделкам; в) вещи индивидуального пользования (одежда, обувь и т.п.), за исключением предметов роскоши; г) вещи, приобретенные исключительно для удовлетворения потребностей несовершеннолетних детей (одежда, обувь, школьные и спортивные принадлежности и т.п.), разделу не подлежат и передаются без компенсации тому из супругов, с которым проживают дети (ст. 36, 38 СК РФ). Имущество, находящееся в собственности одного из супругов, является чужим по отношению ко второму супругу, в связи с чем может наступать уголовная ответственность за изъятие этого имущества.

Кроме того, брачным договором между супругами может быть установлен режим долевой собственности, и тогда посягательство на такое имущество со стороны одного из супругов также будет образовывать уголовно наказуемое деяние.

Еще один аспект имущественных отношений в семье – это имущественные отношения между родителями и детьми. Семейный кодекс Российской Федерации предусматривает, что ребенок не имеет права собственности на имущество родителей, родители не имеют права собственности на имущество ребенка (ст. 60 СК РФ). Также на режиме раздельного существования основаны имущественные отношения между братьями и сестрами.

Однако отдельные авторы считают неправильным при оценке имущественных правонарушений в семье опираться исключительно на правовой режим имущества как совместной или долевой собственности[15]. Данную проблему необходимо разрешать с точки зрения допустимости вмешательства государства в семейные отношения, а также с позиции способа посягательства на имущество члена семьи.

В этом смысле целесообразным является предложение С.А. Шейфера и А.Г. Безверхова дополнить уголовное законодательство следующим положением: «если деяние, предусмотренное ст. 158–160, 164–166, ч. 1 ст. 167 или ч. 2 ст. 168 УК РФ, совершено супругом или близким родственником потерпевшего, уголовное преследование осуществляется не иначе как по жалобе этого потерпевшего и подлежит прекращению в случае примирения потерпевшего с обвиняемым»[16].

В ходе характеристики многосубъектной собственности и способности ее быть предметом хищения со стороны сособственников необходимо затронуть вопрос о собственности органи-

зации. Гражданский кодекс в ст. 213 определяет, что коммерческие и некоммерческие организации, кроме государственных и муниципальных предприятий, а также учреждений, финансируемых собственником, являются собственниками имущества, переданного им в качестве вкладов (взносов) их учредителями (участниками, членами), а также имущества, приобретенного этими юридическими лицами по иным основаниям. Таким образом, имущество некоторых видов юридических лиц не является чужим для учредителей этих организаций.

Одной из составляющих признака «чужое имущество» является факт принадлежности его другому лицу, поэтому не может быть предметом хищения бесхозная вещь. В соответствии со ст. 225 ГК РФ к бесхозным вещам относятся вещи, которые не имеют собственника или собственник которых неизвестен, либо вещи, от права собственности на которые собственник отказался.

При оценке действий с бесхозной вещью одним из решающих критериев является субъективное отношение лица к вещи, обращенной в его пользу, как к бесхозной (считает он ее выброшенной или утраченной).

Следует согласиться с А.В. Хабаровым, который полагает необходимым также «определиться с моментом прекращения бесхозяйного состояния вещи»[17]. Опираясь на положения ГК РФ (ст. 225–234), можно сказать, что бесхозное состояние прекращается с момента фактического вступления во владение соответствующей вещью каким-либо лицом. Именно с этого момента может непосредственно появиться право собственности, либо у другого лица появляется право требовать передачи ему соответствующего имущества, либо владелец или другое лицо может по истечении определенного срока и(или) на основании решения суда обратить имущество в свою собственность. При данных вариантах указанное имущество перестает быть бесхозным, а значит, может выступать в качестве предмета хищения.

Важно, что предметом хищения может быть только наличное, находящееся в собственности или ином владении имущество, то есть имущество должно быть поступившим в фонды собственника или иного владельца и не выбывшим из них. Именно этот признак позволяет отграничить хищение от причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), где в качестве предмета преступления выступает имущество, которое еще не поступило в фонды, но должно было поступить. В рамках указанного состава преступления ущерб будет заключаться в неполучении должного.

От бесхозных вещей необходимо отличать вещи, временно оставленные без присмотра, например одежда на пляже или велосипед, оставленный у входа в магазин. Обстановка и местонахождение таких вещей свидетельствуют о том, что они не утратили собственника и потому являются чужими по отношению к лицу, завладевающему ими.

В ходе исследования данного вопроса необходимо также остановиться на правовом статусе клада. Согласно ст. 233 ГК РФ клад – это зарытые или сокрытые иным способом деньги или ценные предметы, собственник которых не может быть установлен либо в силу закона утратил на них право. По общему правилу клад поступает в равных долях в собственность лица, которому принадлежит имущество (земельный участок, строение и т.п.), где клад был сокрыт, и лица, обнаружившего клад, если соглашением между ними не установлено иное. Кроме этого, отсутствие согласия собственника земельного участка (либо иного имущества, где был сокрыт клад) на ведение его поисков обязывает лицо, обнаружившее клад, передать его указанному лицу. Таким образом, доля клада, подлежащая передаче собственнику земельного участка, по отношению к лицу, обнаружившему клад, будет выступать как чужое имущество.

Гражданское законодательство особо регулирует вопрос в случае обнаружения клада, содержащего вещи, относящиеся к памятникам истории или культуры. Эти вещи подлежат обязательной передаче в государственную собственность, а собственник имущества, где клад был сокрыт, а также лицо, обнаружившее клад, имеют право лишь на вознаграждение. В связи с этим полагаем, что в случае невыполнения названной обязанности можно говорить о составе преступления, предусмотренного ст. 164 УК РФ.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учеб. / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М., 2004. С. 109–110.

[2] См.: Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности. М., 1997. С. 31.

[3] См.: Российская газета. 1995. 31 мая.

[4] Веклеенко В.В. Квалификация хищений. Омск, 2001. С. 76–77.

[5] Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 196.

[6] См., напр.: Бойцов А.И. Преступления против собственности. С. 197; Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность. СПб., 2003. С. 141.

[7] См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 5.

[8] См., напр.: Пинаев А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. Харьков, 1975. С. 51; Тишкевич И.С. Уголовно-правовая охрана личной собственности граждан. Минск, 1988. С. 9.

[9] Бойцов А.И. Преступления против собственности. С. 199.

[10] См.: Там же. С. 202.

[11] Гражданское право: Учеб. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. Ч. 1. С. 425.

[12] См.: Хабаров А.В. Преступления против собственности: Учеб. пособие. Тюмень, 1999. С. 200.

[13] См.: Веклеенко В.В. Квалификация хищений. С. 77.

[14] См.: Бойцов А.И. Преступления против собственности. С. 204.

[15] См.: Там же. С. 213.

[16] Шейфер С.А., Безверхов А.Г. Имущественные преступления в семье: материально-правовой и уголовно-правовой аспекты // Государство и право. 2001. № 6. С. 50–51.

[17] Хабаров А.В. Преступления против собственности. С. 19.

Социальная реабилитация осужденных – задача государственной важности

В.И. СЕЛИВЕРСТОВ – начальник НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;
С.Л. БАБАЯН – заместитель начальника лаборатории НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук;
Е.М. ДАНИЛИН – ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент

В статье рассматривается проблема социальной реабилитации лиц, освобожденных от отбывания наказания, – восстановления их социально полезных связей и правового статуса гражданина; определяется значение социальное реабилитации осужденных, ее актуальность, проблемы реализации, возможности совершенствования.

Ключевые слова: социальная реабилитация; осужденные; лица, освобожденные от отбывания наказания; восстановление прав и свобод; пробация; центры социальной реабилитации; рецидив.

Социальная реабилитация лиц, освобожденных от отбывания наказания, означает восстановление их социально полезных связей и правового статуса гражданина (восстановление его прав, свобод, законных интересов и обязанностей).

Об актуальности данной проблемы говорил Президент Российской Федерации Д.А. Медведев на заседании Совета безопасности, состоявшегося 21 ноября 2008 г., где обсуждался вопрос «О дополнительных мерах по повышению эффективности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации». Кроме того, 11 февраля текущего года в Вологде под председательством Д.А. Медведева состоялось заседание Президиума Государственного Совета Российской Федерации, главной темой которого было обсуждение направлений совершенствования уголовно-исполнительной системы. Одно из них – создание общегосударственной системы постпенитенциарной помощи лицам, освобожденным из мест лишения свободы.

В первом полугодии 2009 г. сотрудниками НИИ ФСИН России изучалась проблема социальной реабилитации лиц, освобожденных от отбывания наказания. В ходе исследования были опрошены руководители ГУФСИН, УФСИН России 69 регионов, проанализированы статистические и отчетные материалы УСПВРО ФСИН России, проведены беседы в региональных центрах социальной защиты населения Рязанской и Московской областей.

Возвращение осужденных к нормальной жизни после освобождения из исправительных учреждений, их реабилитация сопряжены с разрешением целого ряда не только субъективных, но и объективных проблем.

К субъективным проблемам можно отнести: преодоление личностных деформаций; развитие позитивного потенциала индивида; формирование индивидуальных планов, перспектив и психологической готовности к преодолению сложных жизненных ситуаций, возникающих после освобождения; умение законным способом отстаивать свои права и интересы; знание не только своих прав, но и обязанностей.

К объективным проблемам относятся социально-экономическая нестабильность в стране, усиливающаяся мировым финансовым кризисом; пересмотр системы базовых ценностей духовной жизни; резкое расслоение общества на бедных и богатых; низкий жизненный уровень большинства населения; социальные и этнические конфликты; отсутствие эффективной общегосударственной системы социальной защиты, помощи и поддержки граждан, освободившихся из мест лишения свободы.

Этот неблагоприятный социальный фон осложняет процесс реабилитации. Его успешность во многом зависит от организации плодотворного взаимодействия различных ведомств, ор-

ганизаций, государственных структур и институтов гражданского общества. В этом процессе важно не упустить время, чтобы освободившийся из ИУ вновь не совершил преступление. К сожалению, многое обстоит иначе, когда он оказывается один на один со своими житейскими проблемами, разрешить которые законным способом не в состоянии. После освобождения индивид вновь попадает в общество, нормы которого обязан соблюдать. Однако для того, чтобы быть включенным в жизнь общества, требуется усвоить его нормы, ценности, знания, восстановить или приобрести навыки и умения законопослушного поведения. Это затруднительно сделать во время отбывания наказания, и тем более сложно после освобождения. Не успев адаптироваться и не получив необходимой помощи, освобожденный из ИУ разрешает возникшие противоречия единственным доступным для него способом – совершая новое преступление.

В нашей стране отсутствует общегосударственная система, позволяющая эффективно проводить работу по социальной реабилитации лиц, освобожденных от отбывания наказания. Если в странах Европы (например, Великобритании, Германии, Финляндии, Франции и др.) на протяжении многих лет действует система пробации, то в России отсутствует даже ведомство (служба) или государственный орган, возглавляющий и координирующий работу с лицами, освобожденными из ИУ, отвечающий за ее результативность.

Во время отбывания наказания (пенитенциарный период) работники УИС определенным образом проводят и координируют реабилитационную работу, особенно после того как в ИУ была специально создана группа социальной защиты осужденных. Это их функциональная обязанность. Но после того как человек освобождается из ИУ, органы УИС не могут и не должны возглавлять, координировать и отвечать за реабилитационную работу. Наступает другой период работы с освобожденными лицами – постпенитенциарный. Конечно, сотрудники органов и учреждений УИС участвуют в подобной работе. Они в первую очередь должны быть заинтересованы в закреплении тех положительных результатов, которых добились в процессе исправления и воспитания осужденных. Подобное закрепление возможно только в условиях свободного общества. Кроме того, успешность последующей социальной реабилитации во многом зависит от подготовленности осужденных к жизни после освобождения. А данная подготовка должна проводиться сотрудниками ИУ начиная с первого дня пребывания осужденного в учреждении. И еще один важный момент, с которого собственно и начинается процесс постпенитенциарной реабилитации, – это подробная, содержательная (неформальная) информация о лицах, освобождающихся из ИУ, в соответствующие органы по месту их предполагаемого жительства. Из этого можно сделать вывод: насколько плодотворно, успешно и своевременно ИУ сработают, то есть каким будет старт, таковым будет в дальнейшем и весь процесс ресоциализации лиц, освобожденных от отбывания наказания.

Но в целом руководство и координация социальной реабилитации лиц, освобожденных из ИУ, должны быть возложены на другие органы, потому что мы имеем дело с освобожденными, которые уже не находятся в ведении органов, исполняющих наказание. Поскольку они находятся вне правового поля УИС, их отношения с государством должны регулироваться другим, нежели Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, федеральным законом.

В 2006–2007 гг. по инициативе ФСИН России был подготовлен проект федерального закона «Об основах социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы». В подготовке данного документа непосредственное участие принимали сотрудники НИИ ФСИН России. По различным причинам данный закон принят не был.

О неудовлетворительном состоянии дел в сфере реабилитации лиц, освобожденных от отбывания наказания, говорил, отвечая на вопросы корреспондента «Российской газеты», министр юстиции Российской Федерации А.В. Коновалов. В частности, он отметил: «Каждый год из колоний выходят до 300 тысяч человек, отбывших наказание. У них разрушены социальные связи. Поэтому они пополняют ряды преступников.

Сегодня комплексные программы по ресоциализации лиц, вышедших из мест заключения, в регионах отсутствуют. Есть единичные программы, однако они не дают должного результата. Все регионы должны подготовить свои программы помощи осужденным»[1].

Результаты опроса начальников территориальных органов ФСИН России показали, что только в 16 субъектах Российской Федерации в том или ином виде действуют программы по оказанию помощи лицам, освобожденным из мест лишения свободы.

Например, в Республике Татарстан действует «Комплексная программа по профилактике правонарушений на 2007–2010 гг.», предусматривающая в том числе и направление работы, способствующее социальной реабилитации осужденных. Часть вопросов, касающихся трудоустройства лиц, освобождаемых из ИУ, решается с помощью «Республиканской программы содействия занятости населения на 2008–2010 гг.». Аналогичным путем пошли и в Республике Башкортостан.

Специальная программа, направленная на оказание адресной социальной помощи лицам, освобождающимся из мест лишения свободы, действует с 1993 г. в Республике Карелии.

В Астраханской области разработана и функционирует целевая программа «Социальная за-

щита населения на 2007–2009 гг.», включающая в себя подпрограмму социальной реабилитации граждан, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы в Астраханской области, на 2007–2009 гг.

В настоящее время во всех субъектах Российской Федерации выполняется поручение Президента страны: к 1 июля 2009 г. подготовить программы социальной реабилитации лиц, освобожденных от отбывания наказания[2].

Начальникам территориальных органов ФСИН России, выполняя поручение Президента Российской Федерации, необходимо принять активное участие совместно с другими государственными структурами в подготовке в субъектах Федерации комплексных программ по оказанию помощи лицам, отбывшим наказание в виде лишения свободы, и содействию их социальной реабилитации. Разработчикам данной программы особо следует обратить внимание на мероприятия, направленные на преодоление негативного влияния кризиса на процесс ресоциализации.

Одним из важных условий успешной реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, которым требуется срочная помощь в бытовом устройстве, и потерявших все социально полезные связи, является наличие в регионах центров социальной реабилитации. Там, где центры работают, они доказали свою необходимость. К сожалению, из 69 субъектов страны, участвующих в исследовании, только в 25 есть такие центры (в ряде территорий работает по несколько центров). Мест для всех желающих явно недостаточно, о чем свидетельствуют ответы начальников территориальных органов УИС.

Примером, подтверждающим важность и эффективность работы центров социальной реабилитации, служит деятельность подобного учреждения в Красноярском крае. Он был открыт по инициативе ГУФСИН России Красноярского края в 1995 г. и рассчитан на 60 мест (для мужчин). В настоящее время при поддержке администрации Красноярского края были открыты три его филиала: филиал в г. Ачинске рассчитан на 30 мужчин (западное направление); в г. Канске – на 15 мужчин и 15 женщин (восточное направление); в г. Минусинске – на 30 мужчин (южное направление).

В штате краевого центра социальной реабилитации 24 сотрудника, многие из которых являются пенсионерами УИС. Это важно, когда с людьми работают профессионалы, знающие личностные особенности освобожденных, их социальные проблемы.

Лицам, проживающим в центре, предоставляются бесплатные спальные принадлежности, питание им обходится всего в 926 руб. в месяц. Здесь оказывается квалифицированная медицинская, правовая, психологическая помощь, содействие в трудоустройстве и восстановлении всех необходимых документов. В центре работает справочно-консультативная служба, в которую за разрешением возникших вопросов могут обратиться все желающие из числа лиц, освободившихся из ИУ Красноярского края.

Стоимость одного дня проживания в центре ниже стоимости аналогичного времени нахождения в СИЗО или ИУ. Так что экономический эффект налицо.

Показателем эффективности работы центра можно считать рецидив преступности по Красноярскому краю. В 1995 г. (до открытия центра) рецидив составлял 30%, а в 2008 г. снизился до 14,8%. Рецидив преступности среди лиц, прошедших через центр, также заметно сократился: с 5,7% в 1995 г. до 1,5% в 2008 г.

В России из-за отсутствие единого государственного органа, возглавляющего работу с лицами, освобожденными из мест лишения свободы, на региональном уровне этим вопросом в разной степени занимаются самые разнообразные структуры. Например, Управление по труду и занятости населения (Челябинская область), Министерство по делам семьи, демографии и социальной политики (Калужская область), Министерство социального развития (Камчатский край), Межведомственная комиссия по профилактике правонарушений (Ямало-Ненецкий автономный округ), Комитет по вопросам законности, правопорядка и безопасности (Санкт-Петербург и Ленинградская область) и т.д. Настораживает тот факт, что, как показали результаты опроса, в 11 территориях этими вопросами никто не занимается.

Можно предположить, что мировой финансово-экономический кризис, затронувший и Россию, негативно сказался на социальной реабилитации лиц, освобожденных из ИУ. Эти вопросы стали решаться еще труднее, чем в докризисные времена. В стране сокращается финансирование отдельных отраслей производства, происходит увольнение персонала (по официальным источникам, в мае 2009 г. в Российской Федерации насчитывалось 7 млн 700 тыс. безработных, что составило примерно 10% рабочей силы страны).

Результаты исследования подтвердили предположение о негативном влиянии кризиса на процесс социальной реабилитации лиц, освобожденных из ИУ. Больше всего это касается вопросов трудоустройства (об этом сказали 17 начальников ГУФСИН, УФСИН). Вместе с тем трудности в трудоустройстве увеличили долю лиц среди освобожденных из ИУ, обратившихся в службы занятости населения за решением этих вопросов. Например, в Саратовской области в этом году уже обратился 161 освобожденный из ИУ, а в 2008 г. (до начала кризиса) таких лиц было всего 64. Или другой пример: в Мордовии в 2007 г. в центры занятости населения обратились 28 чел., освободившихся из ИУ, из них трудоустроено – 19, в 2008 г. соответственно – 26 и 12 чел., а вот в 1-м полугодии 2009 г. обратилось уже 34 чел., а трудоустроено всего 2. Приведен-

ные цифры – наглядный пример влияния кризиса на процесс ресоциализации осужденных.

Отрицательно кризис повлиял и на финансирование социальных программ во многих субъектах Российской Федерации, принимавших участие в исследовании. Например, в Калининградской области в три раза сократилось количество денежных средств, выделенных на оказание помощи освобожденным из ИУ в рамках действия программы. Не всем освобождающимся выплачивается единовременное денежное пособие, предусмотренное Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2006 г. № 800 (Владимирская область). Сократилось финансирование центра социальной реабилитации в Тульской области.

В целом кризис отрицательно отразился на решении вопросов социальной реабилитации. Вместе с тем из ответов 10 начальников территориальных органов УИС следует, что кризис никаким образом не повлиял на этот процесс. Такой результат, с одной стороны, вызывает определенные сомнения, с другой – позволяет утверждать: у некоторых руководителей территориальных органов УИС сформировалось представление о том, что вопросы социальной реабилитации осужденных решать в стране проблематично во все времена и кризис здесь не причем.

Трудоустройство лиц, освобожденных из ИУ, является важной составляющей их социальной реабилитации. Одной из форм решения этого вопроса может стать квотирование и бронирование рабочих мест на предприятиях. К сожалению, практика квотирования существует только в 17 регионах из 69, участвующих в исследовании. О бронировании рабочих мест не сказал никто.

Квотирование рабочих мест существует, например, в Республике Татарстан. Это регламентировано республиканским законом от 24 июля 2006 г. № 603РТ «О квотировании и резервировании рабочих мест для инвалидов и граждан, особо нуждающихся в социальной защите». К этой категории отнесены и лица, освобожденные из ИУ. На 2009 г. резерв составил 113 рабочих мест, а квота – 490.

В этом вопросе имеется положительный опыт в Челябинской области. Например, в г. Магнитогорске постановлением главы городской администрации от 28 июня 2007 г. установлена квота в размере 1,5% к среднесписочной численности работников для трудоустройства освобожденных из ИУ на муниципальных предприятиях, на которых персонала более 100 чел.

В Нижегородской области действует региональный закон от 20 мая 2003 г. № 32-З «О квотировании рабочих мест». Квота из расчета 3% от численности работников устанавливается организациям и предприятиям области независимо от форм собственности, численность которых превышает 100 чел.

К сожалению, результаты исследования показали, что такие регионы в стране составляют четвертую часть. А в ряде территорий, в которых квотирование рабочих мест законодательно закреплено на региональном уровне, осуществляется формально. Чтобы положительно решить этот вопрос и в регионах, и в масштабе страны, необходимо урегулировать его на федеральном уровне.

В большинстве территорий, где проводился опрос (в 65 из 69), региональное законодательство не предусматривает закрепление льгот для предприятий и организаций, осуществляющих квотирование и создание новых рабочих мест для лиц, освобожденных из ИУ. То есть стимул заниматься этим у предприятий отсутствует. В четырех субъектах Российской Федерации, где проводилось исследование, в этом направлении существует положительная практика. Например, на предприятиях Кемеровской, Липецкой и Тюменской областей установлены льготы по оплате налогов и сборов в части, поступающей в региональные бюджеты, а в Республике Бурятии предусмотрены субсидии таким предприятиям.

Если проранжировать те трудности (причины), которые, по мнению опрошенных экспертов, осложняют процесс социальной реабилитации лиц, освобожденных из ИУ, то 1-е место занимает отсутствие федерального закона, регулирующего эти вопросы; на 2-м месте – отсутствие комплексной программы социальной реабилитации в регионах; на 3-м – трудности, связанные с отсутствием у освобожденных места жительства, усугубляющиеся невозможностью регистрации тех лиц, у которых нет паспорта; на 4-м значатся трудности, связанные с трудоустройством; на 5-м – вопросы бытового устройства инвалидов и больных, освобожденных из ИУ; на 6-м – отсутствие или несвоевременность ответов органов местного самоуправления на запросы ИУ, касающиеся бытового и трудового устройства лиц, освобожденных из мест лишения свободы; на 7-м – недостаточное финансирование и отсутствие материальной поддержки со стороны федерального центра региональных социальных программ; на 8-м – отсутствие постпенитенциарного контроля (административного надзора) за лицами, освобожденными из ИУ, из-за чего не реализуется ст. 183 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующие выводы:

1. ФСИН России необходимо возобновить работу по «лоббированию» принятия федерального закона «Об основах социальной адаптации и реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы». Проект настоящего закона подготовлен ФСИН России совместно с НИИ ФСИН России. В этом законе ценно то, что закрепляется государственная система социальной реабилитации. Закон определяет компетенцию и обязанности государственных органов исполнительной власти Российской Федерации, органов исполнительной власти субъектов Федерации и органов местного самоуправления в

сфере адаптации и социальной реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Чтобы такая государственная система действовала эффективно, нужен специальный федеральный закон, а не внесение отдельных изменений в действующие правовые акты. Подобным образом предлагают действовать представители Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации[3]. Если пойти по этому пути, вряд ли удастся создать государственную систему социальной реабилитации, а ее лишь отдельные (далеко не все) элементы окажутся закрепленными в различных федеральных законах.

Инициировать работу по принятию федерального закона «Об основах социальной адаптации и реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы» необходимо не теряя времени, поскольку именно сейчас руководители страны обратили пристальное внимание на пенитенциарную систему.

2. С целью создания эффективно действующей системы социальной реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, следует определить государственную структуру, организующую и координирующую эту работу, отвечающую за ее результаты. В этом отношении должно быть единообразие в регионах и в стране. Возможно, эту работу могли бы проводить территориальные органы социальной защиты населения, а возглавлять – Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации.

Выделение в системе органов власти структуры, занимающейся вопросами социальной реабилитации лиц, освобожденных из ИУ, – мера временная, рассчитанная только на переходный период. В дальнейшем необходимо проработать вопрос создания в Российской Федерации государственной службы пробации.

3. В каждом субъекте Российской Федерации нужно организовать центр социальной реабилитации лиц, освобожденных из ИУ и остро нуждающихся в бытовом устройстве. Основное внимание в работе центра должно быть уделено оказанию медицинской, правовой, психологической помощи этим лицам, содействию в восстановлении утерянных социально полезных связей, утраченных документов и в трудоустройстве.

Штаты сотрудников данных центров следует комплектовать квалифицированными психологами, медиками, юристами, специалистами в области социальной работы, в том числе из состава пенсионеров УИС.

Освобожденных лиц, нуждающихся в социально-реабилитационных услугах, по их просьбе и представлению администрации учреждения, исполняющего наказания, по путевке органов социальной защиты населения направлять в центры социальной реабилитации.

4. В федеральном законодательстве следует закрепить практику квотирования рабочих мест для лиц, освобожденных из мест лишения свободы. С этой целью внести дополнения в Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации».

Так, в ч. 1 ст. 25 добавить п. 7 следующего содержания: «соблюдения установленной квоты для трудоустройства лиц, освобожденных из мест лишения свободы».

Кроме того, в ч. 3 ст. 25 добавить слова: «и лиц, освобожденных из мест лишения свободы». Таким образом, ч. 3 ст. 25 следует читать: «Работодатели обязаны ежемесячно предоставлять органам службы занятости:

информацию о наличии вакантных рабочих мест (должностей), выполнении квоты для приема на работу инвалидов и лиц, освобожденных из мест лишения свободы».

5. В федеральном законодательстве необходимо предусмотреть закрепление льгот предприятиям и организациям (любой формы собственности), выделяющим рабочие места для трудоустройства лиц, освобождаемых из ИУ.

Льготы данным предприятиям и организациям могут быть в виде:

– оказания предпочтения при участии в конкурсных торгах, проводимых субъектами Российской Федерации или муниципальными организациями, на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг;

– создания налоговых льгот в муниципальный, областной и федеральный бюджеты;

– оказания помощи в получении льготных кредитов на развитие производства;

– создания льгот по природоохранительным платежам в региональный бюджет;

– выделения органами местного самоуправления земельных участков, а также предоставления льгот по аренде помещений под развитие производственных мощностей;

– предоставления возможности приобретения оборудования, транспортных средств и т.д., необходимых для развития производства по лизингу под гарантии субъектов Российской Федерации и местных органов самоуправления.

6. Следует восстановить практику административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Надзор должен быть дифференцированным в зависимости от степени социальной опасности и поведения поднадзорного.

7. Сотрудникам ИУ нужно начинать социальную реабилитацию осужденных с первых дней их пребывания в учреждении. С этой целью необходимо:

– во время прохождения карантина выявить социальные проблемы, имеющиеся у осужденных;

– в процессе отбывания наказания организовать работу с осужденными (сочетая групповые и индивидуальные формы), направленную на разрешение социальных проблем;

– особое внимание обратить на работу по восстановлению паспортов осужденных, у кото-

рых они отсутствуют в личном деле, не откладывая решение этого вопроса на последние полгода перед освобождением;

– занятия в школе по подготовке к освобождению проводить с участием сотрудников территориальных служб социальной защиты населения, трудовой занятости, паспортного отдела миграционной службы и т.д. Использовать такую форму занятий с осужденными, как «вопрос–ответ» (консультация), разъясняя им все законные способы выхода из тех ситуаций, которые могут возникнуть после освобождения;

– в тематику занятий с осужденными по социально-правовой подготовке включать вопросы реабилитационного характера (например, как устроиться на работу, как зарегистрироваться по месту жительства и т.д.);

– в отрядах осужденных в ИУ оформить стенды, на которых разместить всю имеющуюся информацию, необходимую освобождающемуся для решения вопросов социальной реабилитации (сведения службы занятости о вакансиях, имеющихся на территории субъекта Российской Федерации, включая сезонные и временные работы, сведения о возможности профессиональной переквалификации, адреса службы социальной защиты населения, перечень документов, требующихся для регистрации по месту жительства, оформления пенсий, социальных льгот, получения полиса обязательного медицинского страхования и т.д.);

– обратить особое внимание освобождаемых (поскольку это новое в отечественном законодательстве) на изменения, внесенные в ст. 10 и 35 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», касающиеся того, что теперь лицам, освобожденным из ИУ (за исключением женщин), в двухнедельный срок со дня освобождения необходимо явиться в военный комиссариат по месту жительства для постановки на воинский учет. В определенной мере это может способствовать решению вопросов социальной реабилитации;

– непосредственно перед освобождением сотруднику группы социальной защиты осужденных или начальнику отряда проинформировать освобождающегося о том, что ему надлежит делать в первую очередь после освобождения. Вручить каждому освобождающемуся памятку с адресами и телефонами, которые могут потребоваться для бытового и трудового устройства. Сотрудниками НИИ ФСИН России совместно с Попечительским советом уголовно-исполнительной системы в 2008 г. были подготовлены пособие «Права – Свободы – Законы: как их защищать, соблюдать и выполнять, или Как несовершеннолетнему осужденному подготовиться к жизни после освобождения из воспитательной колонии» и «Памятка несовершеннолетнему». Эти материалы разосланы во все ВК. В настоящее время аналогичное пособие и памятка подготовлены и для других категорий осужденных.

8. Территориальным органам ФСИН России совместно с территориальными органами социальной защиты населения необходимо формировать банк данных о лицах, отбывших наказание в местах лишения свободы, нуждающихся в предоставлении мер социальной поддержки.

С этой целью органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации следует обеспечить автоматизированную систему учета и социальное сопровождение лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

9. Общественным формированиям (Общественному совету при ФСИН России, общественным советам при территориальных органах ФСИН, попечительским советам, родительским комитетам воспитательных колоний, другим общественным формированиям) работу в области социальной реабилитации лиц, освобожденных из ИУ, следует считать приоритетным направлением своей деятельности. При этом особое внимание должно быть обращено на работу с семьей осужденного, которая в настоящее время во многом остается в стороне от процесса реабилитации своих членов, вернувшихся из мест лишения свободы. Сотрудникам ИУ, предварительно выяснив, какая общественная организация функционирует в регионе, нужно порекомендовать адрес этой организации освобождающемуся. Важно к решению вопросов социальной реабилитации осужденных активнее привлекать религиозные организации.

Поскольку вопросы социальной реабилитации лиц, освобожденных из ИУ, в основном решаются за пределами УИС, многие выводы и предложения в этой сфере выходят за пределы компетенции ФСИН России. Однако это не означает того, что сотрудники ФСИН России не должны участвовать в этой работе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Российская газета. 2009. 5 мая.

[2] См.: Перечень поручений Президента Российской Федерации по итогам заседания Президиума Государственного Совета Российской Федерации 11 февраля 2009 г.

[3] См.: Проект доклада Министерства здравоохранения и социального развития Президенту Российской Федерации во исполнение поручений Правительства страны по итогам заседания Президиума Государственного Совета Российской Федерации 11.02.2009 г.

Процессы социальной либерализации как фактор ужесточения уголовного преследования личности

О.В. ХОМЯКОВ – старший преподаватель кафедры боевой и тактико-специальной подготовки ВИПЭ ФСИН России, кандидат философских наук

В статье рассматривается либерализация общественного сознания в России и ее непосредственное влияние как на инициирование деструктивных действий, так и впоследствии на ужесточение уголовного преследования личности. Автор опровергает устоявшиеся стереотипы о либеральном общественном идеале как об универсальном и идеальном. Работа приобретает особую значимость в связи с последними инициативами Президента и Правительства России по реформированию уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: либерализация общественного сознания, социальная либерализация, либерализм, пенитенциарная политика.

Построение цельной объективной картины становления и эволюции российского либерализма является возможным при анализе не только либеральных инициатив «сверху», но и при рассмотрении деструктивных реакций личности «снизу» на эти инициативы.

Либеральные идеи «проникают на российскую почву» с середины XVIII в. Особенностями развития либерализма в России в этот период принято считать следующие. Во-первых, либерализм выступал как некая форма духовной активности элиты дворянства, воплотившаяся в идеях и текстах теоретиков, пытающихся реализовать свой научный потенциал в интересах власти, а во-вторых, как некий элемент интеллигентского сознания, призванный согласовать почвеннические, крестьянские, в основном архаичные идеи и ценности с интересами властвующей элиты.

Российская интеллигенция рассматривала элементы западной культуры не как самоценность или элемент личностного саморазвития человека, а только как средство достижения определенно понимаемого блага для народа. Действия российской интеллигенции, по сути, были направлены скорее на «восстановление догосударственного (или с крайне слабой государственностью) крестьянского социализма, склонного превращать страну в конгломерат замкнутых, основанных на натуральном хозяйстве общин»[1]. Об этом писал и Н.А. Бердяев: «Общественный утилитаризм в оценке всего, поклонение “народу”, – то крестьянству, то пролетариату, – все это остается моральным догматом большей части интеллигенции»[2]. Таким образом, можно констатировать, что в русском интеллигентском сознании преобладал преимущественно утилитарный компонент, идея либерализма «превращалась в чистое средство, лишенное своей самоценности, из него выхолащивалась сердцевина: нравственное содержание, философия либеральной цивилизации, каждый элемент либерализма вырывался из либерального контекста, рассматривался в совершенно иной культурной ситуации»[3]. Н.А. Бердяев в свойственной ему манере противопоставлений «тезисов и антитезисов» характеризует российскую интеллигенцию: «интеллигенция наша дорожила свободой и исповедывала философию, в которой нет места для свободы, дорожила личностью и исповедывала философию, в которой нет места для личности, дорожила смыслом прогресса и исповедывала философию, в которой нет места для смысла прогресса, дорожила соборностью человечества и исповедывала философию, в которой нет места для соборности человечества, дорожила справедливостью и всякими высокими вещами и исповедывала философию, в которой нет места для справедливости и нет места для чего бы то ни было высокого. Это почти сплошная, выработанная всей нашей историей аберрация сознания»[4]. Используя терминологию Н.А. Бердяева, можно констатировать «аберрацию либерализма» на российской почве.

Философский либерализм, доведенный до последнего предела, отрицает все виды социальных общностей – реальность государства, нации, человечества, способствует формированию никем неуправляемой, неконтролируемой, деструктивной личности. При этом общество мыслится как момент интеракции личностей. И в своем желании довести государство до крайнего минимума и постепенно совсем упразднить либерализм смыкается вплотную с анархизмом, образуя так называемый абсолютистский либерализм.

Весьма спорным является и утверждение относительно того, что либерализм является универсальным механизмом демократизации общественно-политической жизни. Опыт современной России убедительно демонстрирует сомнительность данного тезиса. Основной принцип либерализма – «laisser-faire» (от фр. laisser-faire – непротивление, попустительство) – на нынешнем этапе оказался почти полностью реализованным, что, однако, ничуть не способ-

ствовало демократизации общественной жизни. «Наверное, ничто так не навредило либерализму, – пишет Ф.А. Хайек, – как настойчивость некоторых его приверженцев, твердолобо защищавших какие-нибудь эмпирические правила, прежде всего, “laissez-faire”»[5].

Очевидно, что человек уже с рождения является членом определенной социокультурной общности – семьи, общины, коллектива, общества, государства. Его деятельность и поведение регулируются определенными, принятыми в этой среде нормами и правилами. Следовательно, не имеет смысла говорить о какой-то естественной и абстрактной свободе, которая в реальном обществе никогда не существовала, да и не могла существовать. Осознавая свои права на свободу, человек должен осознавать и свои обязанности, то есть сознавать, что другие люди наделены не меньшими правами осознания своей свободы и способны требовать соответствующего встречного признания и уважения к своему праву.

По мнению И. Берлин, «полная свобода волков – смерть для овец, а полная свобода сильных и одаренных несовместима с правом слабых и менее одаренных на достойное человеческое существование»[6].

Для обывателей невмешательство государства в их жизнь зачастую угрожает не только их демократическим свободам, но и попросту самому физическому существованию. Самоустранение государства от организации общественной жизни и слабый государственный контроль с неизбежностью приводят к криминализации общества, хаосу и анархии, к ситуации, когда член общества оказывается просто не в состоянии реализовывать свои демократические права.

Полемика по поводу степени «социального» участия государства в жизни граждан, которая происходила в начале XX в., ничуть не утратила своей актуальности и в наши дни.

Формирование целостной творческой личности оказалось весьма проблематичным в связи с деформациями в системе нравственных и моральных норм общества, абстрагированием части населения страны от самобытной российской культуры. Действительно, либеральные ценности, привнесенные с Запада, явились в российских условиях ценностями, ориентирующими личность на исключительный приоритет материальных благ, на обогащение и потребление. В результате они оказались не только антигуманными и социально-фрустрационными, но и в некоторых случаях антигосударственными.

Навязываемое внедрение извне своего рода «матрицы свободы» в конечном счете может привести к «взлому» национального суверенитета России, отстранению большинства граждан от реального влияния на механизмы принятия решений органами государственной власти. Тщетное ожидание благоденствия и благополучия, связанное с надеждой реализации западной либеральной модели общественных отношений, обернулось для населения массовым психологическим состоянием гнетущего напряжения, чувством безысходности и отчаяния. Сегодня общество реально сталкивается с последствиями этих ожиданий: от астенических до собственно стенических. Для одной части населения страны это попытки уйти от реальной ситуации в мир фантазий и грез (в апогее развития – создание и участие в деятельности антисоциальных объединений с инвертированной системой ценностей), для другой – проявление агрессии от гнева и деструктивных действий по отношению к отдельным представителям органов государственной власти до организации экстремистской деятельности, совершения террористических актов.

Свобода, воспринимаемая без каких-либо нравственных ограничений, превратилась в произвол. Государство в 90-е гг. XX в. оказалось не в состоянии гарантированно обеспечить безопасность граждан. В этой ситуации вполне обоснованной является необходимость действия охранительных институтов государства в рамках действующего права, в том числе и по противодействию терроризму. Соответствующий закон вступил в силу с 10 марта 2006 г. [7]

Сегодня, рассматривая либерализацию общественного сознания в современной России, можно заметить аналогию с либеральными реформами общественных институтов начала прошлого века.

Актуальным вариантом общественного развития может стать стремление к построению в России некой неоконсервативной модели либерализма. Либеральная идея в современной России должна рассматриваться через призму обращения к государству не только с целью регулятивного и ограничивающего воздействия на развитие общественных отношений, но и одновременно правового обеспечения ценностного ориентирования личности. Возможность формирования устойчивых социальных отношений может быть осуществлена на основе ценностной консолидации общества, ядром которой является государство.

В современных условиях жизнь российского общества в условиях обострившихся внутренних конфликтов и межэтнических противоречий не обслуживается должным образом либеральной идеологией.

Так, В. Костиков уже в 2004 г. констатировал понимание высшим руководством страны деструктивного влияния либерализации общественных отношений на развитие личности в российских условиях: «Очевидно, что В.В. Путин разочарован в либерализме»[8].

Приоритеты квази- и псевдокультуры выражаются в том, что они играют основную негативную роль как в социализации человека, так и в дальнейшем формировании его как личности. Безусловно, что духовная пустота человека открывает возможность для активизации сил зла как непосредственно в нем, так и вокруг него.

«Свобода в смысле абсолютного произвола, – писал С.А. Левицкий, – не есть еще свобода. Если бы она была возможна, она сделала бы личность рабой ее собственных иррациональных капризов»[9].

Конечно же, ослабление контрольно-регулятивной функции государства при смене идеалов и ценностей широких слоев населения, недостаточная способность общества, отдельных стран, в целом всего мирового сообщества регулировать сложные социально-политические процессы как непосредственно в государствах, так и в мире создают реальную угрозу распространения особой формы политического насилия – терроризма. Терроризм используется в качестве средства политической борьбы не только в интересах государства или каких-либо организаций, но и в интересах отдельных групп лиц.

Очевидно, что проблема противодействия терроризму сегодня как в России, так и по всему миру признается одной из первоочередных задач по сохранению и развитию человеческой цивилизации. А минимизация террористических угроз напрямую связывается с вынужденными ограничениями свобод граждан.

О вынужденных мерах, которые смогли бы ограничить тотальную и иррациональную по своей сути эмансипацию личности в российских революционных условиях начала XX в., писал и апологет свободы А.И. Солженицын: «Если б не был царь слабак, догадался бы и он 9-го января в Петербурге ловить рабочих с хоругвями и лепить им бандитизм. И никакого бы революционного движения как не бывало»[10].

Если попытаться проанализировать формально декларируемую и формально принимаемую роль свободы личности в общественном развитии и сравнить с реально существующей ситуацией на практике, подтвержденной статистическими сведениями, свидетельствующими о негативном влиянии либерального вектора развития общества на развитие личности, то можно прийти к неоднозначным выводам.

Так, начиная с 1917 г. в условиях смены власти и гражданской войны в российском социуме были разрушены ростки либерального образа мысли и жизни. В России были ликвидированы как духовно-философские, так и экономические институты старой власти. Например, Марк Ферро писал: «Получив после Октября всю полноту ни с кем неделимой власти, большевики и вовсе возомнили себя пророками: их видение было единственно верным, они во всем были правы… приходилось сообразовываться с поставленным партией диагнозом. Всякая не соответствующая ему история должна быть пересмотрена, так как любое сомнение, касающееся путей исторического прогресса, подрывало “линию” партии, да и само ее право на руководящую роль»[11]. Непризнание революции и отказ от сотрудничества с Советами предопределяли как минимум вынужденную иммиграцию интеллектуальной элиты. «Разве Маркс и Ленин, – пишет А.И. Солженицын, – не учили, что старую буржуазную машину принуждения надо сломать, а взамен нее тотчас же создать новую?»[12]

Применение репрессий, решительная борьба с враждебной буржуазной пропагандой были направлены на ограничение общественного влияния антисоветских сил, на минимизацию воздействия буржуазных идеологов на широкие круги интеллигенции, которые встали на путь признания революции и сотрудничества с советской властью. Статистические данные, свидетельствующие о том, что процессы либерализации общественных отношений в годы осуществления новой экономической политики, часто отождествляемые с предоставлением реальных свобод и гарантий гражданам, на самом деле реально отражали сведения об ужесточении уголовного преследования личности. Так об этом пишет А.И. Солженицын: «К октябрю 1923, уже в начале безоблачных годов НЭПа (и довольно далеко еще до культа личности) содержалось: в 355 лагерях – 68 297 лишенных свободы, в 207 исправдомах – 4816, в 105 домзаках и тюрьмах – 16 765, в 35 сельхозколониях – 2328 и еще 1041 несовершеннолетних и больных»[13].

Мы можем говорить о возникновении некой стены отчуждения между основной массой населения страны и новой властью Советов. Власть, осознавая это, вынуждена была тотально контролировать не только экономику, но также социальную сферу жизни людей и обыденную культуру. Но такое положение не смогло просуществовать продолжительное время.

«После кошмара, вызванного амнистией 1953 года», – именно так характеризует профессор Ю. Рент данный период, отражая особенности исторической эволюции уголовно-исполнительной системы со второй половины прошлого столетия[14].

Однако принято считать, что «Хрущев, в отличие от Сталина, уделил внимание благосостоянию народа и допустил “управляемую” демократию»[15]. Предполагается, что и правоохранительная система была адекватна политическому режиму страны и находилась в состоянии «оттепели».

В эти годы повысилась значимость личной жизни, была предоставлена возможность реализации индивидуальных интересов и легализации материальной заинтересованности граждан, был нанесен первый серьезный удар по казарменному коллективизму общежитий. Но помпезность в оценке деятельности Н.С. Хрущева сменяется скептическим отношением И.М. Клямкина, который оценивает реформы Н.С. Хрущева как недостаточные: «они всколыхнули общество, но не перепахали его, не сообщили ему новых импульсов, не зарядили другими, более современными видами энергии…»[16]

В СССР существовал латентный кризис общественно-политической системы: «В 1960–1970-х гг. конструктивные инициативы “снизу” перестали находить институциональную поддерж-

ку государства, а нередко стали наказываться»[17]. Хотя в период с 1960 по 1963 гг. влияние Н.С. Хрущева на развитие общественных и государственных институтов было максимальным и всеми этот период времени понимается как «хрущевская оттепель», при этом подразумевается, что до и после него правящий режим характеризовался значительно большей строгостью, доходившей до откровенной жестокости. Однако, во-первых, необходимо вспомнить массовый расстрел демонстрантов в 1962 г. в Новочеркасске, а во-вторых, изучить статистические сведения, которые свидетельствуют, что в «оттепель» «теплых отношений» было меньше, чем в последующий период «застоя».

Правильнее говорить не об ужесточении, а об очевидной либерализации правоохранительной деятельности в целом и уголовно-исполнительной доктрины в частности, но только уже в «застойные» годы. Это значит, что декларируемая и популяризируемая мысль о либерализации общественных отношений 50–60 гг. прошлого столетия должна быть скорректирована, в первую очередь, в связи с более бескомпромиссным отношением к уголовному преследованию личности в сравнении со следующим периодом развития общественных отношений.

Так, в 1961 г. к смертной казни было осуждено 1890 чел., в 1962 г. – 2159. Из каждых 10 тыс. осужденных приговаривали к исключительной мере 40–44 чел. В период же «застоя» этот показатель плавно снизился от 16,3% осужденных к высшей мере наказания в 1964 г. до 3,8% в конце 70-х гг. Даже из числа осужденных за умышленное убийство в 1963 г. (последний полный год правления Н.С. Хрущева) к смертной казни было приговорено 19,8%, тогда как в 1981 г. (последний полный год правления Л.И. Брежнева) этот показатель снизился до 11,6%. Несильно противоречит указанной тенденции и статистика численности заключенных в исправительно-трудовых учреждениях. В 1959 г. этот показатель в СССР составлял 846 147 чел., в 1975 г. – 860 540, в 1979 г. – 937 159[18]. Рост количества заключенных в целом пропорционален общему приросту населения.

К началу 1970-х гг., в период правления Л.И. Брежнева, была радикально изменена пенитенциарная политика государства. Она стала более гибкой и дифференцированной. Например, ограничение свободы и направление в лечебно-трудовые профилактории оформлялись не в качестве наказания, а в качестве принудительного лечения. Для отбывания наказания военнослужащими срочной службы, осужденными на срок до двух лет, использовались дисциплинарные батальоны, нахождение в которых засчитывалось в прохождение срочной службы. Даже непримиримый борец за либеральные идеалы В. Новодворская, содержавшаяся в СИЗО «Лефортово», отмечала, что бытовые условия содержания в этом учреждении «почти дошли до уровня голландской тюрьмы»[19].

В дальнейшем концепция монолитного единства советского народа и партии, братского сосуществования народов СССР вступала в противоречие с массовой рационализацией общественной жизни, и как следствие предполагалось, что возникала необходимость в уменьшении тотального и централизованного контроля над жизнью социума.

Однако в условиях старых социокультурных ценностей советского общества этого сделать было практически невозможно. Весь период второй половины XX в. характеризовался стремлением руководства страны сохранить за СССР роль мирового лидера. Это задача воплощалась преимущественно в укреплении военной организации и увеличении военно-промышленного арсенала страны. Важное политическое значение приобрел факт создания ядерного оружия, угроза применения которого вынудила политический бомонд Запада допустить Советское государство к интегрированию в существовавшие международные структуры.

Следующим этапом либерализации общественных отношений принято считать «косыгинскую» экономическую реформу. Именно в этот период впервые был создан прецедент активного государственного участия в развитии легкой промышленности, которое сводилось не к опеке, а наоборот, к предоставлению возможности проявления предприимчивости производственным учреждениям. «По крайней мере, – пишет В.В. Согрин, – косыгинские реформы допускали развитие инициативы и самостоятельности промышленных предприятий и колхозов»[20].

Либеральные тенденции в экономике в итоге оказались антиподом официальной пропаганды. Брежнев не позволил Косыгину затмить идеологически выстраданное «детище», являющееся стержнем экономической политики СССР, – ускоренную индустриализацию: строительство все новых промышленных гигантов, создание и обслуживание масштабных транспортных коммуникаций.

Движение страны по экстенсивному пути продолжало осуществляться. Курс развития государства сохранился и при М.С. Горбачеве, хотя и на XXVII Съезде КПСС обозначались приоритеты развития страны с опорой на достижения научно-технической революции. Однако в нашей стране существовала как идеология, категорически неприемлемая Западом, так и экономически слабая система хозяйствования. Основу экономики СССР продолжали составлять промышленные гиганты, имеющие низкую рентабельность и нуждающиеся в реконструкции.

Пенитенциарная политика того времени хоть и характеризуется как более либеральная по сравнению с предыдущей, но при этом говорить о достижении серьезных результатов в укреплении гарантий законности и обеспечению прав личности не приходится. В подтверждение этого можно вспомнить криминальный беспредел и социальный хаос начала 1990-х гг., основой для

развития которых стала массовая деидеологизация советского общества в конце 1980-х гг.

В наши дни сфера государственного участия в жизни общества реально меняется от утопических программ построения счастливого общества благоденствия к конкретным механизмам реализации социального прагматизма и рационализма.

Очень часто современное направление развития общественных отношений отождествляется с антилиберальным и антидемократическим. Но тем не менее Федеральным законом от 28 декабря 2004 г. № 177-ФЗ уже с 1 января 2005 г. введен новый вид наказания в виде обязательных работ[21]. И в настоящее время к этим работам уже приговорено свыше 90 тыс. чел.[22] А это есть реальная альтернатива уголовным наказаниям в виде лишения свободы.

Однако в современных условиях при противодействии деятельности организаций экстремистской и террористической направленности очевидно, что необходимо жестко и своевременно действовать на упреждение негативного развития обстановки. Так, на начало 2006 г. в учреждениях УИС содержалось 1,7 тыс. осужденных за бандитизм и 4825 чел., осужденных за преступления террористической направленности[23]. Именно вступившие в силу новые законы и указ Президента, определившие систему противодействия терроризму в стране, позволили стабилизировать обстановку. Общее число терактов в России в последние годы неуклонно сокращается. Председатель Комитета Государственной Думы по безопасности В.А. Васильев отмечает: «Если в 2005 году их было 257, в 2006 году – 112, то 2007 году – 41. Нейтрализованы наиболее одиозные лидеры бандформирований, в значительной степени удалось стабилизировать ситуацию в Чеченской Республике и в целом в Северо-Кавказском регионе»[24].

Термин «персонификация» все чаще употребляется не только в связи с ответственностью государства по отношению к гражданам, но и в связи с реализацией своих прав и обязанностей личностью в обществе. Процессы либерализации общественных отношений в России, действительно, невозможно однозначно воспринимать как исключительно позитивные, направленные во благо личности.

В настоящей статье мы попытались продемонстрировать, что либерализация общественных отношений реально может оборачиваться не только реализацией прав личности на деструктивную свободу, но и действительным ужесточением уголовного преследования, принуждением к обязанности личности нести ответственность за «воплощенные в жизнь либеральные посылы», что является неоспоримым фактом развития современного российского социума и требует признания.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ахиезер А.С. Российский либерализм перед лицом кризиса // Общественные науки и современность. 1993. № 1. С. 13.

[2] Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. М., 1990. С. 7.

[3] Ахиезер А.С. Российский либерализм перед лицом кризиса. С.13.

[4] Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда. С. 19–20.

[5] Хайек Ф.А. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 123.

[6] Цит. по: Гаджиев К.С. Размышления о свободе // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 45.

[7] См.: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Российская газета. 2006. 10 марта (№ 48). С. 8.

[8] Костиков В. Выбор маршрута // Аргументы и факты. 2004. № 40(1249). С. 4.

[9] Левицкий С.А. Трагедия свободы. Франкфурт-на-Майне, 1984. С. 114.

[10] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1990. Т. 3. С. 390.

[11] Цит. по: Щербатых Ю.В. Искусство обмана. М., 2001. С. 255.

[12] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2. С. 9.

[13] Там же. С. 18

[14] Реент Ю. Отречение от темного прошлого. Эволюция уголовно-исполнительной системы со второй половины 60-х до конца 80-х гг. // Преступление и наказание. 2008. № 11. С. 43.

[15] Согрин В.В. Уроки российской истории и современные реформы // Вопросы философии. 2002. № 11. С. 12.

[16] Клямкин И.М. Почему трудно говорить правду // Новый мир. 1989. № 2. С. 235.

[17] Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. № 4. С. 21.

[18] См.: Реент Ю. Отречение от темного прошлого. Эволюция уголовно-исполнительной системы со второй половины 60-х до конца 80-х годов.

[19] Там же.

[20] Согрин В.В. Уроки российской истории и современные реформы.

[21] См.: Федеральный закон от 28 декабря 2004 г. № 177-ФЗ «О введение в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации о наказании в виде обязательных работ» // Российская газета. 2004. 30 декабря. № 290. С. 12.

[22] См.: Васильев В.А. Чтобы каждый чувствовал себя в безопасности // Преступление и наказание. 2008. № 6. С. 11.

[23] Ю.И. Калинин. Об организации работы по соблюдению прав лиц, содержащихся в местах лишения свободы // Преступление и наказание. 2006. № 1. С. 5.

[24] Васильев В.А. Чтобы каждый чувствовал себя в безопасности. С. 12.

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Правовая регламентация особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве

А.С. ШАТАЛОВ – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук

В статье рассмотрена процессуальная регламентация нового для уголовного процесса России правового института особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Определены основные проблемы применения данного института и направления его дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовно-процессуальное право; особый порядок принятия судебного решения; досудебное соглашение о сотрудничестве; предварительное следствие; судебное заседание; постановление приговора.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации предусматривает, что судебное производство по уголовным делам приобретает специфические особенности в следующих случаях:

1) при производстве у мирового судьи;

2) производстве в суде с участием присяжных заседателей;

3) в случае особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением;

4) при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Последнее имеет целью эффективное раскрытие «заказных» убийств, фактов бандитизма, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и разного рода коррупционных проявлений. Заключение такого соглашения предоставляет правоохранительным органам возможность привлекать к сотрудничеству со следствием лиц, состоящих в организованных группах и преступных сообществах, на условиях значительного сокращения им срока уголовного наказания и распространения на них мер государственной защиты, предусмотренных законодательством для потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Введенная российским законодателем процедура заключения досудебного соглашения о сотрудничестве разработана с учетом многолетнего положительного опыта применения аналогичных правовых институтов в других государствах. Она изначально не предназначена для массового применения, но претендует на то, чтобы стать реальной мерой, направленной на борьбу с организованными формами преступности.

Досудебное соглашение о сотрудничестве – это соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения (п. 61 ст. 5 УПК РФ). Заключение такого соглашения является принципиально новым институтом в российском уголовно-процессуальном праве. Он появился на седьмом году действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации – в конце июня 2009 г.[1] Именно тогда в кодекс была включена новая гл. 40.1, названная законодателем «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». Данная глава содержит девять статей, которыми регламентированы следующие процессуальные процедуры:

1. Порядок заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 317.1 УПК РФ).

2. Порядок рассмотрения ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 317.2 УПК РФ).

3. Порядок составления досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 317.3 УПК РФ).

4. Проведение предварительного следствия в отношении подозреваемого или обвиняемого,

с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (ст. 317.4 УПК РФ).

5. Представление прокурора об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (ст. 317.5 УПК РФ).

6. Основания применения особого порядка проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (ст. 317.6 УПК РФ).

7. Проведение судебного заседания и постановление приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (ст. 317.7 УПК РФ).

8. Пересмотр приговора, вынесенного в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (ст. 317.8 УПК РФ).

9. Меры безопасности, применяемые в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (ст. 317.9 УПК РФ).

Очевидно, что процессуальная регламентация данного института отличается обстоятельностью, чего нельзя сказать, например, об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением[2]. Известно, что последний не может применяться к обвиняемым в совершении особо тяжких преступлений, а именно на них и рассчитано заключение досудебного соглашения о сотрудничестве. Внедрение нового механизма в следственную и судебную практику призвано активизировать борьбу с преступностью главным образом в ее профессиональных и организованных формах. Для этого нормами гл. 40.1 УПК РФ установлены характер и пределы участия подозреваемого и обвиняемого в раскрытии и расследовании преступления, изобличении соучастников и розыске имущества. Прокурор наделен полномочиями по разрешению ходатайств о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и по составлению его текста. Регламентирован особый порядок проведения предварительного следствия, судебного заседания и вынесения приговора, а также применения необходимых мер безопасности при возникновении угрозы жизни и здоровью подозреваемого или обвиняемого. Однако возникает множество вопросов, например:

1. Каковы положительные и отрицательные стороны нового процессуального института?

2. В чем именно кроется специфика процессуальной формы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, каковы процессуальные гарантии его соблюдения?

3. Может ли быть пересмотрен приговор, вынесенный судом в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, и в каких случаях?

4. В какой мере досудебные соглашения о сотрудничестве способны приносить пользу в деле защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений, а также подвергаемых уголовному преследованию лиц от незаконного обвинения, осуждения, ограничения их прав и свобод?

5. Окажется ли востребованным данное новшество уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в следственной и судебной практике?

Поскольку в специальной литературе четких ответов на эти вопросы пока не дано, попробуем в них разобраться, прибегнув к обстоятельному анализу существенных деталей новой процессуальной процедуры.

Процесс заключения досудебного соглашения о сотрудничестве начинается с того, что подозреваемый или обвиняемый подает соответствующее письменное ходатайство. Оно адресуется прокурору и обязательно подписывается не только самим подозреваемым или обвиняемым, но и защитником. В тех случаях, когда защитник не приглашен самим подозреваемым или обвиняемым, его законным представителем или по поручению подозреваемого или обвиняемого другими лицами, у следователя появляется обязанность обеспечить его участие.

В законе оговорены четкие временные границы, в пределах которых подозреваемый или обвиняемый вправе заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Это допускается лишь с момента начала уголовного преследования[3] и до того, как следователем будет сделано объявление об окончании предварительного следствия.

Как правило, начало уголовного преследования совпадает с принятием совершенно определенных процессуальных решений. В их числе:

1) возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица;

2) задержание лица по подозрению в совершении преступления;

3) применение к лицу меры пресечения до предъявления обвинения;

4) привлечение лица в качестве обвиняемого.

С учетом того, что закон допускает принятие всех названных решений лишь на стадии предварительного расследования, приходим к выводу, что прокурор вправе заключать с подозреваемым или обвиняемым досудебное соглашение о сотрудничестве сразу после возбуждения уголовного дела (ч. 5 ст. 21 УПК РФ). Однако принятия этого решения будет достаточно лишь тогда, когда уголовное дело возбуждается в отношении конкретного лица. Если же уголовное дело возбуждается по факту совершенного или готовящегося преступления, то заключение досудебного соглашения о сотрудничестве станет возможным лишь после того, как подвергнутое уголовному преследованию лицо приобретет процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого.

Право заключать с подозреваемым или обвиняемым досудебное соглашение о сотрудничестве сохраняется за прокурором до того момента, как следователь объявит обвиняемому об окончании предварительного следствия. По смыслу закона такое объявление он обязан сделать сразу после того, как придет к убеждению, что все следственные действия по уголовному делу были произведены, а собранные доказательства достаточны для составления обвинительного заключения. Уведомив об этом обвиняемого, следователь обязан разъяснить ему предусмотренное ст. 217 УПК РФ право на ознакомление со всеми материалами уголовного дела как лично, так и с помощью защитника, а также законного представителя, о чем составляется протокол[4].

Полагаем, что именно этот протокол и является тем процессуальным документом, где фиксируется момент, с наступлением которого вопрос о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве уже не может ставиться заинтересованными участниками уголовного судопроизводства.

Ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве представляется прокурору подозреваемым или обвиняемым, а также его защитником через следователя. В нем должно быть указано, какие именно действия подозреваемый или обвиняемый обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, а также розыске имущества, добытого в результате преступления.

В течение трех суток с момента поступления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве следователь либо направляет его прокурору, либо отказывает в его удовлетворении. Каждое из этих решений отражается в соответствующем постановлении. Причем постановление следователя об отказе в удовлетворении такого ходатайства может быть обжаловано подозреваемым или обвиняемым, а также его защитником. Жалоба на это решение направляется руководителю следственного органа.

Если же следователь вынес постановление о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, то он должен изложить в нем мотивы принятия этого решения. Однако прежде чем направить такое постановление прокурору, он обязан согласовать его с руководителем следственного органа.

Ходатайство подозреваемого или обвиняемого по поводу заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и согласованное с руководителем следственного органа постановление следователя о возбуждении перед прокурором такого же ходатайства направляются прокурору. На этом участие следователя в рассмотрении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве заканчивается.

Документы, поступившие от следователя, прокурор обязан рассмотреть в течение трех суток. В итоге он выносит постановление либо об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, либо об отказе в его удовлетворении. Постановление об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может быть обжаловано следователем, подозреваемым или обвиняемым, а также его защитником вышестоящему прокурору. Если же прокурором было вынесено постановление об удовлетворении заявленного ходатайства, то он обязан пригласить следователя, подозреваемого или обвиняемого, а также его защитника для составления с их участием досудебного соглашения о сотрудничестве. По смыслу закона оно может составляться только в том случае, если подозреваемый или обвиняемый готов официально взять на себя конкретные обязательства по активному содействию раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления.

После составления досудебное соглашение о сотрудничестве подписывается прокурором, подозреваемым или обвиняемым, а также его защитником. В законе четко оговорены обязательные реквизиты такого соглашения. Так, в частности, в нем должны быть указаны:

1) дата и место его составления;

2) должностное лицо органа прокуратуры, заключающее соглашение со стороны обвинения;

3) фамилия, имя и отчество подозреваемого или обвиняемого, заключающего соглашение со стороны защиты, дата и место его рождения;

4) описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с п. 1–4 ч. 1 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[5];

5) пункт, часть, статья Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие ответственность за данное преступление;

6) действия, которые подозреваемый или обвиняемый обязуется совершить при выполнении им обязательств, указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве;

7) смягчающие обстоятельства и нормы уголовного законодательства, которые могут быть применены в отношении подозреваемого или обвиняемого при соблюдении последним условий и выполнении обязательств, указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве.

Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на двусторонний характер соглашения, никаких обязательств стороны обвинения в нем нет. При выполнении обвиняемым всех условий досудебного соглашения о сотрудничестве прокурор будет вправе лишь просить суд

рассмотреть уголовное дело в особом порядке. Каких-либо реальных льгот обвиняемому он обещать не уполномочен. Кроме этого, суд может отклонить представление прокурора о рассмотрении уголовного дела в особом порядке, если сочтет, что прокурор не смог подтвердить в нем активное содействие обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления и розыске имущества. Тем не менее подозреваемому и обвиняемому есть практический смысл заключать такое соглашение и рассчитывать на то, что его помощь следствию не окажется бескорыстной. Так, если суд сочтет досудебное соглашение соответствующим закону и в должной мере исполненным, то мера наказания обязательно будет значительно более мягкой. Возможность условного осуждения обвиняемого или освобождения его от отбывания наказания зависит только от усмотрения суда, поскольку тот или иной исход дела не является предметом досудебного соглашения о сотрудничестве. Таким образом, весьма неопределенную перспективу судебного рассмотрения уголовного дела и отсутствие положений об ответственности государственных органов за несоблюдение условий подписанного прокурором соглашения следует признать главными недостатками вводимого института[6].

На подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, распространяются все меры государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, предусмотренные федеральным законом[7]. Для обеспечения их эффективного применения допускается выделение уголовного дела в отдельное производство[8]. В этом случае предварительное следствие по нему проводится в порядке, установленном гл. 22–27 и 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[9], с учетом особенностей, предусмотренных ст. 317.4 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Первая особенность состоит в том, что к уголовному делу должны быть приобщены все документы, имеющие непосредственное отношение к заключению досудебного соглашения о сотрудничестве. Исчерпывающий перечень этих документов приведен в ч. 2 ст. 317.4 УПК РФ. В их числе:

1) ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве;

2) постановление следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве;

3) постановление прокурора об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве;

4) досудебное соглашение о сотрудничестве.

Вторая особенность заключается в том, что в случае возникновения угрозы безопасности подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, его близких родственников, родственников и близких лиц следователь выносит постановление о хранении всех вышеназванных документов в опечатанном конверте.

Последняя особенность сводится к тому, что после окончания предварительного следствия уголовное дело в порядке, установленном ст. 220 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, направляется прокурору. Однако такое направление имеет своей целью не только утверждение обвинительного заключения, но и вынесение представления о соблюдении обвиняемым условий и выполнении обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве.

Таким образом, на заключительном этапе предварительного расследования в рамках осуществления надзорных функций прокурор обязан тщательно изучить материалы поступившего к нему уголовного дела. Прежде чем направить его в суд, он должен лично убедиться в наличии всех необходимых документов, подтверждающих соблюдение обвиняемым условий и выполнение обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве. Одновременно прокурор выясняет, все ли требования уголовно-процессуального закона на досудебных стадиях уголовного процесса были соблюдены, правильно ли следователь составил обвинительное заключение.

Он обязан рассмотреть поступившее уголовное дело в течение 10 суток и в зависимости от результатов принять по нему одно из следующих трех решений:

1) об утверждении обвинительного заключения и о направлении уголовного дела в суд;

2) о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями;

3) направлении уголовного дела вышестоящему прокурору для утверждения обвинительного заключения, если оно подсудно вышестоящему суду.

В случае утверждения обвинительного заключения прокурор выносит представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по данному уголовному делу. В его представлении указываются:

1) характер и пределы содействия обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления;

2) значение сотрудничества с обвиняемым для раскрытия и расследования преступления,

изобличения и уголовного преследования других соучастников преступления, розыска имущества, добытого в результате преступления;

3) преступления или уголовные дела, обнаруженные или возбужденные в результате сотрудничества с обвиняемым;

4) степень угрозы личной безопасности, которой подвергались в результате сотрудничества со стороной обвинения обвиняемый, его близкие родственники, родственники и близкие лица.

Фактически своим представлением прокурор удостоверяет полноту и правдивость сведений, сообщенных обвиняемым при выполнении им обязательств, предусмотренных заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве. Копия такого представления обязательно вручается обвиняемому и его защитнику. После ознакомления с его содержанием они вправе представить прокурору свои замечания, учитываемые тем при наличии к этому оснований. Не позднее трех дней[10] с момента ознакомления обвиняемого и его защитника с представлением прокурор направляет его вместе с уголовным делом в суд.

Поступившие в суд уголовное дело и представление прокурора являются основанием для рассмотрения судом вопроса об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Применение особого порядка становится возможным, если суд удостоверится в соблюдении следующих двух условий:

1) государственный обвинитель подтвердил активное содействие обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления;

2) досудебное соглашение о сотрудничестве было заключено добровольно и при участии защитника.

Если суд установит, что какое-либо из этих условий не было соблюдено, то он принимает решение о назначении судебного разбирательства в общем порядке. Такое же решение он обязан принять и в том случае, если придет к выводу, что содействие подозреваемого или обвиняемого следствию заключалось лишь в сообщении сведений о его собственном участии в преступной деятельности.

Если же суд придет к выводу о необходимости проведения судебного заседания в особом порядке, то в целях обеспечения безопасности всех его участников на основании определения или постановления суда уголовное дело может рассматриваться в закрытом режиме. При этом как само судебное заседание, так и постановление приговора проводятся в порядке, установленном гл. 35, 36, 38 и 39 УПК РФ, но с учетом требований ст. 317.7 УПК РФ. Они следующие:

1. Судебное заседание проводится с обязательным участием подсудимого и его защитника.

2. Оно начинается с изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения, после чего государственный обвинитель подтверждает содействие подсудимого следствию, а также разъясняет суду, в чем именно это выразилось.

3. Помимо всего прочего в ходе судебного следствия должны быть исследованы:

1) характер и пределы содействия подсудимого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления;

2) значение сотрудничества с подсудимым для раскрытия и расследования преступления, изобличения и уголовного преследования других соучастников преступления, розыска имущества, добытого в результате преступления;

3) преступления или уголовные дела, обнаруженные или возбужденные в результате сотрудничества с подсудимым;

4) степень угрозы личной безопасности, которой подвергались в результате сотрудничества со стороной обвинения подсудимый, его близкие родственники, родственники и близкие лица;

5) обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, а также обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Судья, удостоверившись, что подсудимым соблюдены все условия и выполнены все обязательства, предусмотренные заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве, постановляет обвинительный приговор и назначает наказание. Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, в совершении которого обвиняется подсудимый, а также выводы суда о соблюдении подсудимым условий и выполнении обязательств, предусмотренных заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве.

Законом установлено, что в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 Уголовного кодекса Российской Федерации[11], и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Если же соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, то в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве эти виды наказания не применяются[12]. При этом срок или размер на-

казания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания в виде лишения свободы, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации[13].

По усмотрению суда подсудимому с учетом положений ст. 64, 73 и 80.1 Уголовного кодекса Российской Федерации[14] может быть назначено более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление, или условное осуждение. Более того, иногда он вообще может быть освобожден судом от отбывания наказания.

После провозглашения приговора судья разъясняет сторонам право и порядок его обжалования, предусмотренные гл. 43 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[15].

Если уже после назначения подсудимому наказания в особом порядке будет обнаружено, что он умышленно сообщил ложные сведения или скрыл от следствия какие-либо существенные сведения, то приговор подлежит пересмотру в порядке, установленном для производства в надзорной инстанции, или в порядке возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств[16].

Таков предусмотренный российском уголовно-процессуальным законодательством особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Как и любой другой закон, обратной силы он не имеет. Иначе говоря, в начальной стадии своего действия он сможет применяться в рамках только тех уголовных дел, предварительное расследование по которым еще не окончено. Его практическая значимость во многом будет определяться тем, поверят ли члены организованных преступных формирований, решившие сотрудничать со следствием, в то, что они будут надежно защищены от вполне вероятной расправы со стороны своих сообщников. Полагаем, что в интересах дела было бы правильным передать полномочия прокурора по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве суду, то есть участнику уголовного судопроизводства, наделенному полномочиями не по осуществлению надзора, а по созданию необходимых условий для реализации сторонами их процессуальных обязанностей и предоставленных им прав.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Статья 2 Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

[2] Напомним, что его процессуальной регламентации в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации посвящено лишь четыре статьи (ст. 314–316).

[3] Уголовное преследование – это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ).

[4] Помимо обвиняемого следователь обязан уведомить об окончании следственных действий защитника, законного представителя обвиняемого, если они участвуют в уголовном деле, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей.

[5] В названных пунктах ст. 73 УПК РФ перечислены следующие обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу: 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); 2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; 3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением.

[6] Между тем во многих странах мира лицо, оказавшее помощь следствию в разоблачении организаторов преступных сообществ и участников преступлений, вполне реально может рассчитывать на полное освобождение от ответственности и прекращение производства по уголовному делу.

[7] См.: Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

[8] Причем в случае возникновения угрозы безопасности подозреваемого или обвиняемого материалы уголовного дела, идентифицирующие его личность, изымаются из возбужденного уголовного дела и приобщаются к уголовному делу в отношении подозреваемого или обвиняемого, выделенному в отдельное производство (п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ).

[9] В названных главах регламентированы предварительное следствие, привлечение в качестве обвиняемого и предъявление обвинения, порядок производства отдельных следственных действий и направление уголовного дела с обвинительным заключением прокурору.

[10] В ч. 4 ст. 317.5 этот срок указан именно в днях, а не в сутках. Считаем, что такая формулировка вступает в определенное противоречие с нормативными положениями ч. 1 ст. 128 УПК РФ, где сказано, что «сроки, предусмотренные настоящим Кодексом, исчисляются часами, сутками и месяцами».

[11] Данный пункт ст. 61 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность, явку с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления.

[12] Пожалуй, это единственный случай, когда досудебное соглашение о сотрудничестве становится безоговорочно выгодным для обвиняемого.

[13] См.: Части 2 и 4 ст. 62 УК РФ.

[14] В названных статьях Уголовного кодекса Российской Федерации регламентирован порядок: 1) назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление; 2) условного осуждения; 3) освобождения от наказания в связи с изменением обстановки.

[15] В этой главе УПК РФ регламентированы апелляционное и кассационное обжалование судебных решений, не вступивших в законную силу.

[16] В случае, если будет установлено, что лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве, были предоставлены ложные сведения или сокрыты от следователя либо прокурора какие-либо иные существенные обстоятельства совершения преступления, суд, руководствуясь ст. 63 УК РФ, назначает ему наказание в общем порядке, то есть без применения положений ч. 2–4 ст. 62 УК РФ, касающихся срока и размера наказания, и ст. 64 УК РФ.

Проблемы применения уголовно-процессуального законодательства в деятельности органов дознания

Ю.Н. РЫЖОВА – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Статья посвящена актуальным и достаточно сложным проблемам законодательной регламентации деятельности органов дознания. Действующий уголовно-процессуальный кодекс существенно изменил рег-ламентацию деятельности органов дознания на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, что вызвало немало критики со стороны ученых и практиков. Однако, несмотря на неоднократные попытки законодателя откорректировать первоначальный вариант порядка возбуждения уголовного дела и производства дознания, усовершенствовать и оптимизировать указанную деятельность, некоторые вопросы применения УПК РФ не теряют своей актуальности.

Ключевые слова: органы дознания, дознание, уголовно-процессуальная деятельность.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс существенно изменил регламентацию деятельности органов дознания на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, что вызвало немало критики со стороны ученых и практиков. Однако, несмотря на неоднократные попытки законодателя откорректировать первоначальный вариант порядка возбуждения уголовного дела и производства дознания, усовершенствовать и оптимизировать указанную деятельность, некоторые вопросы применения УПК РФ не теряют своей актуальности.

Стадия возбуждения уголовного дела оказалась наиболее подвержена изменениям за время действия УПК РФ: необходимость получать согласие прокурора при возбуждении уголовного дела, негативно воспринятая практическими работниками, вынужденными терять драгоценное время на первоначальном этапе расследования, была заменена полномочием прокурора отменить данное решение в течение 24 ч. с момента получения материалов. Однако фактически дознаватели и следователи сразу же после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела по-прежнему вынуждены ездить к прокурору с материалами проверки для того, чтобы подписать карточку формы № 1 на выявленное преступление[1]. Затрагивая вопрос о порядке возбуждения уголовного дела, следует отметить, что лишение прокурора возможности самому возбуждать уголовные дела было излишней крайностью, а возвращение указанного права, на наш взгляд, могло бы способствовать более эффективному осуществлению прокурором надзора за законностью, а также реализации полномочий по уголовному преследованию.

Кроме того, до сих пор законодательно не решен вопрос о способах проверки сообщений о преступлениях, несмотря на то, что данная проблема с момента принятия УПК РФ неоднократно поднималась учеными и практиками[2]. До сих пор самым распространенным способом проверки является получение объяснений, однако оно в отличие от УПК РСФСР не закреплено в действующем кодексе, что является, на наш взгляд, существенным пробелом. Сотрудники органов внутренних дел, к примеру, при получении объяснений используют бланки, в которых основанием для проведения данного проверочного действия называется ст. 144 УПК РФ. Опрос сотрудников различных подразделений УВД по Вологодской области показал, что подавляющее большинство из них уверены в том, что в ст. 144 УПК РФ такое положение содержится[3]. Отсутствие закрепления в Уголовно-процессуальном кодексе полномочия на получение объяснений представляется еще более нелогичным ввиду того, что некоторые способы проверки, применяемые несоизмеримо реже, нашли отражение в ст. 144 УПК РФ. Речь идет о ревизиях и документальных проверках, производство которых, как правило, требуется лишь по сообщениям об экономических преступлениях.

Федеральным законом от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ[4] была возвращена возможность производства освидетельствования на стадии возбуждения уголовного дела. Однако по-прежнему (как это было в период действия существовавшей до 5 июня 2007 г. редакции ст. 146 УПК РФ, косвенно позволявшей производить освидетельствование до возбуждения уголовного дела) не ясен процессуальный статус лиц, в отношении которых может производиться данное следственное действие. На основании ч. 1 ст. 179 УПК РФ освидетельствование может быть произведено только в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля, однако, как известно, данные субъекты на стадии уголовного дела еще отсутствуют.

На стадии предварительного расследования регламентация деятельности органов дознания также вызывает ряд вопросов.

Дознание, которое пытались неоднократно изменить и преобразовать в «укороченную» и «упрощенную» форму расследования, таковым так и не стало. Существенно увеличенные по сравнению с первоначальными сроки, осложнение порядка расследования процедурой уведомления о подозрении, фактически идентичной процедуре привлечения в качестве обвиняемого, а также возможность расследования уголовных дел в форме дознания о неочевидных преступлениях позволяют сделать вывод об отсутствии каких-либо серьезных отличий между дознанием и следствием. На наш взгляд, следует согласиться с С.И. Гирько, полагающим, что в настоящее время необходима разработка нового сокращенного досудебного производства, отвечающего потребностям практики[5].

В регламентации производства неотложных следственных действий обращает на себя внимание крайняя запутанность в обозначении компетенции органов дознания. Предельно четко компетенция по производству неотложных следственных действий обозначена лишь для органов ФСБ и ФТС (определяется конкретными статьями УК РФ), а также для командиров воинских частей и начальников исправительных учреждений (определяется субъектами преступления либо территорией, на которой преступление совершено). Компетенция же «иных» органов дознания, о которых речь идет в п. 6 ч. 2 ст. 157 УК РФ, вообще не определена, вместе с тем в п. 1 ч. 2 ст. 157 указано, что дознаватели ОВД и ФСКН производят дознание по всем уголовным делам, за исключением тех, что относятся к компетенции иных органов, в том числе указанных в п. 6 ч. 2 ст. 151 УК РФ. Несомненно, что низкий уровень законодательной техники, наблюдаемый в ряде норм УПК РФ, не способствует эффективному его применению.

Представляется, что проработка указанных вопросов и последующее внесение соответствующих изменений в УПК РФ должны положительным образом сказаться на достижении целей уголовного судопроизводства в целом и предварительного расследования в частности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Приказ Генеральной прокуратуры от 29 декабря 2005 г. № 39 «О едином учете преступлений».

[2] См., напр.: Зажицкий В.И. Какие изменения и дополнения целесообразно внести в правовой институт возбуждения уголовного дела // Уголовно-процессуальные кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания: Материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2004. С. 221; Ляхов Ю. Новые изменения УПК РФ отражают потребности практики // Российская юстиция. 2004. № 1. С. 43; Чупахин Р. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях в свете УПК РФ: понятие, основные направления совершенствования правового института // Следователь. 2004. № 8. С. 22–24.

[3] Опрос проводился в 2008–2009 гг. в подразделениях криминальной милиции и милиции общественной безопасности УВД по Вологодской области.

[4] См.: СЗ РФ. 2008. № 49. Ст. 5724.

[5] См.: Гирько С.И. Дознание как таковое: наступило время конкретных шагов // Ученые-криминалисты и их роль в совершенствовании научных основ уголовного судопроизводства: Материалы вузовской юбилейной науч.-практ. конф. (к 85-летию со дня рождения Р.С. Белкина): В 2 ч. М., 2007. Ч. 2. С. 443–448.

Особенности стадии возбуждения дисциплинарного дела в отношении сотрудника уголовно-исполнительной системы

А.М. КОЛОСКОВ – начальник кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

Статья посвящена актуальным вопросам такой стадии дисциплинарного производства в отношении сотрудников уголовно-исполнительной систе-мы, как возбуждение дисциплинарного дела. В статье анализируются точки зрения различных ученых на сущность данной стадии и перечень субъектов, участвующих в ее реализации. Предлагается авторская точка зрения на содержание стадии возбуждения дисциплинарного дела.

Ключевые слова: дисциплина, дисциплинарное производство, со-трудник, уголовно-исполнительная система.

Дисциплинарное производство в УИС характеризуется наличием определенных стадий. Они являются неотъемлемым элементом его процессуальной формы. Данный элемент позволяет судить о пространственно-временной структуре дисциплинарного производства.

Среди ученых нет единого мнения по вопросу о стадиях дисциплинарного производства. Так, Ю.С. Адушкин выделяет стадии возбуждения, рассмотрения и решения дела, исполнения решения, пересмотра его по жалобе, пересмотра в порядке надзора. При этом ученый руково-

дствуется следующей идеей: какая-либо часть юридического процесса может быть признана стадией лишь тогда, когда ей свойственны а) специфичность конкретных задач и б) своеобразие круга субъектов, содержания и значения их процессуальной деятельности[1].

В.В. Касюлин различает простое и сложное (рутинное) дисциплинарное производство. Простое производство может включать в себя две стадии: возбуждение дела и принятие решения о привлечении к дисциплинарной ответственности и исполнение принятого решения. Сложное производство предполагает следующие стадии: возбуждение дела, служебная проверка (расследование), разрешение индивидуального дела о нарушении служебной дисциплины соответствующим прямым начальником и принятие решения по существу, исполнение решения по делу. В качестве факультативной стадии дисциплинарного производства В.В. Касюлин выделяет пересмотр решения о дисциплинарном взыскании[2].

Следует отметить, что действующее законодательство не создает четкого представления о составе стадий дисциплинарного производства в УИС.

Исходя из содержания норм, закрепленных в Положении о службе, можно выделить стадии служебной проверки, рассмотрения и решения дела, исполнения дела и его пересмотра. При этом четкие границы каждого этапа определить довольно сложно. Ведомственная инструкция о применении упомянутого положения в органах и учреждениях УИС не регламентирует с достаточной четкостью содержание стадий дисциплинарного производства. В связи с этим актуальным направлением совершенствования законодательства о дисциплинарной ответственности сотрудников УИС является закрепление стадий дисциплинарного производства. Это позволит ввести данное производство в четкие правовые рамки и снизить возможность злоупотреблений со стороны субъектов дисциплинарного производства. Как справедливо отмечает О.В. Чекалина, игнорирование стадий может привести к ошибкам в разрешении дел, нарушению принципа законности[3]. Кроме того, следование научно обоснованным и закрепленным в законе стадиям позволит повысить эффективность дисциплинарного производства.

В основу разработки стадий дисциплинарного производства в УИС, на наш взгляд, должны быть положены общетеоретические представления о стадиях правоприменительного процесса. Согласно им наиболее типичными являются установление и исследование фактических обстоятельств дела; выбор и анализ нормы права с точки зрения ее подлинности, законности, действия во времени, в пространстве и по кругу лиц; анализ содержания нормы права и принятие решения (издание индивидуального акта); доведение содержания принятого решения до сведения заинтересованных государственных и общественных органов и должностных лиц[4]. Такая последовательность имеет место во всех видах правоприменительной деятельности, она отражает логику совершения юридически значимых действий.

Нами будет предпринята попытка рассмотрения некоторых особенностей стадии возбуждения дисциплинарного дела.

Задачей данной стадии является получение субъектом дисциплинарной власти информации о совершении сотрудником дисциплинарного проступка.

По мнению Ю.С. Адушкина, назначение стадии возбуждения дела заключается в «официальном информировании органов (должностных лиц) о проступках, совершенных подпадающими под их дисциплинарную власть лицами»[5]. При этом, как отмечает ученый, о возбуждении производства можно говорить лишь в тех ситуациях, когда соответствующее информирование субъекта дисциплинарной власти носит официальный характер, то есть основано на полномочиях компетентных органов (лиц) провести по факту проступка необходимое разбирательство, которым и охватываются их правоотношения с привлекаемым к ответственности[6].

Исходя из этого возникает вопрос о субъектах, которые возбуждают производство. Ю.С. Адушкин к таковым относит субъектов дисциплинарного обвинения, полномочия которых в дисциплинарном процессе вытекают из их компетенции вообще или особо регламентируются законом[7]. В качестве примера можно назвать должностных лиц органов прокуратуры.

А.В. Никифоров отмечает, что производство может быть возбуждено как самим субъектом дисциплинарной власти лично, так и его распоряжением о проведении служебной проверки или направлением представления вышестоящему должностному лицу[8].

На наш взгляд, субъектом, принимающим решение о возбуждении дисциплинарного дела, является прямой начальник, то есть субъект дисциплинарной власти. Субъекты дисциплинарного обвинения лишь инициируют возбуждение дисциплинарного производства. Предоставленная ими информация, облеченная как в официальную, так и в неофициальную форму, является поводом для возбуждения дела. Поводами, в частности, являются:

– непосредственное обнаружение проступка прямым начальником;

– информация личного состава о совершении нарушений дисциплины (совершении проступков);

– сообщения осужденных и других граждан (заявления, письма, жалобы и т.п.), государственных, общественных органов и организаций;

– материалы проверок, акты ревизий контрольно-надзорной деятельности;

– сообщения средств массовой информации.

В том случае, когда непосредственный начальник ходатайствует перед вышестоящим начальником о применении дисциплинарной ответственности к подчиненному ему сотруднику, субъектом, возбуждающим дело, является непосредственный начальник.

Требующим процессуально-правовой регламентации является вопрос о содержании стадии возбуждения дисциплинарного дела. Ее составляют, прежде всего, процессуальные действия субъектов дисциплинарного производства. При этом круг таких действий определяется учеными по-разному.

По мнению А.В. Никифорова, на стадии возбуждения дела собираются доказательства вины, устанавливается факт совершения проступка, выясняются причины, условия и обстоятельства нарушения служебной дисциплины, дается соответствующая квалификация. Кроме того, истребование объяснения ученый также относит к стадии возбуждения дела[9].

Д.Н. Бахрах утверждает, что «о возбуждении дела можно говорить только как о психологическом, волевом акте, не фиксированном процессуально вовне, но предопределяющем принятие решения начать расследование при наличии признаков проступка»[10]. Начальной стадией дисциплинарного производства, как отмечает исследователь, является служебное разбирательство (расследование)[11].

На наш взгляд, в содержание стадии возбуждения дела входят следующие процессуальные действия субъектов производства:

– обнаружение факта совершения сотрудником дисциплинарного проступка;

– информирование субъекта дисциплинарной власти о совершении сотрудником дисциплинарного проступка;

– анализ субъектом дисциплинарной власти полученной информации; проверка достоверности поводов возбуждения производства и отсутствия исключающих его обстоятельств;

– принятие субъектом дисциплинарной власти решения о возбуждении дисциплинарного дела, проведении служебной проверки, передаче материалов дела на рассмотрение суда чести.

Тем самым стадия возбуждения дела имеет определенное процессуальное оформление. Однако ввиду оперативного реагирования на факты нарушения сотрудниками служебной дисциплины законодатель не счел необходимым детально регламентировать в законе действия субъектов дисциплинарного производства. Ведомственная инструкция о применении Положения о службе обязует начальника при нарушении служебной дисциплины подчиненным предупредить того о недопустимости таких действий, а при необходимости, в зависимости от тяжести совершенного проступка и степени вины, провести служебную проверку, наложить на виновного дисциплинарное взыскание или передать материалы о проступке на рассмотрение суда чести.

Результат стадии возбуждения дела может быть процессуально оформлен решением начальника о проведении служебной проверки.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Адушкин Ю.С. Дисциплинарное производство в СССР / Под ред. В.М. Манохина. Саратов, 1986. С. 78–79.

[2] См.: Касюлин В.В. Проблемы дисциплинарной практики органов внутренних дел: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. С. 80.

[3] См.: Чекалина О.В. Административно-юрисдикционный процесс: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 161.

[4] См.: Марченко М.Н. Теория государства и права: Учеб. М., 2006. С. 612.

[5] Адушкин Ю.С. Дисциплинарное производство в СССР. С. 82.

[6] См.: Там же.

[7] См.: Там же.

[8] См.: Никифиров А.В. Дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел: Дис. … канд. юрид. наук. Омск, 1998. С. 108.

[9] См.: Там же. С. 110.

[10] Бахрах Д.Н. Административное право России: Учеб. М., 2000. С. 543.

[11] См.: Там же. С. 590.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Правосубъектность лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы

М.М. ПОПОВИЧ – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Правосубъектность есть социально-правовая возможность лица быть участником гражданских правоотношений. Содержание правосубъект-ности включает в себя не только право- и дееспособность, но и ряд специальных (модифицирующих) элементов, к которым относятся предусмотренные законом обстоятельства (факторы), влияющие на правовое положение гражданина.

Ключевые слова: гражданско-правовой статус, правосубъектность, правоспособность, дееспособность, содержание правоспособности, ограничение правоспособности, ограничение дееспособности.

Правосубъектность есть категория, которая прочно установилась в цивилистической теории, хотя законодательство не использует этот термин. Данная категория является неотъемлемым элементом любого частноправового института. Интерес к правосубъектности заметно активизировался в годы экономических и правовых реформ, благодаря которым расширились правовые возможности, предоставляемые физическим лицам[1].

Многие аспекты этого важнейшего правового феномена не нашли в современной литературе единого подхода. В первую очередь это относится к содержанию гражданской правосубъектности, относительно которой высказывается множество различных мнений. Современная цивилистическая наука определяет правосубъектность как социально-правовую возможность лица быть участником гражданских правоотношений. Отметим, что с изменениями в гражданском законодательстве интерес к поставленной проблеме возрос. Это связано с легализацией некоторых видов гражданских правоотношений, а также появлением новых институтов в гражданском праве.

По мнению В.К. Андреева, содержание правосубъектности складывается из двух элементов – компетенции и реализации компетенции. Компетенция – это аналог гражданской правоспособности, отличия между компетенцией и гражданской правоспособностью он усматривает в том, что компетенция «включает способность иметь не только хозяйственные права и обязанности, предусмотренные законом, но и наличные права и обязанности, обусловленные зарегистрированными учредительными документами предприятия»[2].

Большинство ученых полагают, что в качестве обобщающего понятие «правосубъектность» базируется на категориях «правоспособность» и «дееспособность»[3].

С точки зрения Я.Р. Веберса, правоспособность и дееспособность являются основой правообладания, возникновения и существования правосубъектности в любом правоотношении. Однако во многих правоотношениях лицу достаточно обладать только правоспособностью, если отсутствующую дееспособность можно восполнить [4].

Правосубъектность понимается не как набор качеств, которыми должны обладать субъекты гражданского права в целом, а как признак, которым, согласно закону, наделяется отдельный субъект для признания его участником гражданских правоотношений[5].

Содержание правосубъектности включает в себя не только право- и дееспособность, но и ряд специальных (модифицирующих) элементов, к которым относятся предусмотренные законом обстоятельства (факторы): гражданство, род занятий, последствия совершенного правонарушения, семейное и имущественное положение лица, состояние здоровья, родство и пол[6].

Понятие «правоспособность гражданина» определено в ст. 17 ГК РФ как «способность иметь гражданские права и нести обязанность» и признается в равной мере за всеми гражданами. По сравнению с ГК РСФСР 1964 г. понятие правоспособности не претерпело изменений, за исключением добавления слова «нести» применительно к обязанностям, что подчеркивает их принципиальное отличие от прав: правами обладают, обязанности несут.

Правоспособность органически связана с гражданством. Не случайно в Гражданском ко-

дексе говорится не о правоспособности физических лиц вообще, а именно о правоспособности граждан. Прежде всего правоспособность в полном объеме предоставляется гражданам Российской Федерации и возникает она с момента рождения. Таким образом, правоспособность не является «естественным свойством» гражданина, она приобретается не от природы, а в силу закона, то есть представляет собой общественно-юридическое свойство, определенную юридическую возможность.

Ключевым моментом в определении правоспособности является ее содержание. В соответствии со ст. 18 ГК РФ граждане могут иметь имущество на праве собственности; наследовать и завещать имущество; заниматься предпринимательской и любой иной не запрещенной законом деятельностью; создавать юридические лица самостоятельно или совместно с другими гражданами и юридическими лицами; совершать любые не противоречащие закону сделки и участвовать в обязательствах; избирать место жительства; иметь права авторов произведений науки, литературы и искусства, изобретений и иных охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности; иметь иные имущественные и личные неимущественные права.

Государство, гарантируя правоспособность граждан, в ст. 22 ГК РФ закрепляет, что никто не может быть ограничен в право- и дееспособности иначе, как в случаях и в порядке, установленных законом. Лишение отдельного права, установленное приговором или определением суда, не влечет лишения правоспособности в целом.

Так, ограничение на определенный срок в отдельных проявлениях правоспособности и дееспособности предусматривается в уголовном праве в качестве основной или дополнительной меры наказания (ст. 44 и 45 УК РФ). Например, лишение права на определенный срок заниматься определенной деятельностью. В ст. 6 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях при ее осуществлении»[7] предусмотрено, что гражданин может быть временно (на срок не более пяти лет и с правом последующего переосвидетельствования) признан непригодным вследствие психического расстройства к выполнению отдельных видов профессиональной деятельности и деятельности, связанной с источником повышенной опасности.

Наиболее наглядно ограничение отдельных прав отражается на лицах, в отношении которых применено уголовное наказание в виде лишения свободы на определенный срок. Лишение свободы предполагает определенный режим, ограничивающий в определенных элементах правоспособность лиц, отбывающих наказание. Так, до внесения изменений в Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»[8] допускалось привлечение осужденных к труду в форме предпринимательской деятельности (ст. 17).

Понятие дееспособности дано в ст. 21 ГК РФ: «это способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их». Ключевым словом в данном определении является «способность» самостоятельно создавать и исполнять обязанности. Дееспособность в полном объеме возникает с достижением совершеннолетия гражданином, то есть возраста 18 лет. ГК РФ в ст. 21, 27 предусматривает исчерпывающий перечень оснований приобретения дееспособности в полном объеме до достижения 18 лет – это вступление в брак и эмансипация.

Поскольку способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их характеризуется не только возрастными, но и медицинскими, психическими критериями, законодатель закрепляет возможность признания гражданина недееспособным. Грань между дееспособностью и недееспособностью проводится по юридическому критерию, включающему два признака: интеллектуальный (невозможность отдавать отчет в своих действиях) и волевой (невозможность руководить своими действиями). В ст. 29, 30 ГК РФ предусмотрены основания признания гражданина недееспособным и ограниченно дееспособным.

Правоспособность и дееспособность признаются за гражданином законом, который не только не допускает их отчуждаемость, но и не дает права самому гражданину полностью или частично отказаться от них или ограничить их. Граждане свободны в установлении, изменении и прекращении гражданских прав, но не могут отказаться от своей правоспособности или дееспособности. Например, гражданин вправе лишить наследства детей от первого брака, но не может отказаться от возможности по своему усмотрению завещать свое имущество любому лицу. Гражданин волен по своему усмотрению отчуждать свое имущество, продать или подарить принадлежащую ему вещь и т.д., но не вправе уменьшить свою правоспособность путем отказа от каких-либо прав.

Как мы уже отметили, наряду с общим правовым положением граждан Российской Федерации важную роль играет специальный статус личности, который закрепляет правовое положение отдельной группы лиц, объединенных по какому-либо признаку. При этом, анализируя имеющиеся в науке подходы к пониманию правового статуса личности в целом, можно сделать вывод о его сложном, собирательном характере, отражающем комплекс отношений, включающих систему прав, обязанностей и законных интересов личности. Наряду с этим отмечается тождественность категорий «правовое положение» и «правовой статус»[9].

Признавая наличие общего (родового) правового статуса личности и специального (видового), следует согласиться с Ю.В. Трофимовой в том, что существует общий конституционно-правовой статус осужденных к лишению свободы, который образуют конституционные права и свободы человека и гражданина. Вместе с тем есть основания говорить о специальном правовом статусе осужденных, включающем специфические особенности осуществления лицами,

находящимися в исправительных учреждениях, принадлежащих им прав и свобод, а также их специальные права, свободы и юридические обязанности, предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации. Кроме того, существует индивидуальный правовой статус осужденного к наказанию в виде лишения свободы.

Специальный статус как юридический факт, вытекающий из приговора суда, включает в себя:

1) часть общегражданских прав и обязанностей, закрепленных в Конституции РФ и федеральных законах;

2) права и обязанности, конкретизирующие общегражданские;

3) специфические права и обязанности[10].

При исследовании правового статуса лиц, лишенных свободы, прежде всего вычленяют обязанности, которые влекут за собой ограничение общегражданских прав. Это обстоятельство выступает в качестве одной из основных особенностей правового статуса осужденных. В ст. 10 УИК РФ предусмотрено, что осужденные не могут быть освобождены от исполнения своих гражданских обязанностей, кроме случаев, установленных федеральным законом. Другой особенностью статуса является наличие у них специфичных прав. Классификация субъективных прав лиц, лишенных свободы, осуществляется по единым основаниям: они подразделяются на общие (общегражданские) и специальные. К общим правам принято относить конституционные и те отраслевые права, обладание которыми не связано со специальным правовым статусом осужденных. В гл. 2 УИК РФ отражены изъятия и ограничения, регламентирующие специальный правовой статус осужденных к лишению свободы.

На эволюцию правового статуса личности осужденного, находящегося в пенитенциарном учреждении, оказывает влияние не только уголовное и уголовно-исполнительное законодательство России, но и в первую очередь Конституция РФ, а также международные стандарты ООН, Совета Европы в сфере прав человека. В связи с этим происходит дальнейшая трансформация правового статуса данной категории лиц в направлении сокращения количества правовых ограничений и изъятий в их отношении, что в перспективе приведет к тому, что правоограничение станет заключаться в самом факте лишения свободы.

Важнейшим фактором реализации прав и законных интересов осужденных к наказанию в виде лишения свободы является социально-правовая активность самих осужденных, их инициатива в осуществлении собственных прав законными средствами.

Правовой статус личности является важной характеристикой степени демократичности государства. Качество правового статуса личности обусловлено не только закреплением в законодательстве прав и свобод человека, но и системы средств их юридического обеспечения. Таким образом, правовое положение лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, является комплексной, системной социально-юридической категорией, имеющей сложный состав, предусматривающий совокупность прав, свобод, законных интересов и обязанностей осужденных. Правовое регулирование этого статуса заключается в выполнении функций ограничения, сохранения, конкретизации и дополнения общего правового статуса граждан.

Правовые ограничения и изъятия в отношении осужденных к лишению свободы невозможно закрепить в одном только уголовно-исполнительном законодательстве. В связи с тем, что осужденным присущ общий правовой статус личности, его регулированию посвящены нормы гражданского, административного, семейного, трудового права. Кроме того, его регулированию посвящен ряд международных документов в области прав человека. Общепризнанные международно-правовые принципы и нормы, если даже они непосредственно не инкорпорированы в российское национальное законодательство, воздействуют на юридическую идеологию и практику. Механизм правового регулирования статуса осужденных к лишению свободы имеет системный, многоотраслевой характер, основу которого составляют Конституция РФ и международные стандарты прав и свобод человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Михайлова И.А. Гражданская правосубъектность личности: новые аспекты // Право и государство, общество и личность: история, теория, практика. Коломна, 2007. С. 379.

[2] Андреев В.К. Проблемы правосубъектности в предпринимательской деятельности. М., 1995. С. 24.

[3] См.: Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М., 1948. С. 615; Иоффе О.С. Спорные вопросы учения о правоотношении // Очерки по гражданскому праву. Л., 1957. С. 55–56; Красавчиков О.А. Социальное содержание правоспособности // Правоведение. 1960. № 1. С. 12–25; Он же. Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958. С. 37; Он же. Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения // Гражданские правоотношения и их структурные особенности: Сб. учен. тр. Свердловск, 1975. Вып. 39. С. 5–22; Яковлев В.Ф. Структура гражданских правоотношений // Гражданские правоотношения и их структурные особенности: Сб. учен. тр. Вып. 39. С. 23–33; Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1982. Т. 2. С. 141; Гражданское право: Учеб. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2002. Т. 1. С. 108–114 (автор главы – М.В. Кротов); Гражданское право: Учеб. / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 1998. Т. 1. С. 114–116 (автор главы – С.М. Корнеев) и др.

[4] См.: Веберс Я.Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. Рига, 1976. С. 24.

[5] См.: Гражданское право: Учеб. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. С. 112.

[6] Михайлова И.А. Гражданская правосубъектность личности: новые аспекты. С. 380.

[7] Закон РФ от 22.07.1992 «О психиатрической помощи и гарантиях при ее осуществлении» // Ведомости СНД и ВС РФ 1992. № 33. С. 1913.

[8] Закон РФ от 21.07.1993 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

[9] См.: Трофимова Ю.В. Правовое регулирование статуса осужденных к лишению свободы (1969–2006 гг.): историко-правовое исследование: Автореф. … канд. юрид. наук. Владимир, 2008. С. 11.

[10] См.: Ильягуева А.А. Правовой статус заключенных в исправительно-трудовых лагерях СССР (1929–1956 гг.): Автореф. … канд. юрид. наук. Владимир, 2008. С. 9.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Роль психологического мониторинга в повышении эффективности профессиональной деятельности сотрудников УИС

М.А. ЧЕРКАСОВА – начальник Центра психодиагностики Вологодской военно-врачебной комиссии ФБУ «Больница № 1» (г. Архангельск) УФСИН России по Архангельской области

Статья посвящена психологическому мониторингу сотрудников УИС как одному из направлений решения проблем качественного профессионального отбора, совершенствования работы с персоналом УИС, научной обоснованности кадровых решений, улучшения деятельности управленческих аппаратов, работающих с персоналом УИС. В статье дается понятие психологического мониторинга, а также основные его направления.

Ключевые слова: сотрудники УИС; кадровая работа УИС; управленческая работа УИС; психология; психологический мониторинг.

Принципиальные изменения в отечественной уголовно-исполнительной системе, связанные с ее реформированием, выявили ряд управленческих проблем. Среди них, в частности, снижение уровня профессионализма, рост нарушений законности сотрудниками органов и учреждений УИС, усиление процессов профессиональной деформации. Эти и другие явления выдвигают на первый план вопросы качественного профессионального отбора, совершенствования работы с персоналом УИС, научной обоснованности кадровых решений, улучшения деятельности управленческих аппаратов, работающих с персоналом УИС.

С целью решения имеющихся проблем возможно использование психологического мониторинга в практике уголовно-исполнительной системы.

Впервые понятие «мониторинг» (от лат. monitor – напоминающий, надзирающий) как научный термин было использовано в Великобритании в области функционирования учебных заведений. В России термин «мониторинг» первоначально применялся в экологии и обозначал наблюдение, оценку и прогнозирование состояния окружающей среды. В настоящее время основными сферами применения мониторинга как способа научного исследования являются биология, социология, педагогика, экономика, психология и теория управления.

Главная область практического применения мониторинга – это управление, а точнее, его информационное обслуживание в различных видах деятельности.

В самом общем виде мониторинг может быть определен как постоянное наблюдение за каким-либо процессом с целью выявления его соответствия желаемому результату или исходному положению.

Мониторинг представляет собой достаточно сложное и неоднозначное явление. В различных ситуациях он используется с определенными целями, но при этом обладает общими характеристиками и свойствами. В одних случаях данный инструмент только осваивается, в других его освоение находится на завершающем этапе.

Такое положение дает достаточно уникальную возможность: исследовав теорию и практику освоения мониторинга в различных научных и практических областях, повысить эффективность его использования для реализации поставленных целей.

Несмотря на имеющиеся исследования психологического мониторинга (Л.С. Выготский, «Диагностика развития», К. Ингенкамп «Педагогическая диагностика», А. Залужный «О лидерстве» и др.), методологически и практически данный феномен требует дальнейшего изучения.

Предметом психологического мониторинга может быть психологическая готовность к чему-либо, динамика профессионального и личностного самоопределения, динамика изменения определенной возрастной или профессиональной группы и т. д.

К психологическому мониторингу должны предъявляться особые требования: получение полной информации о личностных особенностях

кандидата, объективность и надежность информации, оперативность ее предоставления заинтересованным лицам.

В некоторых случаях использование психологического мониторинга может быть затруднено в связи с объективно низкой динамикой психических процессов и индивидуальным характером развития личности. Психологический мониторинг следует рассматривать не как процесс целенаправленного воздействия на психику человека, а как отбор по определенным психологическим возможностям личности согласно представленным результатам мониторинга исходя из интересов сформированной структуры или специфики вида деятельности.

Мониторинг не имеет целью развитие личности, а лишь фиксирует имеющиеся особенности и выявляет степень ее соответствия требованиям организации. Опираясь на полученную информацию, возможно осуществление мероприятий по формированию определенных качеств в соответствии с профессиональными требованиями.

В хорошо отлаженных кадровых системах должен осуществляться психологический мониторинг эффективности деятельности каждого сотрудника на протяжении всего времени его работы в структуре.

Главное – это не увлекаться формальной, наиболее простой стороной такого рода мониторинга (не опаздывает на работу, редко болеет, не уходит с работы раньше, вовремя готовит необходимые документы и т.п.), которая тем не менее также важна. Но не менее интересна качественная сторона оценки эффективности деятельности сотрудника, рентабельность его труда для учреждения. Практика показывает, что этот показатель можно определить, а по нему измерить эффективность деятельности практически любого сотрудника структуры. Кроме того, разработка и функционирование такой системы позволяет эффективно решать вопросы, связанные с качественной расстановкой кадров.

Психологический мониторинг может дать руководителю структуры информацию о соответствии или несоответствии того или иного сотрудника занимаемой должности, подсказать, в каком направлении более целесообразно его использовать, чему его необходимо дополнительно обучить.

Психологический мониторинг увольнения персонала позволяет своевременно выявить истинные причины этого процесса. Любой факт увольнения независимо от того, по чьей инициативе оно происходит, должен являться предметом серьезного рассмотрения. И как только намечается некая система в тех или иных аспектах увольнения сотрудников, необходим серьезный анализ причин и разработка конкретных предложений по их устранению для руководителей.

Особый интерес психологический мониторинг представляет в связи с формированием корпоративного духа в той или иной структуре. В данном случае мониторинг дает возможность руководителю своевременно получать обоснованную информацию, касающуюся проблем формирования социально-психологического климата, об особенностях взаимоотношений в коллективах как по вертикали, так и по горизонтали, эффективности деятельности коллективов и проблемах назревания, развития и локализации конфликтов.

Еще одним аспектом психологического мониторинга является анализ сложившихся у первого лица подходов к подбору и назначению руководителей различных подразделений структуры. Нередко в основе данного выбора лежит характер отношений руководителя структуры и назначаемого на ту или иную должность руководителя. Такой подход продуктивен с точки зрения личной преданности, но далеко не всегда эффективен с точки зрения реального соответствия уровня подготовленности такого сотрудника к выполнению функций руководителя того или иного подразделения. В данном случае мониторинг позволяет по определенным критериям исследовать уровень профессиональной компетентности руководителей всех звеньев и внести соответствующие предложения.

В последнее время достаточно большое число руководителей проявляет высокую заинтересованность в получении независимой, объективной информации по этому кругу вопросов. Но в то же время психологический мониторинг системы управления является довольно сложной задачей. Причем сложность ее заключается не столько в процедуре исследования важных элементов этой системы, сколько в отношении к полученным результатам со стороны заказчика, так как этот аспект мониторинга с максимальной наглядностью показывает руководителю его собственные промахи и ошибки.

К сожалению, не все руководители психологически готовы к адекватному восприятию такого рода информации, что нередко создает ситуацию, когда такое исследование проводится ради самого исследования.

Тем не менее мониторинг является информационной основой психологического сопровождения профессиональной деятельности человека, способствует наиболее полной реализации его творческого потенциала и обеспечивает его комфортное психического состояние.

Основные направления психологического мониторинга включают в себя:

– разработку диагностических и экспертных процедур социально-психологического анализа и прогнозирования труда, выполняемого персоналом, оценку профессиональной компетентности кадров и содействие им в выработке стратегии продуктивного развития субъектов труда;

– создание и использование личностно ориентированных технологий развития профессионально важных качеств персонала, необходимых для эффективного труда;

– разработку социально-психологических основ подбора, расстановки кадров, их профессионального становления и подготовки, а также методики оценки уровня профессиональной компетентности в соответствии с выработанными критериями и показателями;

– выявление общих социально-психологических закономерностей профессионального развития персонала, учет конкретных результатов его профессионализации и разработку научно-практических рекомендаций по диагностике и экспертизе.

Таким образом, психологический мониторинг является эффективной технологией, обусловливающей профессиональное развитие и саморазвитие личности сотрудника уголовно-исполнительной системы. Его результаты выступают в качестве информационной основы для принятия продуманных и обоснованных управленческих решений и проектирования профессионального роста и карьеры специалистов.

Формирование профессиональной культуры преподавателя в системе переподготовки и повышения квалификации сотрудников

О.В. ХОМЯКОВА – адъюнкт факультета подготовки и переподготовки научных и научно-педагогических кадров Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России

Статья посвящена вопросам формирования профессиональной культуры педагога, успешного и адекватного запросам современной жизни. Автором рассматривается проблема организации современной системы подготовки педагогических кадров в правоохранительных органах России.

Ключевые слова: профессиональная культура преподава-теля, переподготовка и повышение квалификации, система переподготовки и повышения квалификации.

В современных условиях развития образовательного пространства профессиональная подготовка – переподготовка и повышение квалификации сотрудников в условиях ведомственного, межведомственного и государственного целевого заказа – должна осуществляться в тесной взаимосвязи с достижениями педагогической науки и практики, с учетом политических, социальных и экономических процессов, происходящих в российском обществе. Необходимым условием повышения эффективности государственной политики в области назначения и исполнения уголовных наказаний является улучшение подготовки и переподготовки судей и кандидатов в судьи. А конечным результатом модернизации процесса обучения в ведомственных образовательных учреждениях видится приведение содержания и структуры профессиональной подготовки в соответствие с современными потребностями УИС, расширение спектра программ дополнительного профессионального образования. Необходимо отметить, что повышение квалификации сотрудников – это не только приобретение знаний, совершенствование умений и навыков для исполнения обязанностей согласно занимаемой должности в штатном расписании, но и обязательная процедура, осуществляемая фактически во всех правоохранительных органах, которая следует сразу после зачисления в резерв на замещение должностей руководящих кадров[1].

Непосредственно в МЧС России для решения проблемы высокого уровня риска возникновения пожаров в России в соответствии с поручением Президента Российской Федерации от 6 июня 2006 г. № Пр-954 разработана «Концепция создания системы независимой оценки рисков в области пожарной безопасности, гражданской обороны и защиты населения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Российской Федерации». Эта концепция одобрена Правительством Российской Федерации от 7 апреля 2007 г. № СН-П 4-1606. В соответствии с концепцией в сфере независимой оценки риска наряду с органами государственного пожарного надзора предполагается участие негосударственных экспертных организаций. Очевидно, что для качественной работы органов государственного пожарного надзора и негосударственных экспертных организаций необ-

ходимо осуществить как переподготовку, так и повышение квалификации сотрудников. Подготовка и повышение квалификации экспертов по оценке риска в области обеспечения пожарной безопасности, защиты в чрезвычайных ситуациях могут осуществлять ведомственные образовательные учреждения России. Например, В.В. Булгаков считает, что «в вузах МЧС России могут быть организованы предаттестационная подготовка и повышение квалификации экспертов на основании имеющейся учебно-методической базы, что в свою очередь будет залогом качественного функционирования системы независимой оценки рисков»[2].

В целом важнейшей задачей и условием модернизации российского образования в соответствии с Концепцией модернизации российского образования на период до 2010 г. выступает повышение профессионализма педагогов, соответствующего запросам современной жизни. Осуществляя влияние на эмоционально-волевую, когнитивную, мотивационно-потребностную, личностную и поведенческую сферы обучаемых сотрудников, преподаватель определяет их профессиональную судьбу, становится значимым источником новых личностных смыслов. Например, в системе повышения квалификации сотрудников ФСИН России особое место занимают обучающие тренинги как эффективная форма профессиональной подготовки специалистов[3].

Однако современная система подготовки педагогических кадров в системе МЧС не всегда создает возможность для формирования профессиональной культуры преподавателя, которая является необходимой для осуществления успешной образовательной деятельности в современных условиях. Поэтому следует признать, что сегодня стала насущной проблема совершенствования системы подготовки педагогических кадров, ориентации на достижение качества образовательных программ и на управление качеством процессов их реализации. Иначе говоря, возникла потребность обозначения профессиональной культуры преподавателя в качестве составляющей этого процесса. Следует обратить внимание на поиск и обозначение необходимых педагогических условий для формирования профессиональной культуры преподавателя, так как преподаватель должен обладать высокой профессиональной компетентностью и ответственностью. Например, Г.М. Кочетов рассматривает профессиональную культуру как составляющую модели личности специалиста с высшим образованием. Наличие профессиональной культуры у специалиста он объединяет со знанием свойств продукта и запросов потребителя, способностью прогнозировать последствия своих действий, отвечать за них. Под профессиональной культурой Г.М. Кочетов подразумевает развитие до высокой степени умения использовать имеющие и способные порождать новые стереотипы общения и манипулировать с объектами[4]. Профессиональную культуру преподавателя можно рассматривать как интегративное образование личности педагога, соединяющее в себе совокупность материальных и духовных ценностей, способов деятельности, самореализации. В структуре профессиональной культуры преподавателя необходимо обозначить мотивационную, содержательную, процессуальную и технологическую составляющие, которые обеспечивают профессионально-личностное развитие и саморазвитие педагога, формирование его мировоззрения, ценностно-смысловой ориентации, опыта профессиональной деятельности, стремления к самореализации.

Согласно системно-целостному подходу все компоненты переподготовки и повышения квалификации в системе МЧС должны быть взаимосвязаны и представлять собой целостную систему. Культурологический подход позволяет проанализировать факты и явления с учетом социально-экономических и культурных процессов в прошлом, настоящем и будущем. Аксиологический подход включает ориентацию преподавателя на общечеловеческие, национальные и профессиональные ценности, ценностную направленность в профессионально-педагогической деятельности. Ценности образования – это цели, значения, смыслы, идеальные формы педагогической деятельности, направленные на развитие человека на основе ценностных ориентаций. Деятельностный подход базируется на принципе диалектики, согласно которому содержательный анализ развития социальных объектов невозможен без выяснения сущности и характера деятельности, лежащей в их основе. Личностно ориентированный подход дает возможность рассматривать в системе образования цель обучения и воспитания как развитие личности, готовой к жизнедеятельности в условиях технологического общества, то есть подготовку человека к самообразованию, самоконтролю и персональной ответственности за создание им учебных и жизненных ситуаций.

В качестве структурных компонентов профессиональной культуры преподавателя можно назвать следующие составляющие:

– целевой компонент, включающий в себя систему профессионально значимых потребностей, социально ориентированного мировоззрения, установок и интересов в сфере профессиональной деятельности. В процессе интериоризации принятия внешней объективной цели и перехода ее во внутреннюю, субъективную, личностно значимую цель формируется профессиональная потребность в активной служебной деятельности. Главным звеном целевого компонента выступает мотивационно-потребностная сфера;

– содержательный компонент, обозначающий требования к профессиональной компетентности на каждом этапе ее развития. В свою очередь составляющими частями профессиональной компетентности можно обозначить:

профессиональные знания, умения, интегративные личностные качества, ценностные ориентации, необходимые для профессиональной деятельности преподавателя;

– технологический компонент, обеспечивающий самореализацию преподавателя, который принимает участие в переподготовке и повышении квалификации сотрудников. Процесс решения задач составляет технологию профессиональной деятельности.

И.Ф. Исаев в своих исследованиях раскрывает важность технологического подхода в профессиональной деятельности и на теоретическом уровне дает определение понятию «технология педагогической деятельности» как структурному технологическому компоненту профессионально-педагогической культуры преподавателя. Процесс овладения технологией педагогической деятельности, с точки зрения И.Ф. Исаева, – это формирование технолого-педагогической готовности преподавателя к педагогической деятельности, которая проявляется в технологической активности и предполагает сформированность совокупности знаний и умений: аналитико-рефлексивных, конструктивно-прогностических, организационно-деятельностных, оценочно-информационных, корректционно-регулирующих[5].

Система профессиональной культуры преподавателя должна быть исследована в единстве взаимодействия структурных и функциональных компонентов.

Под функциональными компонентами системы понимаются базовые связи между исходным состоянием структурных компонентов педагогической системы и конечным искомым результатом. Можно обозначить следующие функции профессиональной культуры преподавателя:

1. Функция целеполагания. В ценностной и смысловой сферах культуры фиксируются цели, перспективы и проекты профессиональной деятельности.

2. Гносеологическая функция. Она обеспечивает целостность представлений о профессиональной культуре преподавателя в системе переподготовки и повышения квалификации сотрудников, путях ее познания и освоения.

3. Информационная функция. Эффективность профессиональной направленности образования тем выше, чем больше накопленный им объем информации, чем оперативнее она используется.

4. Функция социализации рассматривается через приучение к профессиональным ролям и нормативному поведению, усвоение позитивных мотиваций и принятых в структуре образовательных учреждений МЧС норм, установок.

5. Коммуникативная функция обеспечивает наличие культурной коммуникации, речевой культуры.

6. Интегративная функция направлена на взаимодействие, включение профессиональной деятельности и активности в интересах обучающихся, общества, государства.

7. Обучающая функция реализуется в деятельности сотрудников и преподавателей – участников процесса обучения – и направлена на овладение профессиональными знаниями, умениями и навыками, профессиональным опытом.

8. Развивающая функция способствует развитию профессиональной культуры и охватывает все личностные сферы: сенсорную, эмоциональную, волевую, двигательную, мотивационную.

9. Воспитательная функция проявляется в создании условий сознательного восприятия к формированию профессиональной культуры.

10. Игровая функция рассматривается как вид культурной деятельности, в которой сотрудник предстает свободным от природной зависимости, способным выступать как созидающий субъект.

11. Адаптационная функция способствует осмыслению сформированности профессиональной культуры, нахождению смысла, возможности и ресурсов для дальнейшей профессионально-педагогической деятельности.

Механизмами процесса формирования профессиональной культуры преподавателя (ПКП) в системе переподготовки и повышения квалификации сотрудников МЧС России (СПиПК) выступают рефлексия, саморегуляция, самоактуализация, которые отражены в мотивационной, содержательной и технологической направленности формирования индивидуального профессионального развития преподавателя и сформированности профессиональной культуры с обоснованием их последовательности, интегрально-функционального взаимодействия (рис. 1).

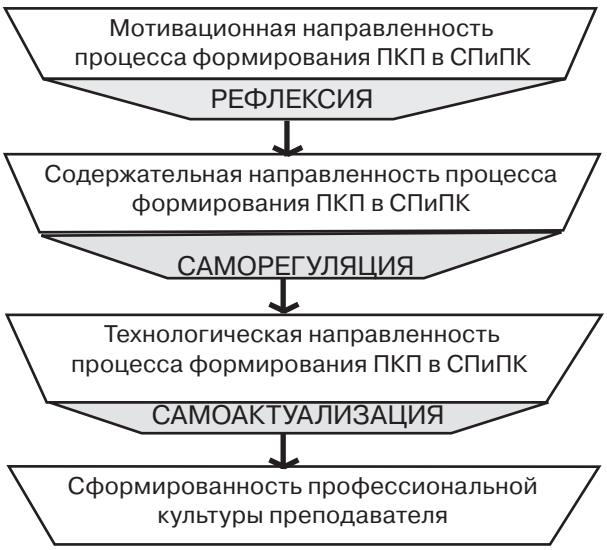


Рис. 1. Механизмы формирования ПКП в СПиПК

Основной процесс, определяющий формирование профессиональной культуры преподавателя на первом этапе, – это мотивация, обусловливающая первые стадии процесса формирования. Система доминирующих мотивов преподавателя определяет направленность его профессиональной деятельности. Мотивационно-потребностная направленность процесса формирования профессиональной культуры преподавателя закладывает основы такого профессионально важного качества, как рефлексия. При адекватном уровне развития рефлексии преподаватель с помощью механизма саморегуляции переходит на следующую стадию содержательной направленности процесса формирования профессиональной культуры. Третьим механизмом формирования профессиональной культуры педагога в процессе переподготовки и повышения квалификации, способствующим переводу преподавателя на его «заключительный» этап, является самоактуализация личности. Она определяется технологической направленностью и формированием индивидуальной педагогической концепции. Таким образом, сформулированные ведущие тенденции, принципы и механизмы, определение этапов процесса формирования профессиональной культуры преподавателя обеспечивают целостность и динамичность реализации процесса переподготовки и повышения квалификации сотрудников МЧС России.

Для обеспечения эффективного формирования профессиональной культуры преподавателя в процессе переподготовки и повышения квалификации необходимы педагогические условия. Совокупность внешних и внутренних педагогических условий представлена на рис. 2.

Внешние социально-педагогические условия заключаются в устранении несоответствия между требованиями общества к конкурентоспособному педагогу и реальными возможностями системы непрерывного педагогического образования подготовить такого педагога. Как подсистема общественно-экономических условий функционирования и развития образовательного процесса они предполагают повышение социального статуса работников образования, увеличение финансирования учебного процесса и научных исследований, повышение заботы государства о конкурентоспособности педагога на рынке труда, наличие инновационной среды в образовательных учреждениях, обеспечивающей саморазвитие и самосовершенствование педагогов и обучаемых, формирование профессиональной культуры педагога в системе непрерывного педагогического образования на довузовском, вузовском и послевузовском уровнях образования, создание системы профессиональной подготовки педагогов.

Рис. 2. Педагогические условия формирования профессиональной культуры педагога в СПиПК

Внутренние педагогические условия, связанные с организацией и педагогическим обеспечением процесса формирования профессиональной культуры педагога в системе переподготовки и повышения квалификации, дифференцируются:

– на организационно-педагогические, которые включают последовательную реализацию концептуальных и нормативных документов, учебных программ, определяющих формирование профессиональной культуры преподавателя в системе переподготовки и повышения квалификации сотрудников МЧС России, обеспечивающих непрерывное, поэтапное, активное и творческое включение личности педагога в процесс дальнейшего профессионального обучения и воспитания; обеспечение теоретико- и технолого-инновационной подготовки субъектов к реализации процесса формирования профессиональной культуры независимо от профиля факультета и базовой специальности;

– дидактико-методические условия, предполагающие системный отбор инварианта содержания педагогического образования с учетом результатов диагностики личности и специфики общеобразовательных учреждений, последовательный отбор учебных задач, активных форм и методов обучения и воспитания, технологий, актуализирующих процесс формирования профессиональной культуры преподавателя в системе переподготовки и повышения квалификации; увеличение доли рефлексивно-творческих форм работы в системе непрерывного педагогического образования; использование диагностики и самодиагностики для выявления сформированности профессиональных качеств

личности, ее компетентности, уровня профессиональной грамотности;

– акмеоразвивающие условия, которые определяют организацию заинтересованной познавательной, диагностической и проективной деятельности педагога по активному и сознательному достижению своей профессиональной грамотности, формированию профессиональной культуры. Они требуют учета ценностных отношений и мотивации педагога, потребности к развитию профессиональной грамотности в процессе формирования профессиональной культуры, степени зрелости его жизненных ориентаций, индивидуальных запросов в решении профессиональных проблем в учебной, профессионально-педагогической деятельности, создание установки у субъектов образования на процесс формирования профессиональной культуры, активизации механизмов рефлексии.

Дидактическая система формирования профессиональной культуры преподавателя в контексте переподготовки и повышения квалификации представлена в таблице.

Таблица

Дидактическая система формирования ПКП педагога в СПиПК

Компоненты дидактической системы	**Структура системы**
Цели	Подготовки; воспитания; развития; цели отдельных этапов
Задачи	Обобщенные; частные
Содержание	Основной образовательной программы; курсов повышения квалификации; учебных курсов; факультативов
Формы	Аудиторные занятия; внеаудиторные занятия; самостоятельная работа
Методы	Традиционные; инновационные
Средства подготовки	Технические; плоскостные графические
Этапы	Общая подготовка (соответствуют периоду переподготовки и повышения квалификации); изучение конкретных дисциплин; проведение воспитательных мероприятий
Система комплексной оценки качества подготовки педагога	Количественная оценка; качественная оценка

В реальной педагогической действительности процессы обучения и воспитания носят цикличный характер. Каждый дидактический цикл процесса обучения представляет собой функциональную систему, основанную на совместной работе всех его звеньев и предъявлении обучаемым учебного материала. Систематизирующими понятиями процесса обучения и воспитания как системы выступают цель обучения и воспитания, деятельность по преподаванию, учению и его результату. Переменными составляющими этого процесса выступают средства управления. Они включают содержание учебного материала, методы обучения и воспитания, материальные средства, организационные формы обучения и воспитания.

Для реализации концептуальных основ необходим учет факторов, детерминирующих функционирование образовательной среды и способствующих формированию профессиональной культуры преподавателя в системе переподготовки и повышения квалификации сотрудников МЧС России. Определяющими факторами содержания профессионального обучения педагогической деятельности преподавателя рассматриваем структурно-функциональный и технологический подходы. В отличие от принятого в психологии понимания деятельности как многоуровневой системы, компонентами которой являются цель, мотивы, действия и результат, применительно к педагогической деятельности преобладает подход выделения ее компонентов как относительно самостоятельных функциональных видов деятельности педагога. В реализации структурно-функционального подхода к профессиональной педагогической деятельности преподавателя в системе переподготовки и повышения квалификации сотрудников МЧС России за основу можно взять точку зрения о наличии в структуре деятельности общетрудовых функциональных компонентов. Например, профессор Н.В. Кузьмина функциональными компонентами считает: конструктивный, организаторский, коммуникативный, гностический[6]. Факторы в значительной степени контролируются самой системой переподготовки и повышения квалификации и отражают уровень развития педагогической науки и практики. Они определяются способностью системы переподготовки и повышения квалификации воспринимать и осваивать новые направления работы. К таким факторам относятся: гибкость системы управления образовательными учреждениями; создание методической системы обучения и воспитания; формирование у субъектов обучения профессионального мышления, мировоззрения; развитие профессиональной грамотности и компетентности; актуализация и развитие когнитивной сферы педагога; преемственность профессиональной подготовки преподавателя не только на довузовском, вузовском и послевузовском уровнях образования, но и в системе переподготовки и повышения квалификации; наличие высококвалифицированных и подготовленных педагогов; самоактуализация и развитие мотивационно-ценностной сферы, способствующие повышению статуса личности (социального, психологического), ее конкурентоспособности, качества образования и качества жизни в целом.

Вышерассмотренные механизмы, факторы и другие подсистемы образуют целостную

динамическую систему, представленную в структурно-функциональной модели процесса формирования профессиональной культуры преподавателя в системе переподготовки и повышения квалификации.

Педагогическая технология как система научно обоснованных действий и предписаний состоит из следующих элементов: цель как ее важнейшая характеристика, задающая порядок осуществления соответствующего процесса и режим его развертывания; организованность и управляемость, что обеспечивает достижение целей; этапность, обеспечивающая четкую последовательность ее реализации и контроль на каждом этапе (аналитическом, конструктивном, контрольно-корректировочном). Нестандартизированность процедур дает возможность включать элементы творчества при сохранении целостности видения образовательного процесса, функциональные характеристики и систему параметров оценки, придающие полифункциональность с помощью реализации диагностической, прогностической, интегративной, системообразующей, интенсификационной, управленческой, оценочной функций.

Структурная и содержательная целостность технологии обеспечивается применением принципов, тенденций, методологических подходов, структурных и функциональных компонентов профессиональной культуры, рассматривающих процесс формирования этой культуры в единстве и во взаимосвязи составляющих компонентов, системностью критериев и показателей, а также использованием гибких и разнообразных форм и методов совместной деятельности преподавателя и обучаемых. Организационным ядром технологии может стать разработанный и реализованный в рамках учебных планов и авторских учебных программ ведомственных вузов и институтов повышения квалификации спецкурс «Подготовка преподавателя для системы переподготовки и повышения квалификации», построенный на интегративно-модульной основе (творчество, деловое общение, исследовательская деятельность, модуль профессионального образования и самообразования). Спецкурс предположительно можно было бы разделить на логически соотнесенные модули, образующие определенную взаимосвязанную целостность в содержании программы. Исходя из того, что модульное строение эффективно для междисциплинарных программ, которые должны органично сочетать содержание множества дисциплин, можно предположить возможность скоординированной деятельности преподавателей, реализующих курсы данной специализации.

Технологическое обеспечение процесса формирования профессиональной культуры преподавателя в системе переподготовки и повышения квалификации опирается на целенаправленное моделирование и развитие ситуаций самосовершенствования, самореализации, в которых педагоги постоянно сталкиваются с необходимостью активизировать, расширять и применять имеющиеся профессиональные знания в практической деятельности, ставятся в условия, требующие от них проявления профессиональной компетентности.

Профессиональная культура педагога определена как интегративное личностное образование, соединяющее в себе мотивационно-потребностную, содержательно-процессуальную и технологическую составляющие, обеспечивающие ее самореализацию в профессиональной деятельности, личностное развитие и саморазвитие педагога, формирование его мышления и мировоззрения, ценностно-смысловой ориентации, личностных качеств, стремления к саморазвитию, самореализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Иванихина И.В., Шавырина Т.А. Методика оценки коммуникационной структуры как средство повышения уровня организационно-управленческой компетентности руководителя ГПН // Вестник Академии ГПС МЧС России. 2006. № 4; Они же. Разработка критериев психологического отбора кандидатов в резерв руководящих кадров // Пожарная безопасность. 2006. № 6.

[2] Булгаков В.В. Организация подготовки и повышения квалификации экспертов независимой оценки рисков в области пожарной безопасности на базе высших учебных заведений МЧС России // Сервис безопасности в России: опыт, проблемы, перспективы. СПб., 2008. С. 69.

[3] См.: Кокурин А. Обучающие тренинги – эффективная форма профессиональной подготовки практических психологов // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2004. № 2. С. 22.

[4] См.: Кочетов Г.М. Воспроизводство профессиональной культуры: концептуальная постановка задачи: Автореф. дис. ... д-ра. филос. наук. Томск, 1975. С. 3.

[5] См.: Исаев И.Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя. М., 2002. С. 34.

[6] См.: Гавришина Г.В. Технологический подход в профессиональном обучении педагогической деятельности в условиях непедагогического вуза // Вузовская наука – региону: Материалы III всероссийской науч.-техн. конф. Вологда, 2005. Т. 2. С. 148.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ

Проблема обеспечения жильем сотрудников в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы

А.А. КОЛЬЕВ – доцент кафедры экономики и управления ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук;
М.Н. РАССАДИНА – старший преподаватель кафедры экономики и управления ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук

Статья посвящена исследованию проблем обеспечения жильем сотрудников пенитенциарной системы. Предметом исследования вы-ступают правовые основы обеспечения жильем сотрудников УИС и направления улучшения их жилищных условий. Материалы статьи могут быть рекомендованы курсантам, слушателям, адъюнктам, сотрудникам УИС, интересующимся вопросами жилищного обеспечения сотрудников пенитенциарной системы.

Ключевые слова: Правовые основы обеспечения жильем сотрудников УИС, направления улучшения жилищных условий, государственные жилищные сертификаты, приобретение жилья за счет оказания безвозмездной финансовой помощи, строительство жилья за счет инвестиций, ипотечное кредитование, ведение накопительной системы жилья, предоставление служебного жилья.

В настоящее время одной из задач развития УИС является совершенствование системы оплаты труда, социальной защиты и профессиональной подготовки кадров. Это было обозначено в выступлении Президента России Д.А. Медведева на заседании Президиума Госсовета, состоявшегося 11 февраля 2009 г. в Вологде и посвященного вопросам состояния УИС России. Одним из направлений социальной защиты сотрудников УИС является решение их жилищных проблем.

Обеспечение жильем сотрудников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, пенсионеров УИС и членов их семей на протяжении длительного периода времени остается острейшей социальной проблемой в Российской Федерации. Успехи и просчеты в деле обустройства достойной жизни десятков тысяч сотрудников прямо влияют на состояние дел в системе, качество выполнения личным составом стоящих перед ним задач. Отсутствие жилья, а также ясных перспектив решения жилищной проблемы оказывает существенное дестабилизирующее воздействие на морально-психологическое состояние, способность сосредоточиться на выполнении своих служебных обязанностей, отношения в семьях.

В недалеком прошлом уровень бюджетного финансирования уголовно-исполнительной системы по статьям, связанным с развитием социальной сферы, был крайне низким и не превышал 10–15% от потребности[1]. И сейчас, несмотря на предпринимаемые меры, ситуация улучшается крайне медленно (табл. 1).

Таблица 1

Обеспечение жильем сотрудников УИС РФ

Год	2005	2006	2007
Количество семей сотрудников УИС, стоящих в очереди на улучшение жилищных условий, тыс.	45,3	43,7	40,5
– в том числе не имеющих жилья для постоянного проживания, тыс.	15,1	16,5	15,1

Так, по состоянию на 1 января 2005 г. 45 тыс. семей сотрудников УИС стояли в очереди на улучшение жилищных условий. Третья часть из них не имели квартир для постоянного проживания, причем почти половина нуждающихся являлись пенсионерами УИС. В начале 2006 г. 43,7 тыс. семей испытывали потребность в улучшении жилищных условий, из них 16,5 тыс. не

имели жилья для постоянного проживания. На 1 января 2007 г. эти показатели несколько снизились и составили соответственно 40,5 тыс. и 15,1 тыс. семей.

Жилищная проблема является достаточно острой и для территориальных органов ФСИН России. Так, в учреждениях УФСИН по Вологодской области в 2007 г. 417 семей сотрудников нуждались в улучшении жилищных условий (табл. 2).

Таблица 2

Количество семей сотрудников, нуждающихся в улучшении жилищных условий, в учреждениях УФСИН России по Вологодской области

Год	2003	2004	2005	2006	2007	2007 г. (в % к 2003)
УФСИН по Вологодской области	53	58	62	22	23	43,4
ИК-2	32	32	34	34	31	96,88
ВВК	47	49	51	49	46	97,87
ИК-3	25	22	23	19	5	20,00
ИК-4	22	21	22	6	5	22,73
ИК-5	30	20	20	23	31	103,33
КП-6	55	51	50	32	1	1,82
КП-7	46	47	22	28	18	39,13
МБ-10	24	26	29	31	20	83,33
ИК-12	51	53	53	47	44	86,27
ИК-17	74	76	76	75	43	58,11
ИК-20	30	31	31	35	16	53,33
СИ-2	96	98	105	93	82	85,42
СИ-3	22	28	33	31	26	118,18
УК	29	32	34	26	25	86,21
Итого	636	644	645	551	416	65,41

Правовой основой обеспечения жильем вставших на учет по месту службы сотрудников УИС и членов их семей являются следующие законодательные акты и нормативные правовые документы:

1. Жилищный кодекс Российской Федерации, вступивший в действие 1 марта 2005 г. Он предусматривает постановку на учет граждан, нуждающихся в получении жилых помещений, только по месту жительства органами местного самоуправления, если законодательством не предусмотрено иное. В связи с этим с 1 марта 2005 г. во всех органах и учреждениях УИС постановка граждан на жилищный учет прекращена[2].

2. Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации». В соответствии со ст. 6 данного закона работники и пенсионеры, принятые на учет в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий в учреждениях и органах УИС, сохраняют право состоять на данном учете до решения вопроса улучшения жилищных условий (получения жилого помещения). Таким образом, Федеральная служба исполнения наказаний на протяжении уже двух лет решает жилищные проблемы только тех работников и пенсионеров, которые встали на жилищный учет в учреждениях и органах УИС до 1 марта 2005 г.[3]

3. Указ Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний», которым утверждено Положение о Федеральной службе исполнения наказаний. В соответствии с п. 7 этого положения ФСИН России осуществляет функции государственного заказчика по капитальному строительству, реконструкции и капитальному ремонту объектов уголовно-исполнительной системы, а также по жилищному строительству.

4. Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, распространяющееся на сотрудников УИС Федеральным законом от 21 июля 1998 г. № 117-ФЗ. Статьей 54 данного положения определено, что в случае гибели сотрудника в связи с осуществлением законной деятельности за семьей погибшего сохраняется право на получение жилой площади на тех основаниях, которые имелись при постановке на учет. При этом жилая площадь предоставляется не позднее одного года со дня гибели сотрудника. Кроме того, установлено, что сотрудники в звании полковника внутренней службы и выше, а также уволенные со службы в этом звании имеют право на дополнительную жилую площадь или дополнительную комнату. Таким правом обладают также сотрудники, имеющие ученые степени или ученые звания[4].

В настоящее время подготовлены предложения о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», а также в иные нормативные акты, касающиеся вопросов жилищного обеспечения сотрудников, пенсионеров УИС и членов их семей. Коррективы позволят значительно повысить уровень социальной защищенности граждан указанных категорий. Данный законопроект в настоящее время дорабатывается совместно с Департаментом социального и гражданского законодательства Минюста России для последующего внесения его на рассмотрение Правительства Российской Федерации.

Обеспечение жильем сотрудников УИС и членов их семей, признанных в установленном порядке нуждающимися в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий по месту службы, осуществляется в настоящее время по следующим направлениям:

1. Приобретение жилья за счет государственных жилищных сертификатов по подпрограмме «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством» Федеральной целевой программы «Жилище» на 2002–2010 гг.

2. Оказание безвозмездной финансовой помощи для строительства и приобретения жилья в соответствии с Приказом Минюста России от 29 ноября 2002 г. № 322 «О порядке оказания безвозмездной финансовой помощи членам жилищно-строительных (жилищных) кооперативов и индивидуальным застройщикам»[5].

3. Осуществление ФСИН России функций государственного заказчика по жилищному строительству[6].

Рассмотрим эти направления более подробно.

Приобретение жилья за счет государственных жилищных сертификатов. Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2005 г. № 865 «О дополнительных мерах по реализации Федеральной целевой программы "Жилище" на 2002–2010 гг.» утверждена подпрограмма «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством» (далее – Подпрограмма).

За счет реализации государственных жилищных сертификатов в 2006 г. приобретено 139 квартир общей площадью 6,5 тыс. кв. м. На их покупку были направлены инвестиции в объеме 125,3 млн руб., в том числе в виде безвозмездных субсидий – 119,8 млн руб. (табл. 3).

Таблица 3

Приобретение квартир по подпрограмме «Государственные жилищные сертификаты» для граждан, уволенных с военной службы и из органов внутренних дел

Год	Число приобретенных квартир / комнат	Общая площадь квартир, кв. м	Использовано инвестиций на приобретение квартир, млн руб.	В том числе за счет безвозмездных субсидий, млн руб.
2000	94	5306	19,2	18,6
2001	142	7316	33,7	18,6
2002	213	11 918	81,7	79,1
2003	89	4807	44,5	43,3
2004	41	2108	27,5	25
2005	25/3	1220	17,3	16,8
2006	139	6539	125,3	119,8

В соответствии с Подпрограммой ФСИН России совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами под руководством Департамента жилищной инфраструктуры и строительства Правительства Российской Федерации приняла участие в разработке Правил выпуска и реализации государственных жилищных сертификатов (далее – Правила).

Результатом работы стало Постановление Правительства Российской Федерации от 21 марта 2006 г. № 153 «О некоторых вопросах реализации подпрограммы "Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством" Федеральной целевой программы "Жилище" на 2002–2010 гг.», утвердившее новые правила выпуска и реализации государственных жилищных сертификатов.

Подпрограмма реализуется и в территориальных органах ФСИН России. Так, УФСИН России по Вологодской области за три года был выделен 41 сертификат на общую сумму 37 130 037 руб. (табл. 4).

В настоящее время подготовлен и внесен в Минюст России проект приказа об утверждении инструкции о порядке формирования списков, выдачи и реализации государственных жилищных сертификатов гражданам-участникам Подпрограммы, в которой будет установлен единый порядок формирования в учреждениях и органах УИС списков граждан, уволенных (увольняемых) со службы из указанных учреждений и органов, а также граждан, подлежащих переселению из поселков учреждений с особыми условиями хозяйственной деятельности и изъявивших желание участвовать в Подпрограмме.

Таблица 4

Результаты реализации федеральной подпрограммы «Государственные жилищные сертификаты»

Год	2005	2006	2007
Количество предоставленных государственных жилищных сертификатов, шт.	17	12	12
Сумма (руб.)	10 544 004	10 638 006	15 947 073

Подпрограммой определено, что перечень поселков, из которых переселение граждан осуществляется с использованием субсидии, удостоверяемой сертификатом, утверждается Правительством Российской Федерации по представлению Минюста России. Такой перечень утвержден Распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 октября 2004 г. № 1291-р (с изменениями, внесенными распоряжением Правительства Российской Федерации от 21 марта 2006 г. № 397-р). В него включены 120 поселков учреждений с особыми условиями хозяйственной деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации[7].

После выхода Подпрограммы и Правил у граждан, подлежащих переселению из указанных в перечне поселков, появилась такая же возможность получения ГЖС, как и у сотрудников (граждан), содержащихся за счет средств федерального бюджета и увольняемых (уволен-

ных) по достижении ими предельного возраста пребывания на службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, общая продолжительность службы которых в календарном исчислении составляет 10 лет и более, состоящих в подразделениях УИС в списках очередников на получение жилых помещений.

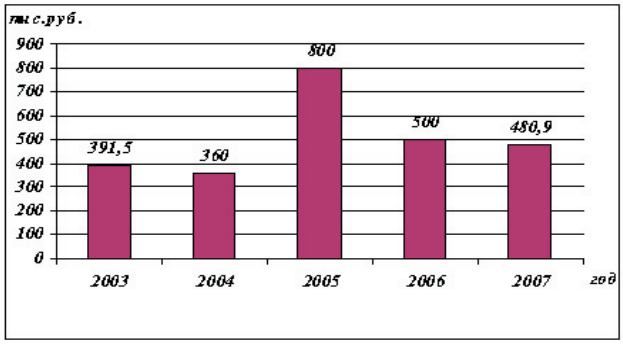
Приобретение жилья за счет оказания безвозмездной финансовой помощи. Оказание безвозмездной финансовой помощи (субсидии) в приобретении жилья сотрудникам УИС, нуждающимся в улучшении жилищных условий, осуществляется на основании указов Президента Российской Федерации от 21 июля 1992 г. № 796 «О дополнительных мерах по финансированию строительства и приобретения жилья для военнослужащих», от 2 октября 1992 г. № 1153 «О мерах по усилению социальной защиты военнослужащих внутренних войск, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел и членов их семей» и от 8 октября 1997 г. № 1100 «О реформировании УИС Министерства внутренних дел Российской Федерации», а также в соответствии с Приказом Минюста России от 29 ноября 2002 г. № 322 «О порядке оказания безвозмездной финансовой помощи членам жилищно-строительных (жилищных) кооперативов и индивидуальным застройщикам» (документ утратил силу в связи с изданием Приказа Минюста России от 5 сентября 2006 г. № 281)[8].

К сожалению, объемы финансирования на оказание безвозмездной финансовой помощи (далее – БФП) сотрудникам УИС, нуждающимся в улучшении жилищных условий, в 2006 и 2007 гг. сохранялись на уровне 2005 г. и составили 120 млн руб.

За последние пять лет в Вологодской области количество сотрудников УИС, нуждающихся в улучшении жилищных условий, сократилось на 34,5%. Этому способствовало выделение безвозмездной финансовой помощи в соответствии с приказами Минюста России от 29 ноября 2002 г. № 322 и от 5 сентября 2006 г. № 281 (диаграмма 1).

Диаграмма 1

Безвозмездная финансовая помощь работникам УИС Вологодской области



При этом ежегодная потребность в БФП для решения жилищной проблемы сотрудников УИС составляет около 800 млн руб. В соответствии с указами Президента России и ведомственным приказом БФП оказывается сотрудникам в размере 75% стоимости кооперативного жилья или кредита банка, полученного на строительство индивидуального жилого дома, с процентами за пользование этим кредитом. При этом 50% указанного размера финансовой помощи возмещается за счет бюджетных средств, предусмотренных на эти цели в смете на содержание уголовно-исполнительной системы, 25% – за счет внебюджетных средств, а также экономии бюджетных средств по смете на содержание уголовно-исполнительной системы. Оставшиеся 25% стоимости жилья или кредита банка, полученного на строительство индивидуального жилого дома, с процентами за пользование этим кредитом оплачиваются самим сотрудником. Кроме того, помощь оказывается сотрудникам УИС, имеющим стаж безупречной и непрерывной службы 10 лет и более в календарном исчислении.

Строительство жилья за счет инвестиций. Обеспечение сотрудников (пенсионеров) и членов их семей путем предоставления жилья, построенного посредством участия в долевом строительстве, осуществляется на основании Положения о ФСИН России, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314, где определено, что ФСИН России выполняет функции государственного заказчика по жилищному строительству[9].

Строительство жилья для сотрудников и пенсионеров УИС, нуждающихся в улучшении жилищных условий, ведется в рамках федеральной адресной инвестиционной программы (табл. 5).

Таблица 5

Федеральная инвестиционная программа по строительству жилья для сотрудников и пенсионеров УИС

Разделы программы	Общая жилая площадь, кв.м	Количество квартир
2005 год		
Федеральная целевая программа «Реформирование УИС на 2002-2006 гг.»	28 128	451
Федеральная целевая программа «Восстановление экономики и социальной сферы Чеченской Республики на 2002 г. и последующие годы»	990	10
Непрограммная часть	20 279	355
2006 год		
Федеральная целевая программа «Реформирование УИС на 2002–2006 гг.»	50 750	767

Федеральная целевая программа «Восстановление экономики и социальной сферы Чеченской Республики на 2002 г. и последующие годы»	990	н/д
Непрограммная часть	54 643	919

Для обеспечения работников и пенсионеров жилыми помещениями территориальным органам УИС необходимо также проводить работу по привлечению средств бюджетов других уровней (кроме федерального) и внебюджетных источников.

Известно, что одной из проблемных в уголовно-исполнительной системе является кадровое обеспечение. Ряд управлений успешно его решают благодаря тому, что умело используют для закрепления сотрудников на службе такие стимулы, как обустройство их быта и обеспечение жильем. Среди них ГУФСИН, УФСИН России по Республике Коми, Красноярскому краю, Оренбургской, Брянской, Владимирской, Волгоградской, Иркутской, Калининградской, Ростовской, Рязанской, Саратовской областям и др.

Следует отметить, что приведенный перечень путей решения жилищной проблемы сотрудников УИС не является исчерпывающим, а соответствующая деятельность носит ввиду дефицита бюджетных средств ограниченный характер. В последнее время все активнее выдвигаются и обсуждаются различные новаторские предложения, направленные на изменение форм и порядка обеспечения граждан жильем. В средствах массовой информации были освещены три основных перспективных направления решения жилищной проблемы сотрудников УИС, военнослужащих, сотрудников ОВД и приравненных к ним граждан:

– ипотечное кредитование;

– ведение накопительной системы жилья;

– предоставление служебного жилья[10].

Определение сущности и особенностей ипотечного кредитования требует проведения дальнейших научных изысканий. Предоставление служебного жилья как способ решения «квартирного вопроса» сотрудников ограничено возможностями соответствующих ведомств и министерств. В настоящее время наиболее активно пропагандируется идея о введении различных схем так называемой накопительной системы жилья.

Как предполагается, при ее реализации с момента начала службы для каждого сотрудника, военнослужащего будет открываться специальный накопительный счет, на который регулярно будут перечисляться определенные суммы федеральным органом исполнительной власти, в котором предусмотрено прохождение службы. Прогнозируется, что скопившаяся таким образом сумма, размер которой будет зависеть от выслуги лет и отношения к исполнению служебных обязанностей, будет достаточной для приобретения жилья в любом избранном сотрудником месте. Действие накопительной системы жилья первоначально предполагается распространить на служащих, заключивших первые контракты о прохождении военной службы после 1 января 2004 г., которым на весь период ее прохождения в соответствии с законодательством будут предоставляться служебные жилые помещения.

По мнению экспертов, активное внедрение накопительной системы жилья позволит решить жилищную проблему военнослужащих через 10–15 лет[11]. Однако даже приблизительные подсчеты не подтверждают этот оптимистический прогноз. В частности, к 2015 г. планируется обеспечить жильем с использованием накопительной системы только около 20 тыс. офицеров, то есть незначительную часть от общего числа нуждающихся служащих. Очевидны и другие минусы накопительной системы. Так, отсутствие необходимого финансирования федеральной целевой программы «Государственные жилищные сертификаты» позволяет допустить возможность дефицита денежных средств и на реализацию накопительной системы жилья.

Очевидно, что вопросы правового обеспечения мер по реализации права военнослужащих и сотрудников УИС на жилище, в том числе и по внедрению накопительной системы жилья и других новых форм, требуют тщательной предварительной проработки, правовой регламентации, определения достаточных и конкретных источников финансирования.

В условиях дефицита государственных средств большинству сотрудников УИС придется решать жилищную проблему самостоятельно. Выходом из сложившейся ситуации может стать развивающаяся в последнее время система ипотечного кредитования либо схема ссудо-сберегательных касс, не получившая распространения на практике в силу отсутствия нормативно-правовой базы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Барков В. Каждому сотруднику – достойное жилье // Преступление и наказание. 2003. № 10. С. 2–6.

[2] См.: Гвозденко И. Решение жилищных вопросов сотрудников и пенсионеров УИС в рамках подпрограммы «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством» федеральной целевой программы «Жилище» на 2002–2010 гг. // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2008. № 1. С. 20–24.

[3] См.: Там же.

[4] См.: Заиченко А. Обеспечение жильем сотрудников УИС в условиях действия нового Жилищного кодекса Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2006. № 9. С. 17–22.

[5] Документ утратил силу в связи с изданием Приказа Минюста России от 5 сентября 2006 г. № 281, вступившего в силу по истечении 10 дней после дня официального опубликования.

[6] См.: Заиченко А. Обеспечение жильем сотрудников УИС в условиях действия нового Жилищного кодекса Российской Федерации. С. 17–22.

[7] См.: Там же.

[8] См.: Там же.

[9] См.: Там же.

[10] См.: Пчелинцева Л.М. Новые способы решения жилищной проблемы военнослужащих // Жилищное строительство. 2003. № 9. С. 26–27.

[11] См.: Пчелинцева П. Обеспечение жильем военнослужащих // Законность. 2003. № 11. С. 45–47.

Развитие сертификации по системе Лесного попечительского совета (FSC) на примере лесопромышленного холдинга ЗАО «Инвестлеспром»

О.А. КОНЮШАТОВ – руководитель направления сертификации ЗАО «Инвестлеспром», кандидат сельскохозяйственных наук;
С.А. КОРЧАГОВ – директор Вологодского лесного научно-инновационного консалтингового центра Вологодской хозяйственной молочной академии им. В. Верещагина, кандидат сельскохозяйственных наук;
Н.А. МАЛЫШЕВА – инженер лесного хозяйства, специалист по сертификации ОАО «ЛПК “Кипелово”»

Статья посвящена проблеме развития систем лесной сертификации деятельности по документальному подтверждению третьей, независимой от производителя и потребителя стороной соответствия системы лесоуправления и(или) цепи поставок лесной продукции «от производителя – к потребителю» установленным требованиям, обеспечивающим ответственное лесопользование и позволяющим сочетать экономические, экологические и социальные потребности общества.
Ключевые слова: окружающая природная среда; лесная сертификация; лесоуправление; система сертификации Лесного попечительского совета

В последние два десятилетия возрос интерес общественных и правительственных организаций к вопросу сохранения природы. Впервые это официально было признано и задокументировано на Всемирной конференции по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г., тогда же была принята Конвенция о биоразнообразии, которую подписали более 180 стран, в том числе и Российская Федерация.

Общеизвестно, что лесная территория является источником биологического разнообразия. Кроме того, леса играют ключевую роль в оздоровлении воздушной и водной оболочек Земли и регулировании глобального климата планеты.

Лесная сертификация – это деятельность по документальному подтверждению третьей стороной, независимой от производителя и потребителя, соответствия системы лесоуправления и(или) цепи поставок лесной продукции «от производителя – к потребителю» установленным требованиям, обеспечивающим ответственное лесопользование и позволяющим сочетать экономические, экологические и социальные потребности общества. Результатом является получение лесного сертификата, подтверждающего, что ведение лесного хозяйства и лесозаготовок на определенной площади или торгово-производственная цепь поставок лесной продукции на предприятии соответствует международным стандартам лесоуправления и цепочки поставок лесной продукции. Сертификат FSC дает потребителям гарантии того, что при производстве продукции не использовалась незаконно заготовленная древесина, сохранялись экологически ценные леса и редкие виды флоры и фауны, соблюдались права работников в лесу и местного населения. Все перемещения лесной сертифицированной продукции от лесосеки до перерабатывающего завода документируются, отслеживаются и проверяются, а покупатель приобретает высококачественный товар по рыночной цене. Это снижает экологические и имиджевые риски продавца и покупателя, позволяет им делать заявления о том, что продаваемая и покупаемая продукция соответствует высоким международным экологическим и социальным стандартам. Таким образом, добровольная лесная сертификация является важным условием развития и существования цивилизованного лесного бизнеса. Перспективы развития лесопромышленных предприятий России в немалой степени зависят от признания выпускаемой ими лесной продукции на мировых рынках, где все более пристальное внимание уделяется законности происхождения древесины, соблюдению международных норм и правил ведения лесного хозяйства и лесопользования.

В настоящее время в мире существует около 200 различных систем лесной сертификации, из них официально признаны сообществом около 10. По данным Экономической комиссии ООН, наиболее распространенными системами сертификации являются следующие: PEFC (Паневропейская система лесной сертификации), SFI (Инициатива по устойчивому лесоуправлению), FSC (система Лесного попечительского совета), CSA (система Канадской ассоциации по стандартам) и ATFS (Американская система лесных ферм). В России получила развитие система FSC-сертификации. В конце 2008 г. был аккредитован российский национальный стандарт FSC. Требования, изложенные в национальном стандарте, отвечают запросам экологически чувствительных рынков. Стандарт FSC включает

10 глобальных принципов и 56 критериев, которые содержат в себе три основных аспекта: экологический, социальный и экономический.

Система сертификации Лесного попечительского совета FSC признана в мире и охватывает более 103 млн га лесов в 82 странах. По состоянию на начало 2009 г. в России сертифицировано уже 20 млн га лесов и выдано более 60 сертификатов на цепочку поставок FSC.

Рассмотрим процесс развития лесной сертификации на примере крупнейшего в России лесопромышленного холдинга ЗАО «Инвестлеспром», созданного при финансовой поддержке ОАО «Банк Москвы» в 2006 г. Стратегической целью новой компании было объявлено инвестирование в развитие лесоперерабатывающей отрасли страны. Формирование холдинга шло стремительно, компания прирастала лесными активами, включала в себя новые предприятия. Сегодня «Инвестлеспром» – это крупнейшая, вертикально интегрированная лесопромышленная структура России.

В настоящее время холдинг объединяет ряд крупных и средних лесозаготовительных компаний в Республике Карелия (Северная лесозаготовительная компания, Медвежьегорский, Муезерский, Костомукшский и Лендерский леспромхозы), Архангельской области (группа предприятий «ПЛО Онегалес», «Устьялес»), Вологодской области (группа предприятий «ЛПК Кипелово») и Кировской области (Федоровская ЛЗК). Общая площадь аренды участков лесного фонда предприятий холдинга «Инвестлеспром» составляет 5,5 млн га, из них 4,5 млн га сертифицировано по схеме FSC. Ежегодный объем заготовки древесины предприятиями холдинга достигает 3 млн м^3.

Крупными перерабатывающими предприятиями холдинга являются: целлюлозно-бумажные комбинаты Сегежский (Карелия), «Кама» (Пермский край), Сокольский (Вологодская область); лесопильно-деревообрабатывающие предприятия и производства по выпуску плит – ЛДК «Сегежский», Ильинский лесозавод, «Карелия ДСП» (Республика Карелия), Сокольский ДОК (Вологодская область), «ВяткаЛесИнвест», Вятский фанерный комбинат и «КДП “Новая Вятка”» (Кировская область). Эти производители выпускают упаковочные виды бумаги и картона, газетную бумагу, пиломатериалы, древесно-стружечные и древесно-волокнистые плиты, строительную фанеру. Кроме того, в структуру «Инвестлеспрома» входит холдинг «Сегежа Пэкэджинг», в составе которого фабрики по производству бумажных мешков из 11 стран Европы, в том числе России. Он является вторым крупнейшим в мире производителем данной продукции.

Стратегию холдинга определяет интеграция предприятий в мировой рынок, на котором позиции компаний в последние годы определяются не только соотношением между ценой и качеством товара, но и дополнительными ценностными характеристиками, в частности соблюдением экологических и социальных показателей производства. Основным толчком к началу процесса сертификации по схеме FSC в компании стало требование британских магазинов розничной торговли – основных покупателей пиломатериалов, произведенных на Сегежском и Онежском лесопильно-деревообрабатывающих комбинатах. Таким образом, изменение условий пребывания на транснациональных рынках подтолкнуло компании к сертификации своей продукции по международной схеме.

Первые сертификаты FSC ответственного лесоуправления получены в Архангельской области лесозаготовительными предприятиями «Малошуйкалес» (2003 г.) и «Нименьгалес» (2005 г.), позднее присоединившимися к ПЛО «Онегалес», который стал держателем группового сертификата FSC (GFA-FM/COC-1277). Тогда же сертификат цепи поставок лесной продукции «от производителя – к потребителю» получил Онежский ЛДК, владеющий также сертификатом экологического менеджмента ISO 14001:2004. В 2007 г. ПЛО «Онегалес» и Онежский ЛДК вошли в состав холдинга «Инвестлеспром».

В середине 2005 г. в связи с активным развитием Сегежского ЦБК, на тот момент представлявшего собой холдинг, руководство комбината инициировало процесс внедрения лесной сертификации на лесозаготовительных и перерабатывающих предприятиях холдинга. По мысли топ-менеджеров компании сертификация должна была помочь решить основные стратегические задачи: повысить конкурентоспособность предприятия на мировых рынках и в то же время обеспечить оптимальное использование и восстановление лесного фонда. При реализации экономического блока сертификации предприятие прибегало к консультациям экспертов из научных институтов и Федерального агентства лесного хозяйства. Была разработана программа лесосырьевой безопасности – проект «Сегежская сосна», включивший в себя интенсификацию лесопользования, которая предполагала осуществление таких мероприятий, как снижение возраста рубок при выращивании сосновых древостоев на балансы наряду с эффективным лесовосстановлением и формированием целевых насаждений, осуществление коммерческих видов рубок ухода и др.

Для решения экологических и социальных задач холдинг «Инвестлеспром» пользовался услугами Карельской региональной общественной природоохранной организации «СПОК», Центра независимых социологических исследований (г. Санкт-Петербург) и других неправительственных организаций. В результате совместной работы с организацией «СПОК» удалось выявить и сохранить участки малонарушенных карельских лесов, а также идентифицировать ключевые биотопы перед началом лесозаготовительных работ. Результатом проделанной в этом направлении работы стал выпущенный

в 2007 г. справочник «Полевой определитель ключевых биотопов для Средней Карелии». Он представляет собой практические рекомендации для мастеров и рабочих, находящихся непосредственно на делянках. Основной методологический аспект справочника прост: для того чтобы сохранить редкий вид, необязательно его обнаруживать, достаточно сохранить условия его местообитания. Помимо этого эксперты НПО обучали персонал предприятий выделению элементов биоразнообразия на местности.

Плодом совместных усилий стала утвержденная Министерством лесного комплекса Республики Карелия в ноябре 2008 г. «Инструкция по сохранению биоразнообразия при осуществлении лесозаготовительных работ для предприятий холдинга Инвестлеспром на территории Республики Карелия». Данный нормативный документ дает возможность лесозаготовителям сохранять объекты биоразнообразия в лесу, не опасаясь штрафных санкций со стороны органов лесного хозяйства за оставленную на корню древесину.

Для выполнения требований стандарта лесной сертификации «Инвестлеспромом» разработана процедура оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС). Перед любой операцией в лесу, будь то рубка леса либо строительство дороги, специалист предприятия одновременно с отводом лесосеки проводит экологическую оценку потенциального воздействия с фиксированием результатов в акте ОВОС. Анализ этих результатов позволяет компании минимизировать негативное воздействие на лесную среду в ходе хозяйственной деятельности.

Интенсивная работа по социальным аспектам сертификации на территории арендной базы Сегежского ЦБК проводилась экспертами ЦНСИ в 2007 г. Работала программа малых грантов, отчислялись социальные платежи на поддержание инфраструктуры поселков и проводились индивидуальные и групповые консультации с местным населением. В 2008 г. работа по социальному блоку была продолжена на территории аренды Муезерского, Костомукшского и Медвежьегорского леспромхозов. Предприятиями с помощью экспертов-социологов составлен обширный список заинтересованных сторон (стейкхолдеров) и организован ряд индивидуальных консультаций с ними. Эти консультации оказались чрезвычайно важны для Костомукшского ЛПХ, арендные территории которого располагаются в буферной зоне Калевальского национального парка и в пограничной с Финляндией зоне. В Медвежьегорском ЛПХ особенно важным является участок Кижского лесничества в Заонежье, поскольку там сосредоточены многочисленные исторические, культурные и религиозные памятники. Территории, расположенные недалеко от острова Кижи и включающие шхеры Онежского озера, где активно развивается туризм, строятся гостевые дома, требуют особого внимания компании и осуществления активной работы для выявления социально значимых участков леса. В Муезерском и Костомукшском ЛПХ проведены общественные слушания и установлены контакты со СМИ, которые будут освещать ход сертификации.

Руководство холдинга «Инвестлеспром» поддержало инициативу сотрудников ЦНСИ о создании на его арендной базе модельного леса, который бы служил экспериментальной площадкой по разработке и апробированию инноваций, способствующих формированию устойчивого лесопользования. При участии всех стейкхолдеров компания приступила к созданию на 400 тыс. га модельного леса «Сегозерье» в Медвежьегорском районе Республики Карелия. Исследователи помогли разработать устав и структуру нового типа партнерства. К данному проекту также привлечены ученые-лесоводы, этнографы, историки из Петрозаводского университета.

В рамках партнерства действует проект «Карельский дом». В одной из деревень на средства частных заказчиков начато строительство дома, копирующего дореволюционные карельские дома. Для осуществления этого проекта двое местных мастеров прошли специальное обучение на острове Кижи, был подобран особый строительный материал. Реализация проекта поможет сохранить традиционный облик карельских деревень вопреки их постепенному превращению в дачный поселок, а также будет способствовать созданию новых рабочих мест, использованию местных материалов, развитию местной культуры. В деревнях Юккогуба и Сельги возродились старинные карельские праздники, которые сопровождаются народными гуляниями.

В 2008 г. зарегистрирован Карельский региональный некоммерческий фонд содействия созданию модельного леса «Сегоезерье». Его учредителем является ООО «Северная лесозаготовительная компания», которая ведет свою производственную деятельность на территории аренды Сегежского ЦБК. В рамках проекта проводятся экологические курсы по сохранению биоразнообразия, созданы экологическая тропа и демонстрационные делянки, на которых представлены способы определения и типы ключевых биотопов.

В начале 2007 г. крупнейшим арендатором лесного фонда в Карелии Сегежским ЦБК получен сертификат FSC системы лесоуправления (SGS-FM/COC-003092) на территорию в 1,8 млн га. Параллельно специалисты компаний «Сегежский ЦБК» и «ЛДК “Сегежский”» разработали и внедрили в производство систему документооборота в соответствии с требованиями стандартов FSC-STD-40-004 и FSC-STD-40-005: процедуры по управлению цепочкой поставок древесины, программу отслеживания источников происхождения древесного сырья при его закупке у сторонних поставщиков. Для подтверждения легальности происхождения древесины

предприятиями проводится оценка риска районов поступления сырья, а также полевые проверки поставщиков контролируемой древесины с выездом на делянки. Результаты этой работы подтверждены сертификатами FSC цепочки поставок «от производителя – к потребителю», выданными международной аудиторской компанией SGS.

В 2007 г. ЗАО «Инвестлеспром» официально утвердило общую политику в сфере ответственного лесопользования и лесообеспечения, тем самым взяв курс на развитие процесса добровольной сертификации управления лесами и цепочек поставок древесного сырья по международным стандартам FSC на предприятиях холдинга. Четкая реализация компаниями плана мероприятий по выполнению международных социальных и экологических требований ЛПС позволила достигнуть поставленной цели – внедрить схему FSC-сертификации на новых предприятиях холдинга.

В конце 2008 г. пять заготовительных предприятий лесопромышленного концерна «Кипелово» в Вологодской и Архангельской областях успешно прошли основной аудит лесоуправления и получили групповой сертификат FSC (SW-FM/COC-003754). Специалистами предприятий в содружестве с экологическими и социальными организациями выделены леса высокой природоохранной ценности на территории Вытегорского, Сокольского, Сямженского, Харовского районов Вологодской области и Устьянского района Архангельской области, намечены меры по их сохранению, проведены консультации с заинтересованными сторонами – местными организациями и населением, разработан долгосрочный план лесопользования с оценкой воздействия на окружающую среду. В целях контроля над качеством работ в лесу, соблюдения экологических требований и правил техники безопасности на всех лесозаготовительных предприятиях холдинга «Инвестлеспром» мастера и ИТР при посещении рабочих мест как своих бригад, так и подрядчиков заносят результаты наблюдений в специально разработанный акт с указанием нарушений и рекомендаций по их устранению.

Поскольку сертификат цепочки поставок древесины требуется для каждой стадии производства и продажи FSC-сертифицированной продукции, холдинг «Инвестлеспром», являющийся центральным звеном этой цепочки, став держателем сертификата (SGS-COC-005440), получил право поставлять сертифицированное древесное сырье на свои сертифицированные перерабатывающие предприятия и продавать сертифицированную продукцию глубокой переработки конечному потребителю. В 2008 г. «Инвестлеспром» вступил в Ассоциацию экологически ответственных лесопромышленников России.

Покупатели продукции холдинга «Инвестлеспром» могут быть уверены в том, что они приобретают экологически чистые товары, произведенные из древесины, которая заготовлялась в соответствии с международными требованиями социально ответственного и экологически ориентированного лесоуправления. Подтверждающий торговый знак FSC может быть размещен на любой продукции, произведенной в холдинге «Инвестлеспром», – от бревна и доски до целлюлозы и бумаги. На очереди сертификация остальных лесозаготовительных и деревообрабатывающих предприятий холдинга, в том числе Сокольского ДОКа в Вологодской области, производящего продукцию деревянного домостроения. В планах этого предприятия значится также внедрение систем менеджмента качества и экологического менеджмента в соответствии с международными стандартами ISO 9001:2000 и ISO 14001:2004. Таким образом, от лесных участков сертификация по схеме FSC распространилась и на деревянные дома, которые по праву можно будет назвать экологически чистыми.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Современные тенденции уголовной политики и стратегии противодействия преступности

П. ЩЕПАНЯК – специалист отдела по делам методики обучения и профессионального совершенствования кадров Главного центра подготовки сотрудников тюремной службы в г. Калише (Польша), кандидат наук

В статье анализируется международный опыт осуществления уголовной политики в области назначения и исполнения наказаний, даются классификации моделей развития тюремной системы, определяются принципы, согласно которым должно быть организовано отбытие наказания.

Ключевые слова: уголовная политика; криминология; преступность; призонизация; модели развития тюремной системы; пенитенциарная служба; отбытие наказания

Все чаще в мире наблюдается повышение уровня преступности и развитие ее новых форм. Результаты криминологических исследований показывают, что за последние двадцать лет число совершенных преступлений во многих странах увеличилось в два раза. При этом в США показатель призонизации сильно отличается от стран Западной Европы (число заключенных в пересчете на 100 тыс. жителей в США достигает 450, в странах Западной Европы – около 50). Тщательный анализ этих показателей, а также различий в уголовной и пенитенциарной политике приводят к выводу, что нет никакой связи между числом совершенных преступлений и числом заключенных. Действительное количество заключенных в пенитенциарном учреждении в большей степени зависит от традиций данного общества и решений политического характера, и это позволяет сделать вывод, что существует возможность реформирования пенитенциарной системы.

Например, в скандинавских странах уже с 40-х гг. прошлого столетия началась реформа уголовной политики и пенитенциарной системы, сущность которой заключалась в ограничении показателя призонизации. Хотя до конца 60-х гг. прошлого столетия во многих странах мира увеличивалось число зарегистрированных преступлений, а затем и число заключенных, интенсивные реформационные усилия привели к тому, что показатель призонизации удерживается на уровне 50 осужденных на 100 тыс. жителей. Сегодня в европейских странах основные изменения в этом направлении тесно связаны с политикой противодействия процессу маргинализации и депенализацией, а также определенным законом лимитом наполняемости пенитенциарного учреждения, что приводит к случаям отказа принять осужденного, если в тюрьме нет свободных мест. Тогда возникает необходимость ожидания очереди, особенно в отношении осужденных за совершение мелких преступлений. Кроме аболиционистских действий реформа инициировала деятельность общественных служб. Начинает развиваться система пробации. Расширяется круг альтернативных наказаний. В уголовной политике в некоторых странах проявляется и другая тенденция (которая для пенитенциарной политики обозначает обострение репрессий) – неоклассическое направление, связанное с ретрибутивной парадигмой в уголовном праве.

Опираясь на вышесказанное, можно сделать вывод, что существуют две противоположные модели развития тюремной системы: «охранная» и «реадаптационная» (реинтеграционная)[1], или изоляционно-репрессионная и воспитательная. Здесь необходимо подчеркнуть, что эти два направления развития пенитенциарной службы соответствуют двум видам общества: открытому обществу с демократическими традициями (inclusive) и обществу, в котором доминирует маргинализация (исключение из общества) – exclusive. Со времен Просвещения реадаптационная модель тюрьмы сильно влияет на гуманистическую теорию и пенитенциарную практику, становясь «двигателем» развития тюремной системы.

Реинтеграционная, воспитательная роль тюрьмы была закреплена в виде стандарта в Минимальных правилах ООН, а также Европейских тюремных правилах. В них также отражена идея невооруженного персонала, профессионально подготовленного к своей работе в области воспитания, терапии, социальной работы и т.д.[2], что стало предпосылкой нового определения функции охраны пенитенциарного учреждения – охраны посредством организации общественных структур. В реализации такой тенденции управления тюрьмой первенствуют скандинавские страны.

Основные правила деятельности пенитенциарной службы можно найти в документах Европейского совета и ООН. Стоит подчеркнуть, что среди общественных ценностей свобода является самой главной и основной ценностью, а ее ограничение – исключением. Донна Гомен, профессор по правам человека Норвежского института (Университет в Осло), говоря об основных принципах, затронутых в Европейской конвенции, дает следующую интерпретацию: «Условия отбывания наказания в виде лишения свободы опираются на три основные принципа. Первый принцип определяет свободу как норму, а ограничение – как исключение. Второй принцип – это всеобщая законность (принцип законности), формирующий права заключенных. Третий – основной принцип, который определяет деятельность в рамках общих международных нормативных актов, относящихся к правам человека – принцип недискриминирования».

В июле 1997 г. Европейский комитет по проблемам преступности предложил принципы этики, которых должен придерживаться персонал исправительного учреждения.

Особое значение придается подбору персонала, а также обязанности уважать человеческое достоинство осужденных лиц, а также членов их семей.

В составе Минимальных правил профессиональной этики пенитенциарного персонала нашли отражение следующие принципы:

– воздержания от применения физического или психического принуждения;

– запрещения любых форм дискриминации относительно лиц, к которым применяются уголовные меры;

– запрещения такой формы поведения, которая могла бы провоцировать лиц, лишенных свободы;

– обязанности лиц из числа персонала учреждения, имеющих непосредственный контакт с заключенными, информировать последних об их правах и обязанностях;

– обязанности членов персонала «устанавливать и поддерживать связь с лицами, находящимися на подозрении, и заключенными, а также с членами их семей».

После 1989 г. международное сотрудничество и обмен опытом между тюремными ведомствами оживились. Значительную роль в процессе интеграции европейских пенитенциарных служб сыграли программы Европейского совета.

Уникальный образец подготовки сотрудников пенитенциарных учреждений содержится в документе от 29 мая 1991 г. Канадской пенитенциарной службы, подписанном Д. Ларисом (Mission of the Correctional Service of Kanada). Он включает заявления, определение основных ценностей, передовых принципов и стратегических целей. В этом документе можно найти различные советы и нормы, определенные упомянутыми выше документами, так как на формирование стандартов значительное влияние оказали международные пенитенциарные конгрессы, проводимые с 1845 г. Международные нормы и стандарты в области защиты прав человека были введены в уголовно-исполнительное законодательство некоторых стран и стали аксиологическим ориентиром для многих европейских пенитенциарных систем. Этими стандартами пользуются в виде образца организации и учреждения, контролирующие и ведущие видеонаблюдение в пенитенциарных учреждениях.

В практике исполнения наказаний в виде лишения свободы в странах Западной Европы под влиянием тех же стандартов произошли изменения в функциях тюремных сотрудников: надзирательную функцию сменила многофункциональная менеджерская. Надо подчеркнуть, что достижение высокого уровня развития персонала было результатом многолетнего процесса реформирования.

В настоящее время наблюдается тенденция подготовки тюремного персонала в рамках профессионального совершенствования после поступления его на тюремную службу или совершенствования в пределах пенитенциарной системы тех лиц, которые были приняты на службу с определенными способностями. Эта подготовка, или профессиональное совершенствование, включена в цикл системы подготовительного обучения, продолжающегося несколько лет и включающего в себя разные курсы, практику. После практических и теоретических экзаменов обучение приобретает форму перманентного[3]. Именно такая модель обучения предлагается как европейскими стандартами, так и ООН.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Reynaud A. Human rights in prisons. Strassburg, 1986. S. 22–30.

[2] Правило 57: В состав персонала входят такие специалисты, как психологи, психиатры, социальные работники, учителя, специалисты по физкультуре и спорту.

[3] См.: Making Standart Work: At International Handbook On Good Prison Practice, Penal Reform International, The Hague, March 1995, s. 145; G. Hill. Basic Training Manual for Correctional Works, Milan, Italy, November 1994.

К вопросу о коллизионном регулировании формы завещательных распоряжений в рамках различных правовых систем

Е.В. ВАЛЬКОВА – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

Статья посвящена исследованию коллизионных вопросов в отношении формы завещательных распоряжений в рамках различных правовых систем. Предметом исследования выступают нормы гражданского и международного законодательства, регулирующие отношения, возникающие в рассматриваемой сфере. Материалы статьи могут быть рекомендованы курсантам, слушателям, адъюнктам, сотрудникам УИС, интересующимся вопросами наследования по завещанию.

Ключевые слова: наследование по завещанию, форма завещательных распоряжений, право применимое к завещанию, международные соглашения, двусторонние договоры о правовой помощи, Гаагская конвенция о коллизиях законов относительно формы завещательных распоряжений.

Национальные правовые системы отличаются большим разнообразием. Данный постулат в полной мере относится к правовому регулированию наследственных отношений. Здесь различия между внутренними законодательствами государств наиболее значительны. Наследственное право характеризуется консерватизмом и медленными темпами развития, так как правовые нормы лишь закрепляют уже вполне установившиеся правила взаимоотношений между наследодателем и лицами, претендующими на получение наследства. Неоднородность обычаев, сложившихся в каждом государстве, не может нивелировать отличия в юридическом закреплении правил принятия наследства, определении круга и очередности лиц, призываемых к наследству, и других вопросах наследования.

Разнообразие правового упорядочения наследственных правоотношений заложено, прежде всего, в существовании двух ветвей правового регулирования – англосаксонской и романо-германской систем права. Основное различие проявляется в том, что сам институт наследования в англосаксонской (Великобритания, США, Канада, Австралия) и романо-германской (Франция, Германия, Италия, Испания) системах права рассматриваются по-разному: в первом случае – как система норм, регулирующих отношения, связанные с исполнением администратором (или исполнителем завещания) функций «распределителя» наследственного имущества; во втором – как система норм, регулирующих правопреемство наследников в отношении прав и обязанностей умершего[1].

Помимо того, национальное законодательство независимо от того, какой правовой системы придерживается государство, предусматривает правовую специфику регулирования отдельных институтов наследования, в частности наследования по завещанию, являющегося одной из форм распоряжения своим имуществом.

В специальной литературе, посвященной вопросам наследственного права, сформулированы многочисленные определения завещания. Большинство исследователей рассматривают завещание как личное распоряжение гражданина на случай смерти по поводу принадлежащего ему имущества с назначением наследников, сделанное в установленной законом форме[2].

В результате исследования внутренних законодательств ряда стран можно сделать вывод о том, что наряду со сходством в разрешении основных вопросов наследования по завещанию каждое государство обнаруживает специфику в регулировании конкретных вопросов. В частности, выражение последней воли наследодателя связано с необходимостью соблюдения установленной законом формы завещательного распоряжения, допускаемой по законодательству той или иной страны; несоблюдение ее влечет недействительность завещания.

Современным правовым системам известны различные формы завещательных распоряжений. Множественность эта, с одной стороны, направлена на то, чтобы чрезмерно не обременять завещателя и не создавать лишних препятствий для выражения и закрепления его последней воли, а с другой стороны, формализм завещательных распоряжений имеет целью в максимально возможной степени отразить подлинную волю завещателя и не допустить преждевременного разглашения содержания завещания.

Так, ГК Франции предусматривает, что завещание может быть собственноручным (олографическим) или может быть совершено путем публичного акта или в тайной форме[3]. Возможность составления завещания в простой письменной форме предусмотрена ст. 1129 ГК РФ. Однако такое завещание может быть составлено только в чрезвычайных обстоятельствах, а впоследствии должно быть подтверждено в судебном порядке. Законодательство Венгерской Республики предусматривает возможность

составления устного завещания. Аналогичная норма содержится в законодательстве Ирана[4]. Как известно, российское законодательство данной формы завещательного распоряжения не предполагает.

Различия в наследственном праве отдельных стран являются одной из причин, в силу которых требуются коллизионные нормы для разрешения вопроса о том, законодательство какого государства должно быть применено к завещательному распоряжению. Такой вопрос возникает всякий раз, когда гражданин одной из этих стран оставляет наследство на территории другой страны. Например, на территории Польши открылось наследство после смерти российского гражданина, причем завещание этого гражданина было составлено в собственноручной (олографической) форме. Собственноручным завещанием называется завещание, написанное и подписанное завещателем, не требующее последующего удостоверения или регистрации. Если в данном случае будет применен польский закон, то завещание надо признать действительным. При применении российского закона придется сделать обратный вывод. Совершенно очевидно, что в данном случае необходима коллизионная норма, которая бы указала, по праву какого государства должна обсуждаться форма завещательного распоряжения. Естественно, государства стремятся найти возможные способы защиты прав своих граждан, встретившихся с подобными трудностями.

Установление коллизионных норм в области наследования по завещанию возможно как в порядке внутреннего законодательства отдельных стран, так и в порядке международных соглашений между государствами. В качестве типичного примера внутреннего коллизионного законодательства можно привести Закон Республики Польши от 12 ноября 1965 г. «Международное частное право»[5]. Статья 35 закона предусматривает, что действительность завещания и других распоряжений на случай смерти определяется законом гражданства наследодателя на момент совершения этих правовых действий. Однако достаточно соблюдения формы, предусмотренной правом государства, в котором действие было совершено.

Если польскому суду придется, например, обсуждать вопрос о форме завещания гражданина России, то в соответствии с польским законодательством применению подлежит российский закон, который совершение собственноручного (олографического) завещания не допускает. Следовательно, завещание российского гражданина будет признано недействительным. Если же завещание, действительность которого обсуждает польский суд, составлено российским гражданином на территории Республики Польши, оно будет признано действительным с точки зрения формы, поскольку простая письменная форма допускается польским законодательством, а ст. 35 коллизионного закона признает достаточным соблюдение требований закона места составления завещания.

Одним из наиболее эффективных средств защиты прав граждан остаются международные соглашения, которые позволяют урегулировать ряд спорных позиций при наследовании по завещанию.

Среди международных договоров в данной области обращает на себя внимание Гаагская конвенция о коллизиях законов относительно формы завещательных распоряжений от 5 октября 1961 г.[6] Российской Федерацией международный договор на сегодняшний день не ратифицирован. Конвенция включает коллизионные нормы, устанавливающие выбор права для действительности завещания. Статья 1 содержит альтернативную коллизионную норму, подчиняющую регулирование формы завещания одному из следующих правопорядков:

– праву государства, где было составлено завещание;

– праву государства гражданства наследодателя (гражданства, которое он имел во время составления завещания или во время смерти);

– праву государства, в котором наследодатель имел свой домициль (вопрос о том, имел ли наследодатель свой домициль в данном государстве, определяется по праву этого государства либо по закону суда);

– праву государства, в котором наследодатель имел обычное место жительства;

– праву государства, на территории которого находится недвижимое имущество, в случае, если последнее является предметом завещательного распоряжения.

При таком обилии коллизионных норм представить себе возможность недействительности завещания в силу несоблюдения его формы очень сложно. Отметим, что российское законодательство содержит меньший выбор коллизионных привязок (право страны места жительства завещателя в момент составления такого завещания или акта его отмены, право места составления завещания или акта, соблюдение требований российского права)[7].

Региональным международным соглашением, решающим, в частности, коллизионные вопросы наследования по завещанию, является Минская конвенция стран СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г.[8] Российской Федерацией и большинством других стран СНГ 7 октября 2002 г. подписана Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишиневская конвенция). Последняя не внесла существенных изменений в регулирование отношений по наследованию по сравнению с положениями Минской конвенции. Как и Минская конвенция, Кишиневская конвенция не затрагивает прав и обязательств договаривающихся сторон, вытекающих из других международных договоров, участниками которых те являются

или могут стать. Это означает, что в случае расхождения норм названных конвенций с нормами двусторонних международных договоров, действующих в отношениях между одними и теми же странами, применяются нормы двусторонних договоров[9].

Минская конвенция 1993 г. подчиняет способность лица к составлению и отмене завещания, а также форму завещания и его отмены праву той страны, где завещатель имел место жительства в момент составления акта. Завещание или его отмена не могут быть признаны недействительными вследствие несоблюдения формы, если последняя удовлетворяет требованиям права места его составления.

Ряд двусторонних договоров о правовой помощи, включающих коллизионную норму о завещательной дееспособности, отдают предпочтение не праву страны места жительства завещателя, как определено в упомянутой выше конвенции, а законодательству договаривающейся стороны, гражданином которой был наследодатель в момент составления или отмены завещания[10]. Что касается формы завещания, то большинство договоров о правовой помощи (с Азербайджаном, Албанией, Йеменом, Киргизией, Латвией, Литвой, Молдавией, Монголией, Польшей, Румынией, Эстонией) определяют ее по законам договаривающейся стороны, гражданином которой был наследодатель в момент составления (отмены) завещания, но признают достаточным соблюдение законодательства договаривающейся стороны, на территории которой было составлено (отменено) завещание[11].

Договоры с Болгарией, Венгрией, Кипром и Финляндией относительно формы завещания предусматривают дополнительные коллизионные привязки. В частности, по договору с Республикой Кипр завещание гражданина договаривающейся стороны по своей форме признается действительным, если при его составлении было соблюдено: законодательство государства, на территории которого завещание было составлено, или законодательство договаривающейся стороны, гражданином которой наследодатель был в момент составления завещания или в момент своей смерти, или законодательство государства, на территории которого наследодатель имел в один из указанных моментов место жительства. В части, касающейся недвижимого имущества, завещание признается действительным, если соблюдено законодательство государства, на территории которого находится это имущество. Приводимые положения распространяются в договоре и на отмену завещания[12].

Таким образом, разнообразие практики в области наследования и сложности, возникающие при разрешении конкретных наследственных дел, объясняются значительными различиями, которые есть во внутренних законодательствах в области наследственного права. Это проявляется в том, что в разных странах неодинаково определяются круг наследников по завещанию и по закону; устанавливаются различные требования к форме завещания; существуют специфические системы распределения наследственного имущества. Однако международные соглашения позволяют согласовать ряд спорных позиций при наследовании по завещанию. В частности, в отношении формы завещаний целесообразным является присоединение России к Гаагской конвенции о форме завещательных распоряжений 1961 г., которая максимально способствует обеспечению формальной действительности завещаний посредством введения возможности альтернативного применения значительного числа национальных законов. Кроме того, количество государств-участников, присоединившихся к конвенции[13], повышает авторитет этого международного соглашения в мире и делает желательным присоединение к нему Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Федосеева Г.Ю. Международное частное право. М., 1999. С. 231.

[2] См.: Серебровский В.И. Очерки советского наследственного права. М., 1953. С. 92; Зайцева Т.И., Крошенников П.В. Наследственное право. Комментарий законодательства и практика его применения. М., 2002. С. 34 и др.

[3] См.: Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран: Сб. нормативных актов / Под ред. В.К. Пучинского, М.И. Кулагина. М., 1986. С. 45.

[4] См.: Пелевин М.С. Наследование в Иране // Журнал международного частного права. 1997. № 1. С. 10.

[5] Международное частное право: Сб. нормативных актов / Сост. Г.К. Дмитриева, М.В. Филимонова. М., 2005. С. 406.

[6] Международное частное право: Сб. документов / Сост. К.А. Бекяшев, А.Г. Ходаков. М., 1997. С. 664–667.

[7] Ч. 3 ст. 1224 ГК РФ.

[8] Бюллетень международных договоров. 1995. № 2. С. 3–28.

[9] Между странами-участницами Кишеневской конвенции прекращает свое действие Минская конвенция. Вместе с тем Минская конвенция продолжает применяться в отношениях между страной-участницей Кишеневской конвенции и страной-участницей Минской конвенции, для которой Кишеневская конвенция не вступила в силу.

[10] Договор между Российской Федерацией и Республикой Куба о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 14 декабря 2000 г. // Бюллетень международных договоров. 2000. № 4. С. 75.

[11] Договор между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 26 января 1993 г. // Бюллетень международных договоров. 1998. № 3. С. 25.

[12] Договор между СССР и Республикой Кипр о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 19 января 1984 г. // Сборник международных договоров СССР. М., 1989. Вып. 18. С. 79.

[13] Всего 37 государств-участников (см.: www.hcch. ru).

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

Сколько стоит жизнь? (в порядке постановки проблемы)

Е.П. ИЩЕНКО – заведующий кафедрой криминологии Московской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Автор стать привлекает внимание к проблеме оценки «стоимости» человеческой жизни в деятельности государства, в частности сравнивая суммы компенсации вреда за потерю близкого родственника со стоимостью содержания заключенных, приговоренных у пожизненному лишению свободы.

Ключевые слова: компенсация вреда за потерю близкого родственника, смертная казнь; эвтаназия; пожизненное лишение свободы.

Размышляя о применении смертной казни, нельзя не задаться вопросом: а можно ли говорить о цене человеческой жизни? Сколько она вообще стоит? Широко распространено обывательское мнение, что жизнь человеческая бесценна, а потому не может выражаться в денежном эквиваленте. Да, жизнь каждого из нас по-своему уникальна, вследствие чего дать ей объективную стоимостную оценку практически невозможно. Не все ведь можно измерить деньгами! Как, например, оценить в рублях или евро интеллект, обаяние, доброту, жизненный опыт, талант конкретного близкого вам человека?

Однако, каким бы циничным ни казался рядовым согражданам вопрос о стоимости человеческой жизни, российский законодатель должен дать на него четкий и аргументированный ответ. Без законодательного определения стоимостного эквивалента человеческой жизни нельзя обеспечить полноценную реализацию конституционного права человека на жизнь, а также других важных прав граждан, связанных с охраной здоровья.

Замечу, что до начала 90-х гг. XX в. убийства в нашей стране совершались в основном на бытовой почве (ревность, месть, личная неприязнь, хулиганские побуждения и т.п.) и не имели столь широкого распространения, как теперь. С начала перестройки число убийств в России, согласно официальным данным, возросло в 3 раза: с 10 тыс. в 1985 г. до 30 тыс. в 2005 г., когда Россия вышла на первое место в мире по уровню умышленных убийств (21,5 случая на 100 тыс. населения). Еще надо учесть, что в 2005 г. 18 тыс. чел. умерли вследствие причинения тяжкого вреда здоровью, по сути, это те же убийства; 20 тыс. чел. пропали без вести, из которых, по экспертным оценкам, не менее 1/3 убиты; 50 тыс. чел. – самоубийцы, среди которых не менее 10% убиты, а картина смерти умышленно сфальсифицирована. Другими словами, за 2005 г. фактически убито не менее 60 тыс. чел., то есть по сравнению с 1985 г. в 6 раз больше. И это только по предварительным прикидкам.

Даже если взять за основу лишь официально зарегистрированные убийства (30 тыс. за 2005 г.), то их в России совершается в 20 раз больше, чем в Японии (в расчете на 100 тыс. населения), в 17 раз больше, чем в ФРГ, в 14 раз больше, чем во Франции и в 3,5 раза больше, чем в США[1]. Здесь сам собой напрашивается вывод, что жизнь нашего соотечественника оценивается в общественном, а особенно криминальном сознании, гораздо ниже, чем японца, немца, француза…

Трагические события последних 15 лет, связанные с гибелью и травмированием большого количества людей, всякий раз побуждали отечественного законодателя принимать нормативные акты, определяющие суммы компенсационных выплат за конкретный случай террористического акта, техногенной катастрофы, падения самолета и т.д. В 1995–1998 гг. суммы выплат за одного погибшего колебались в пределах от 100 до 200 МРОТ, то есть составляли 1,4–2,8 тыс. долларов США. В последние годы сложилась судебная практика выплачивать за одного погибшего в среднем 100 тыс. руб.

В случаях гибели военных и работников опасных профессий компенсационные выплаты были

гораздо выше. Так, семьи летчиков самолета ТУ-154, разбившегося на Шпицбергене, получили компенсацию по 12,6 тыс. долларов на одного погибшего члена экипажа. Семьям погибших моряков атомной подводной лодки «Курск» было выплачено от 28,6 до 47,6 тыс. долларов. А это уже в 20 раз больше, чем за жизнь рядового гражданина страны. Почему так? Об этом лучше поинтересоваться у законодателя.

Хотя в историческом контексте такой дифференцированный подход – вполне обычная практика. Так, за убийство вольного человека взыскивалось 10 гривен серебра, а за попа или посла – 90 гривен, тогда как за холопа – 1 гривна. Было это, правда, в начале XIII в.[2]

Замечу, что размеры аналогичных выплат в зарубежных странах намного выше. Так, после террористического акта 11 сентября 2001 г. в США были выплачены компенсации от 250 тыс. до 3,5 млн долларов на одного погибшего. В экономически развитых странах средняя сумма, в которую оценивается жизнь человека, выплачивается в виде компенсации и равна 250 тыс. долларов США. В России такая оценка колеблется от 71 доллара до 47 тыс. долларов. Как говорится, почувствуйте разницу! Она особенно разительна, если сопоставить минимум и максимум: 71 доллар и 3,5 млн долларов.

Можно сказать, что в современной России практикуется законодательное занижение оценки стоимости жизни людей. Но не всех. Жизнь иностранцев в нашей стране стоит дороже, чем жизнь граждан России. Так, компенсационные выплаты после авиакатастроф под Междуреченском (1994 г.) и Хабаровском (1996 г.) составили около 300 долларов за погибшего россиянина и 10–20 тыс. долларов за иностранца. Аналогичный двойной стандарт был применен и при определении размеров выплат семьям, чьи родственники погибли в Москве в результате теракта на Дубровке. В США в этом вопросе тоже действует двойной стандарт, но в пользу своих, а не чужих граждан.

Занижены у нас и суммы обязательных страховых выплат в случае гибели застрахованного человека. Сравните сами. Каждый американский солдат застрахован на сумму, достигающую четверти миллиона долларов. Жизнь российского военнослужащего застрахована государством на сумму в 120 должностных окладов. Иными словами, чем выше должность, тем дороже жизнь. Подход, имевший место в начале XIII в., сохраняется и в начале XXI-го в.

По Монреальской конвенции 1999 г. жизнь авиапассажиров страхуется компенсационной выплатой, состоящей из двух частей. Первая, равная 135 тыс. долларов США, выплачивается независимо от вины авиаперевозчика. Вторая часть компенсации, при подтверждении вины перевозчика, никаким потолком не ограничена. К сожалению, Россия до сих пор не ратифицировала эту конвенцию и продолжает придерживаться Варшавской конвенции 1929 г., ограничивающей ответственность перевозчика суммой 20 тыс. долларов.

Есть ли позитивные подвижки? Да. Женщинам, отважившимся родить второго ребенка, начали начислять «детский капитал» – 250 тыс. руб., которые можно потратить тогда, когда ребенок вырастет. И сумма эта в последнее время увеличилась. Родители московской школьницы Юли М. погибли при обрушении крыши «Трансвааль-парка». Девочка осталась на попечении дедушки и бабушки, получающих скромные пенсии. С гибелью преуспевающих родителей ребенок утратил и довольно высокий уровень жизни. Дедушка Юли обратился в суд с иском о взыскании с владельцев развлекательного комплекса 6 млн руб., то есть 1/3 совокупного ежемесячного дохода погибших родителей, умноженной на количество месяцев, оставшихся до совершеннолетия ребенка.

Суд присудил выплатить в 12 раз меньше – 500 тыс., взяв за основу официально установленный детский прожиточный минимум. Опять минимум! И тем не менее это первый в российской судебной практике случай взыскания в пользу ребенка столь крупной суммы компенсации за потерю родителей. За каждого погибшего в авиакатастрофе в Перми 14 сентября 2008 г. было обещано выплатить компенсацию в размере 2 млн руб. Это уже заметно больше, чем в предыдущих случаях. Однако критерии установления размера компенсации должны определяться не усмотрением суда или власть предержащих, а законодателем с учетом международных стандартов оценки стоимости человеческой жизни.

А пока... Пока цена человеческой жизни в России – это стоимость подержанных «Жигулей». Взгляните на оживленную улицу или дорогу: абсолютное большинство мчащихся или ползущих в пробке автомобилей стоят намного дороже жизней сидящих в них людей. Не странно ли: железо и пластмасса дороже их обладателей... «Война на дорогах» уносит тысячи людских жизней ежегодно, и никого это, кажется, особо не волнует[3]. Куда нас приведет эта дорога?

Кроме этого, ежегодно более 700 тыс. россиян умирают от последствий алкоголизма, до полумиллиона – от курения, многие тысячи не рождаются вследствие абортов, гибнут от несчастных случаев на производстве и по другим причинам. В 2005 г. только от болезней системы кровообращения умерло около 1,3 млн россиян. Говорят: «Естественная убыль населения». Естественная ли?

В криминальном сообществе жизнь давно получила свою стоимостную оценку. Интересно сопоставить, во сколько оценивают человеческую жизнь экономисты, государственные чиновники и криминалитет. Стоимость жизни криминальными элементами в России оценена в сумму от 400 до 10 млн долларов. Сопоставим эти суммы с законодательно закрепленными – 60 МРОТ, 120 должностных окладов... Увы, сопоставление

свидетельствует, что криминальный мир более справедливо оценивает человеческую жизнь, нежели законодатель[4].

А вот еще один взгляд на обсуждаемую проблему, который, чтобы точно передать смысл, предпочтительнее процитировать. «Сейчас отношение молодых людей в возрасте до 20 лет в Первом мире и в Третьем мире составляет 1:7. Почему я говорю о молодых? Потому что молодые самцы – наиболее агрессивная прослойка в популяции. И самые при этом незадействованные в социальной жизни. Они представляют собой дешевое пушечное мясо… Человек и без того в традиционных культурах всегда стоил немного – да и странно было бы ожидать иного в условиях, когда продолжительность жизни невелика, качество жизни чрезвычайно низкое, а смерть ребенка – привычное явление. Дети в аграрных культурах вообще расходный материал… А уж теперь-то, в условиях перепроизводства населения, ценность одной человеческой жизни скатилась вообще до нуля. Именно поэтому они и делают из себя живые бомбы. Расходуют то, что ничего не стоит и потому не жалко. А так хоть какая-то польза…

Иное дело в цивилизованном мире. Там человек стоит дорого. Дорого во всех смыслах. Во-первых, в условиях низкой рождаемости сам по себе человеческий ресурс дефицитен. Во-вторых, чтобы вырастить специалиста, нужно затратить на порядки больше денег, чем для производства кучи босоногих сопливых детей в кишлаке. Да одна только амортизация дорогой инфраструктуры современного города, в которой растет цивилизованный человек, ложится немалым грузом на его “себестоимость”. Плюс недешевое высшее образование, плюс годами накапливаемый опыт работы по специальности. Сколько стоит подготовить высококлассного пилота, не знаете? Поинтересуйтесь…

Поэтому Запад своего дорогого солдата бережет. И в особенности берегут пилотов. А Восток… Восток сам понимает низкое качество своего человеческого материала. И порой выдает это с чисто детской непосредственностью… Ливанцы согласились выдать Израилю одного захваченного ими израильского капрала в обмен на 400 арестованных израильтянами арабских боевиков. Вот вам соотношение стоимостей цивилизованного человека и дикого… Сейчас весь мир расколот на две неравные половинки. В одной живут хорошо, сытно и богато, но испытывают дефицит человеческих ресурсов. В другой – большой переизбыток этого ресурса, но он настолько отвратительного качества, что представляет собой реальную опасность для планеты...

Да, люди рождаются свободными и юридически равными. Но потом… Потом, в результате социальной обработки, из них получаются совершенно разные “изделия”. И в отличие от старой новая мораль четко осознает: ценность людей – разная. И при прочих равных ценность хозяина выше ценности вора, ценность академика выше ценности слесаря, ценность пилота выше ценности пехотинца, а ценность семьянина-домовладельца выше ценности бомжа… Опустившийся человек теряет это гордое звание. Тот, кто не хочет зарабатывать деньги, чтобы достойно жить, жизни не достоин. Да и вообще он лишается всякого человеческого достоинства – просто слагает его с себя»[5].

«Ценность человеческой жизни растет вместе с ростом технологий и является функцией от них… Если раньше потребление сводилось в основном к расходам на еду, жилье, одежду, то сейчас – на компьютерные программы, оздоровительные мероприятия, учебу. Человек как бы инвестирует в самого себя, производит большую стоимость, увеличивая свою собственную. Поэтому и общий объем богатства страны растет. Человек становится фактически отдельным предприятием. И в этом отношении чем больше таких человекопредприятий, высококвалифицированных, образованных, здоровых, тем выше потенциал страны»[6].

А вот другая сторона проблемы: самооценка собственной жизни, приводящая к решению о суициде. Продолжение жизни представляется человеку бессмысленным, и он решает своими руками завершить свое существование. Случаев таких очень много. Еще в относительно благополучные советские времена на одно убийство приходилось 3 самоубийства. По данным за 2002 г. в России по числу самоубийств лидирует Коми-Пермяцкий национальный округ – 114 случаев на 100 тыс. населения. Затем «призовые места» распределяются так: Удмуртия – 72,5 случая; Республика Марий Эл – 66,5; Карелия – 50,8; Мордовия – 29,7. А в Европе картина такая: Венгрия – 28,9; Эстония – 28,8; Финляндия – 21,2. Эти страны объединяют общие угрофинские корни[7]. Там, где таких корней нет, самоубийств поменьше.

Особый случай, когда жизнь оценивается ее обладателем не просто как бессмысленная, а как физически невыносимая вследствие той или иной неизлечимой болезни. Здесь во весь рост встает проблема эвтаназии, «когда доктор по просьбе больного помогает ему избавиться от мук». Эвтаназия легализована в Бельгии в 2002 г. В том же году она была разрешена и в Голландии. В Нидерландах право на эвтаназию имеет любой неизлечимо больной человек, который испытывает невыносимые муки, знает о своем смертельном диагнозе и твердо решил покончить с жизнью, превратившейся в пытку. Право на собственную жизнь имеет любой голландец начиная с 12 лет. Правда, чтобы подвергнуть эвтаназии ребенка в возрасте от 12 до 16 лет, нужно помимо его согласия еще и согласие родителей.

В США эвтаназия легализована в нескольких штатах: в Орегоне с 1994 г., в Техасе с 1999 г. Только в Орегоне этой возможностью воспользовались около 200 чел. В Швейцарии эвтана-

зию легализовали в 2006 г. До этого она существовала вне рамок закона – не была разрешена, но и не преследовалась. Власти Швейцарии закрывали на нее глаза, поэтому вся Европа съезжалась в частные клиники Швейцарии в поисках последней милости этого мира. Вот и весь скромный список стран и штатов, где разрешена эвтаназия.

Вопрос, по мнению А.П. Никонова, не в том, нужно ли ее разрешать. Вопрос в том, почему этот список так короток. «А короток он потому, что слишком велико сопротивление дураков, которые в данном случае выступают еще и подонками. На словах противники эвтаназии – нежные гуманисты. А на самом деле – палачи... И с какого момента врач, который должен облегчать людские страдания, превращается в палача, продлевающего их?.. А вдруг этим законом воспользуются нечестные врачи, которым в силу каких-то обстоятельств захочется убить больного, и они сделают это под видом эвтаназии?! Я не шучу. Эта чушь говорится на полном серьезе! То есть "врачи-убийцы", о которых мы уже подзабыли со сталинских времен, материализуются, вызовут нотариуса, родственников больного, в их присутствии заставят несчастного расписаться, а потом убьют уколом. И все шито крыто!

Можно выдумать бесконечное количество ситуаций, при которых злоумышленники могут нарушать тот или иной закон. Но, согласитесь, это вовсе не значит, что законы не нужны. Скорее, напротив... Закон обязательно должен быть сконструирован так, чтобы свести ситуации возможного злоупотребления к минимуму... У этих "гуманистов" получается, что, поскольку жизнь свята, пускай она будет невыносимой! Ни один из этих болтливых теоретиков не был в шкуре молящего о смерти как о спасении. Но они считают себя вправе обрекать на страшные муки других людей, голосуя против закона о последней милости.

По сути, вопрос ведь решается просто: ты против эвтаназии? Ну так и не пользуйся ею в случае чего! Страдай! Мучайся на здоровье!.. Но не заставляй мучиться других, голосуя против. Однако заставляют. Почему? Потому что демократия. Здоровых и сытых рассуждателей об абстрактном гуманизме больше, чем тех, кто катается по полу, воет и царапает обломанными ногтями стену... Если закон об эвтаназии примут, для ее противников ничего не изменится. А вот ее сторонникам закон даст то, что им необходимо – возможность спокойной жизни и смерти»[8]. Право на жизнь предполагает право на смерть, в том числе «добрую».

А теперь давайте посмотрим, сколько стоит жизнь людей, жизни не заслуживающих. В первую очередь я имею в виду тех, кто совершил тягчайшие преступления, за которые полагается смертная казнь, однако благодаря мораторию на ее применение получил пожизненный срок лишения свободы. И вопрос не в том, что такие люди в нашем обществе есть. «Дерьмо есть в каждом земном организме. Его наличие, если хотите, – признак биологической или социальной жизни. Жизнедеятельность любого организма, "духовного народа" в том числе, образует шлаки – разбойников, приспособленцев, извращенцев, предателей и прочее. Здоровье организма определяется не наличием шлаков, а способностью их выводить. Неспособность освободиться от шлаков отравляет и убивает организм»[9]. Мораторий на смертную казнь очень этому способствует, но отменять его, похоже, пока не собираются, накапливая «шлаки» в спецучреждениях ФСИН России.

В качестве типичного объекта обитания таких человекообразных кратко рассмотрим одну из колоний «смертников» – ИК–5, расположенную в Вологодской области на острове Огненный, в которой автору этих строк удалось побывать и побеседовать с ее руководством.

Особый контингент колонии составляют 180 заключенных, на чьем счету около 500 загубленных человеческих жизней. В среднем один «пожизненник» повинен в смерти 2–3 человек. На каждого из них приходится по представителю администрации ИК, а кроме того, 45 осужденных к отбыванию наказания в общем режиме занимаются обслуживанием спецконтингента. Наиболее оголтелые гуманисты называют пожизненное заключение «сухой гильотиной», «смертью в рассрочку», обречением заключенного на растительное существование, лишением его жизненных перспектив и т.п.

Вот где, кажется, присутствуют все стимулы к суициду, даже если и совесть не мучает и убиенные младенцы по ночам не снятся. Ан нет. За время, когда ИК–5 стала колоний «смертников», то есть с марта 1994 г., были 1–2 попытки самоубийств, да и то неудачных. Единичны и случаи раскаяния в содеянном, как и высказывания о том, что лучше бы смертная казнь применялась. Средний возраст заключенных – «цветущий» – 45 лет. Самый старый из них 1935 г. рождения, самый молодой – 1981-го.

Трудом их теперь не перевоспитывают – это негуманно. Работа для смертников – дело сугубо добровольное и необременительное: пошив рукавиц с одним пальцем, пододеяльников. Заработанные деньги зачисляются на счет «труженика» и могут быть им потрачены на собственные нужды, например, при личных свиданиях, для которых оборудовано вполне уютное помещение, включающее кухню и спальню. В год таких свиданий происходит более двух десятков. Приезжают жены, братья, родственники.

С 2002 г. здесь заключено 5 браков. Женихи отбывают пожизненное наказание, а невесты, приезжающие в ИК–5, чтобы связать свою судьбу с представителями спецконтингента, не скрывают своего желания родить от них детей. «Крапивное семя», как говорили в старину, дает всходы. Браки тут заключаются как гражданские, так и церковные. Для общения с Богом оборудована церковка, в которую периодически

приезжает священник. Рабы Божьи – убийцы – могут у него исповедаться и причаститься.

Те, кто предпочитает не работать, коротают время за просмотром телепередач, написанием жалоб на условия содержания, беседы с сокамерниками. Камеры почти все двухместные, а уж кто ни с кем не может ужиться, сидит один. Ежемесячно ИК–5 навещает прокурор с обязательной проверкой. И если у начальника колонии дома нет душевой кабины, его (прокурора) это ничуть не волнует, а вот условия помывки спецконтингента – еще как!

Частые гости здесь и представители международных правозащитных организаций, которых тоже нимало не интересуют условия работы сотрудников колонии, условия жизни жертв ее обитателей, например, детей, оставшихся без кормильца, зато по отношению к злодеям они настоятельно требуют гуманизма. Да и чему удивляться, если в УПК РФ права злоумышленника защищены в 8 раз лучше, чем права его жертвы. Потерпевший, по сравнению с преступником, можно сказать, бесправен, так что тенденция просматривается одна и вполне определенная: гуманизм к отъявленным подонкам и равнодушие к остальным членам общества.

Если это и гуманизм, то какой-то извращенный, вывернутый наизнанку. Осталось только создать банк спермы пожизненных сидельцев и использовать его для искусственного осеменения безмужних женщин, чтобы «крапивное семя» давало более частые, густые всходы. А то ведь, если приводить приговоры о смертной казни в исполнение, общество и впрямь сможет постепенно очиститься. Мораторий на смертную казнь – это как запрет на удаление раковых метастазов из организма. Вместо того чтобы вырезать и забыть, их сгоняют в одно место, сохраняют во вполне приличных условиях. Судите сами.

Питание спецконтингента обходится государству в 33 руб. в день на каждого. Положено по 100 г цельного молока, по куриному яйцу, кусочку масла ежедневно. Отощавшими те пожизненники, которых мне удалось увидеть, не выглядели, и голодного блеска в глазах я у них не заметил. Пищеблок блещет чистотой и порядком. Кстати сказать, на те же 33 руб. в день кормят рядового солдата российской армии, проходящего срочную воинскую службу.

А всего на каждого «смертника» в год расходуется порядка 80 тыс. руб. Если учесть, что таких ИК еще четыре: «Черный дельфин» в Оренбургской области, «Белый лебедь» – в Пермском крае, Явас – в Мордовии, Ивдель – в Свердловской области, в которых вместе с ИК–5 содержится порядка 1300 чел., а к ним приплюсовать 700 наиболее отъявленных, содержащихся в Харпе и тюрьмах, то получится около 2 тыс.[10] Умножив эту цифру на 80 тыс., получим 160 млн руб.

Деньги для государства вроде бы небольшие, но на что они тратятся? На содержание людей, жизни не заслуживающих. А есть ли у человека, всю жизнь честно проработавшего и заслужившего пенсию по старости в 4070 руб. (таким был средний размер пенсий на 1 июля 2008 г. у 38 427 700 российских пенсионеров, тогда как по случаю потери кормильца она составляла 2476 руб., а по инвалидности – 3105 руб.)[11] возможность потратить четверть получаемой пенсии на питание? Теоретически – да, а практически? Ведь нужно одеться, обуться, заплатить за квартиру, лекарства, пользование общественным транспортом. А когда пенсия 2–3, а не 4 тысячи? Приходится констатировать извращенный, а не нормальный гуманизм, реализуемый под флагом демократизации и приобщения к общечеловеческим ценностям. Может, рядовой пенсионер позволить себе консультацию с психологом? Нет, конечно, нечем платить. А пожизненник – хоть каждую неделю. Ни за жилье, ни за коммунальные услуги, ни за лекарства, ни за общение с психологом, состоящим в штате колонии, ни за питание – ни за что ему платить не нужно. Если он вдруг занедужит, к его услугам два фельдшера и три медицинские сестры. Случись что-то серьезное – отвезут в областной центр и без всякой очереди обследуют и подлечат. Опять же бесплатно.

Об этом рядовые и не слишком рядовые российские пенсионеры не смеют даже мечтать. Так чья жизнь дороже нашему государству – законопослушного труженика или насильника и убийцы? Вот и получается, что как раз жизнь человека, не заслуживающего ни названия человека, ни самой жизни, ценится у нас очень дорого! Кто ответит на простой вопрос: «Почему?»

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 17–18.

[2] См.: Повесть временных лет. М., 1950. Ч. 1. С. 14.

[3] См.: Игнатенко В.В. Испытание временем. Субъективные заметки. Иркутск, 2007. С. 106–109.

[4] См.: Терроризм. Правовые аспекты борьбы. М., 2005. С. 206.

[5] Никонов А.П. Свобода от равенства и братства. Моральный кодекс строителя капитализма. М., 2007. С. 111–112.

[6] Он же. Апгрейд обезьяны. Большая история маленькой сингулярности. М.-СПб., 2008. С. 285, 350–351.

[7] Он же. Свобода от равенства и братства. С. 173.

[8] Там же. С. 257–260.

[9] Проект Россия. Третья книга. Третье тысячелетия. М., 2009. С. 179.

[10] По данным на середину 2006 г. в России было 1617 лиц, приговоренных к пожизненному заключению // Российская газета. 2006. 29 сент. С. 28.

[11] См.: Там же. 2008. 24 июля. С. 4.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Иностранные военнопленные Великой Отечественной войны на Урале: численность, состав, размещение

В.П. МОТРЕВИЧ – профессор кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии (г. Екатеринбург), доктор исторических наук, профессор

Статья посвящена иностранным военнопленным Великой Отечественной войны на Урале: определены и проанализированы источники информации о военнопленных, дана характеристика их численности, составу, размещению по областям и лагерям для военнопленных в военные и послевоенные годы. Статья также рассказывает о судьбе некоторых военнопленных.

Ключевые слова: великая Отечественная война; военнопленные; плен; лагерь военнопленных

Военнопленные – это лица, принадлежащие к вооруженным силам воюющих стран, включая добровольческие отряды партизан, участников движения сопротивления и др., оказавшиеся во власти противника. Военнопленными также считаются некоторые некомбатанты (военные корреспонденты, члены экипажей торгового флота, гражданской авиации и др.). Режим плена регулируется положениями о законах и обычаях сухопутной войны (приложение к 4-й декларации Гаагской конференции 1907 г. и Женевской конференции 1949 г. об обращении с военнопленными).

Изучение данной проблематики опирается на серьезную источниковую базу. Спецификой ее является отсутствие какого-либо единого комплекса документов. Типологически все они делятся на следующие группы: источники международно-правового характера и дипломатические документы; акты высших органов государственной власти, советских, административных и карательных органов; документы местных органов власти; делопроизводственная документация областных управлений НКВД–МВД СССР; архивно-следственные дела; источники личного происхождения; фотодокументы. Большинство из них до сих пор не стали достоянием науки, что составляет вторую особенность источниковой базы. Среди источников международно-правового характера и дипломатических документов – конвенций о защите жертв войны, международных договоров, дипломатической переписки – значительная часть сегодня уже опубликована. Эти документы, прежде всего, позволяют изучить проблему военнопленных в контексте международных отношений.

В равной степени это относится и ко второму комплексу источников. Практически все они сформированы в органах власти; в них суммируются однотипные признаки в соответствии с логикой развития политики государства по отношению к военнопленным. Главной же особенностью источников рассматриваемой группы является то, что подавляющее большинство из них составляют ведомственные нормативно-правовые акты. При этом по субъекту издания это преимущественно документы НКВД–МВД и УПВИ-ГУПВИ НКВД–МВД СССР. Акты местных органов власти являются своего рода дополнением к предыдущей группе источников. Будучи немногочисленными, они тем не менее позволяют проследить, как политика центра по отношению к иностранным военнопленным периода Второй мировой войны проводилась на местах, какие особенности она приобретала под воздействием местных условий. Наиболее информативными в конкретно-историческом плане являются источники четвертой группы. В настоящее время они хранятся в центральных архивахФ: Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном военном архиве (РГВА), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), а также в местных государственных и ведомственных архивах тех республик и областей Российской Федерации, где находились лагеря для военнопленных.

Главным хранителем информации по пробле-

ме нахождения в СССР военнопленных Второй мировой войны является РГВА (бывший Центр хранения историко-документальных коллекций, а до этого «Особый архив»). В фондах архива по данной проблеме сохранился крупный массив документальных материалов, среди которых можно выделить следующие: формуляры лагерей для военнопленных, отчеты лагерной администрации, справки отдела трудового использования, документы отделов по антифашистской борьбе и антифашистских школ[1]. Имеется много свидетельств о зверствах немецко-фашистских войск на временно оккупированной территории Советского Союза, а также благодарственных писем от военнопленных в адрес И.В. Сталина. В архивах хранятся литературные произведения военнопленных, фотоальбомы об их жизни в плену, многочисленные воспоминания о пребывании в нашей стране. Материалы подобраны отдельно по немцам, австрийцам, голландцам, французам, японцам и т.д. На всех военнопленных сохранились личные дела и учетные карточки[2]. Учетные карточки сосредоточены в специальном алфавитном каталоге, среди них особо выделим картотеку на оказавшихся в советском плену генералов иностранных армий.

В структуре рассматриваемой группы источников особое место занимают материалы ведомственных архивов на местах – Отдела спецфондов Информационного центра Главного управления внутренних дел Свердловской области (Отдел спецфондов ИЦ ГУВД Свердловской области) и архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области (Архив УФСБ РФ по Свердловской области). Выявленные в фондах архива УФСБ РФ по Свердловской области источники в массе своей представлены документами отчетно-исполнительного характера: докладами, рапортами, сообщениями, донесениями и отчетами управлений лагерей, отделов областного ОПВИ УНКВД–УМВД СССР по Свердловской области. Среди них наиболее ценными представляются спецсообщения о работе лагерей военнопленных в начальный период их существования, то есть в 1942–1943 гг. Будучи уникальными, эти источники проливают свет на проблему становления и функционирования на Среднем Урале первых лагерей военнопленных, а также динамику численности военнопленных, производственной деятельности лагерей и ее первых результатов[3].

Документы Отдела спецфондов ИЦ ГУВД Свердловской области охватывают более поздний период, когда большая часть военнопленных была репатриирована на родину. В СССР остались лишь те из них, кто был осужден за совершенные в годы войны преступления и переведен в категорию военных преступников. Здесь также хранятся дела об организации и функционировании кладбищ военнопленных, которые позволяют продуктивно исследовать самые разные аспекты проблемы иностранных воинских захоронений. Эти материалы представляют огромную ценность не только в сугубо научном, но и практическом плане. Они позволяют выявить судьбы отдельных людей, места их захоронения, идентифицировать могилы умерших и восстановить кладбища военнопленных, если на их территории не велось строительных, сельскохозяйственных или лесоустроительных работ[4]. Архивно-следственные дела военнопленных, осужденных Военным трибуналом войск МВД Уральского округа за военные и государственные преступления в 1940–1950 гг. и в настоящее время реабилитированных, хранятся в Государственном архиве административных органов Свердловской области.

Специфический комплекс материалов составляют фотодокументы Российского государственного военного архива и архива Управления ФСБ России по Свердловской области, запечатлевшие пребывание на Среднем Урале осужденных военнопленных, условия их жизни и результаты трудового использования. Являясь особым источником, фотодокументы освещают лишь некоторые отдельные фрагменты событий. Очевидно также и то, что администрация лагеря № 476 при составлении альбомов с фотографиями своих подопечных стремилась показать условия жизни последних в самом выгодном свете и подходила к отбору снимков избирательно[5].

В целом представляется, что только комплексное использование всех названных групп источников максимально приблизит исследователей к объективной картине пребывания иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР во всем многообразии ее ракурсов. Ввод в научный оборот на рубеже 1980–1990-х гг. ранее закрытых материалов вызвал большой интерес исследователей к военнопленным Второй мировой войны, поскольку до этого недоступность источниковой базы не позволяла серьезно заниматься данной проблематикой.

В начале 1990-х гг. вышли первые работы по истории советского плена, выполненные на материалах бывшего «Особого архива» и опирающиеся на серьезную источниковую базу. Среди них отметим работы В.П. Галицкого, посвященные политике Советского государства в отношении военнопленных, участию военнопленных в антифашистском движении, их трудоиспользованию, а также положению в СССР военнопленных иностранных армий. В начале 1990-х гг. начинается исследование проблемы военнопленных и в российских регионах. По Европейскому Северу стал активно разрабатывать данную тему В.Б. Конасов, по Западной Сибири – С.С. Букин и А.А. Долголюк, по Восточной Сибири – Е.Ю. Бондаренко, С.И. Кузнецов и др. На уральских материалах выходят первые публикации В.П. Мотревича. В нашей стране различные аспекты военного плена впервые широко обсуждались на международной научной конференции «Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства», состо-

явшейся в июне 1992 г. в Уральском государственном университете. Данной проблеме была посвящена специальная секция, привлекшая пристальное внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Интерес к проблематике в России и за рубежом оказался настолько значительным, что это позволило через несколько лет провести в Вологде специальную международную научно-практическую конференцию, посвященную проблемам военного плена[6].

Во второй половине 1990-х гг. в регионах наблюдается повышенный интерес к разработке данной темы. В результате появилась целая когорта исследователей, которые достаточно интенсивно трудятся в данном направлении. Среди них следует отметить Н.В. Баранова, Р.С. Бикметова, В.А. Всеволодова, А.Л. Кузьминых, С.Г. Сидорова, А.В. Терещук, А.И. Тимошенко, Т.А. Щелокаевой и др. На Урале по материалам Свердловской области активно работают А.С. Смыкалин и Н.В. Суржикова, Оренбургской области – Е.К. Рожкова. Изучение проблемы военнопленных в СССР ведется и учеными других государств, в первую очередь бывших советских республик. Среди них следует отметить О.В. Буцько, В.Ю. Короля, В.В. Левикина, А.В. Потыльчака и А.С. Чайковского в Украине, Л.В. Михееву в Казахстане и др.

Иностранные военнопленные в СССР появились с началом Великой Отечественной войны. В 1941 г. в советском плену содержалось 9147 военнослужащих германской армии и их союзников. Более 10 тыс. их добавилось в течение десяти месяцев 1942 г., и свыше 150 тыс. – за период с ноября 1942 г. по февраль 1943 г. В дальнейшем число пленных неуклонно возрастало. Всего в результате Второй мировой войны в плену на территории СССР оказалось 4,1 млн военнопленных германской армии и ее союзников. Держать пленных вблизи линии фронта было опасно, поэтому их отправляли в глубокий тыл, в районы, испытывающие наибольшую потребность в рабочей силе. На Урал военнопленные стали прибывать весной 1942 г. Вначале их размещали в специально отведенных зонах – лагерях ГУЛАГа, а затем в формируемых отдельных лагерях в системе Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ НКВД СССР). На местах лагерями военнопленных и их трудоиспользованием руководили отделы по делам военнопленных и интернированных (ОПВИ УНКВД).

В Свердловскую область военнопленные стали поступать весной 1942 г. В мае 1942 г. был издан приказ НКВД СССР об использовании военнопленных на торфоразработках Наркомата электростанций в Свердловской области, на основании которого военнопленных первоначально разместили в специально отведенных зонах – лагерях для советских заключенных. В мае 1942 г. в Свердловской области были организованы Басьяновский (лагерь № 67) и Монетно-Лосиновский лагеря, а в августе – Исетско-Аятский лагерь для военнопленных. Всего за период 1941–1942 гг. в советском плену оказалось около 20 тыс. военнослужащих вражеских армий, из них на территории Среднего Урала был размещен 4921 чел., из которых в течение 1942 г. умерло около половины – 2217 чел.[7]

В начале 1943 г. в составе УНКВД по Свердловской области был организован Отдел по делам военнопленных и интернированных (ОПВИ) Управления НКВД–МВД по Свердловской области. В его структуру входили учетное и планово-производственные отделения, квартирно-эксплуатационная, продовольственная, обозно-вещевая и медико-санитарные службы, а также сельскохозяйственное отделение. По состоянию на конец 1945 г. на территории Свердловской области насчитывалось 13 лагерей для военнопленных. Это Асбестовский лагерь № 84 (в составе лагеря насчитывалось 9 лагерных отделений), Нижнетагильский лагерь № 153 (7 лаготделений), Краснотурьинский лагерь № 197 (3 лаготделения), Алапаевский лагерь № 200 (9 лаготделений), Уральский лагерь № 245 (6 лаготделений), Дегтярский лагерь № 313 (6 лаготделений), Нижнеисетский лагерь № 314 (9 лаготделений), Новолялинский лагерь № 318 (6 лаготделений), Красноуральский лагерь № 376 (6 лаготделений), Кировградский лагерь № 377 (5 лаготделений), Карпинский лагерь № 504 (4 лаготделения), Артемовский лагерь № 523 (8 лаготделений) и Верхнепышминский лагерь № 531 (6 лаготделений)[8].

Таким образом, первоначально лагеря для военнопленных размещались преимущественно в индустриальных центрах – Алапаевске, Артемовском, Асбесте, Каменск-Уральске, Невьянске, Нижнем Тагиле, Первоуральске, Ревде, Реже, Свердловске и др. Начиная с 1944 г. отделения с военнопленными стали входить в состав расположенных на территории Свердловской области лагерей лесной промышленности НКВД СССР – Востокураллага (3 лаготделения), Ивдельлага (5 лаготделений) и Севураллага (7 лаготделений).

Большая часть военнопленных была размещена и в других областях Уральского региона. Так, в Челябинской области функционировал Потанинский лагерь № 68 в составе 9 лагерных отделений, рассчитанный на 20,0 тыс. чел., Челябинский лагерь № 102 (11 лаготделений), Кыштымский лагерь № 180 (5 лаготделений), Златоустовский лагерь № 337 (10 лагерных отделений), Оздоровительный лагерь № 443 и Магнитогорский лагерь № 527 (5 лаготделений). На территории Челябинской области был размещен и Ашанский лагерь № 130 (3 лаготделения), который подчинялся УНКВД по БАССР.

В Молотовской (Пермской) области находились Краснокамский лагерь № 207 (10 лаготделений), Губахский лагерь № 346 (4 лаготделения) и Березниковский лагерь № 366 (4 лаготделения). В Чкаловской (Оренбургской)

области были организованы Новотроицкий лагерь № 235 (1 лаготделение), Орский лагерь № 260 (2 лаготделения) и Чкаловский лагерь № 369 (5 лаготделений). В Башкирии находился Уфимский лагерь № 319 (5 отделений). В Удмуртии были размещены Рябовский лагерь № 75 (2 лаготделения) и Ижевский лагерь № 371 (3 лаготделения). В Курганской области размещался лагерь для военнопленных № 514, в Тюменской – № 93 в составе трех отделений. Кроме лагерей на территории Уральского региона размещались и спецгоспитали. Для нуждавшихся в длительном лечении военнопленных в пос. Талица г. Первоуральска был организован спецгоспиталь № 1893, который действовал до начала 1956 г. Кроме того, с 1947 по 1950 гг. в г. Нижнем Тагиле работал передислоцированный с Дальнего Востока спецгоспиталь № 2929. В г. Магнитогорске Челябинской области функционировал спецгоспиталь № 5921, в г. Шумихе Курганской области – спецгоспитали № 3757. Ряд спецгоспиталей были расположены в Оренбургской области – спецгоспитали № 3318 и 3926 в пос. Ак-Булак Акбулакского района, спецгоспитали № 1069 и 3315 в г. Бузулуке, спецгоспиталя № 1659 и 1660 в г. Бугуруслане, спецгоспитали № 5888 и 5889 в пос. Ракитянка г. Медногорска, спецгоспиталь № 3922 в г. Орске. Шесть спецгоспиталей находились в Удмуртии (№ 3779, 3888, 5122, 5879, 5880, 5882) и два в Молотовской (Пермской) области (№ 3952, 5935).

В 1945–1946 гг. по линии Наркомата обороны СССР на территории Свердловской области было создано 8 отдельных рабочих батальонов для интернированных немцев (№ 1095, 1099, 1100, 1103, 1105, 1801, 1802, 1803) и 3 отдельных рабочих батальона для японских военнопленных (№ 428, 429, 435). Четыре рабочих батальона были организованы в Чкаловской (Оренбургской) области – № 359, 1090, 1901, 1902; по три в Молотовской (Пермской) области (№ 1093, 1751, 1752), в Челябинской области (№ 1083, 1651, 1652) и Удмуртии (№ 431, 438, 445); два в Курганской области (№ 437 и 1085). По национальному составу примерно две трети военнопленных составляли немцы. Так, в начале 1946 г. на территории Свердловской области находилось 82,3 тыс. военнопленных. Среди них насчитывались 56,8 тыс. немцев, 4,1 тыс. австрийцев, 14,5 тыс. венгров, 4,6 тыс. румын, 0,3 тыс. поляков, а также испанцы, итальянцы, французы, словаки, чехи, хорваты и др.

В 1947–1948 гг. почти все военнопленные были освобождены и репатриированы на родину. В Советском Союзе остались лишь те из них, кто отбывал наказание за воинские преступления или был осужден за преступления, совершенные за время нахождения в плену, то есть военные преступники. Военные преступники – это организаторы, подстрекатели, руководители, исполнители и соучастники военных преступлений, преступлений против мира и человечности. Виды и состав этих преступлений определены в уставах международных военных трибуналов. Индивидуальная уголовная ответственность военных преступников устанавливается рядом международных договоров и соглашений, а за некоторые виды военных преступлений – национальным уголовным законодательством. К военным преступникам не применяются сроки давности, им не предоставляется право убежища, они подлежат выдаче[9].

Проблема осуждения военнопленных за воинские преступления в период Второй мировой войны стала объектом исследования отечественных историков только в начале 1990-х гг., что было вызвано как недоступностью соответствующих документов, так и спецификой самой проблематики. В публикациях В.П. Галицкого, А.Е. Епифанова, В.Б. Конасова, А.А. Крупенникова, Н.В. Петрова были рассмотрены отдельные аспекты проблемы осужденных военнопленных в СССР. Одновременно проблема нахождения осужденных военнопленных и гражданских лиц на Среднем Урале стала объектом исследования и уральских ученых. В работах В.П. Мотревича, А.С. Смыкалина, Н.В. Суржиковой рассматривались вопросы численности, состава, трудоиспользования, материально-бытового положения размещенных на территории Свердловской области осужденных военнопленных. Весьма интересные сведения содержатся и в монографии профессора института им. Людвига Больцмана по изучению войн (Австрийская Республика) С. Карнера.

Как известно, после окончания Второй мировой войны в г. Нюрнберге состоялся судебный процесс над группой главных военных преступников. После этого привлекать к ответственности за военные преступления стали и в других странах, в том числе и Советском Союзе. В январе 1948 г. в Москве состоялось всесоюзное совещание руководящих работников министерств и управлений органов внутренних дел, а также руководства лагерей для военнопленных. Выступивший на этом совещании министр внутренних дел С.Н. Круглов в ряду важнейших задач своего ведомства поставил выявление нацистских преступников в лагерях МВД для военнопленных, с тем чтобы они не ускользнули от органов МВД во время репатриации. По мере проведения этой операции военных преступников предписывалось задерживать, не выпуская за пределы Советского Союза, и судить. В результате в 1948–1949 гг. по всей стране в лагерях была развернута следственная работа по выявлению лиц, совершивших преступления на территории СССР и стран Восточной Европы. Выявленных лиц на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов и изменников Родины из числа советских граждан и их пособников» судил военный трибунал войск МВД и пригова-

ривал, как правило, к 25 годам исправительно-трудовых лагерей.

В результате препринятых мер по фильтрации военнопленных и их уголовному преследованию по состоянию на февраль 1950 г. в СССР было оставлено 13 515 осужденных и подследственных военнопленных. В дальнейшем их количество возрастало в основном за счет осужденных советскими военными трибуналами и интернированных в СССР из стран Восточной Европы иностранных граждан. По состоянию на 1 июля 1953 г. в СССР насчитывалось 19 118 иностранных граждан, осужденных за воинские преступления. Среди них было 17 528 военнопленных и 1590 интернированных[10].

Работа по выявлению среди военнопленных участников зверств и злодеяний активно проводилась и на территории Свердловской области, для чего были созданы постоянные следственные группы. В результате их работы были привлечены к уголовной ответственности и осуждены судом военного трибунала войск МВД УралВО 1126 чел. Кроме того, в Свердловской области были привлечены к ответственности 368 военнопленных, служивших в годы войны в карательных частях германской армии, хотя их преступная деятельность полностью разоблачена не была[11].

Для содержания осужденных военнопленных в СССР в системе ГУПВИ МВД СССР было создано 11 особорежимных лагерей. Это были специальные лагеря со строгим режимом, предназначенные для содержания опасных государственных преступников, шпионов, диверсантов, террористов, участников антисоветских групп и организаций. Лагеря были расположены на территории России и Украины, в том числе в Ворошиловградской, Ивановской, Ростовской, Сталинградской областях, а также Хабаровском крае. В конце 1949 г. на базе Нижнеисетского лагеря для военнопленных № 314 был образован лагерь № 476 МВД СССР. Спецлагерь № 476 для военных преступников являлся самым крупным среди подобных лагерей, находившихся тогда на территории Советского Союза. По состоянию на 1 июля 1953 г. в нем насчитывалось 7170 осужденных иностранных граждан, в том числе 6455 военнопленных и 715 интернированных. Среди них были не только немцы, но и граждане Австрии, Бельгии, Венгрии, Голландии, Испании, Италии, Люксембурга, Китая, Кореи, Польши, Румынии, Финляндии и Югославии[12].

Управление лагеря размещалось в пос. Нижне-Исетск г. Свердловска, в областном центре находились и три отделения этого лагеря. Первое лагерное отделение располагалось южнее завода «Уралхиммаш», второе – недалеко от завода РТИ, восьмое – в Кировском районе города, недалеко от Каменных Палаток. Третье лагерное отделение находилось в пос. Талица г. Первоуральска, четвертое лагерное отделение – на восточной окраине г. Ревды, пятое – в центре г. Дегтярска, шестое – на окраине г. Асбеста, и седьмое – в рабочем пос. Ключи Сысертского района. Весной 1955 г. в первом лагерном отделении насчитывалось 640 чел., во втором – 939, в третьем – 1300, в четвертом – 792, в пятом – 873, в шестом – 1471, в седьмом – 518 и в восьмом – 388 чел. Кроме того, в размещенном в пос. Талица г. Первоуральска госпитале № 1893 МВД СССР находилось на излечении 127 чел.[13]

Контингент лагеря составляли лица, служившие в воинских частях и силовых структурах, замешанных в совершении воинских преступлений, а также те, кто совершал преступления, находясь в лагерях для военнопленных. Следует отметить, что далеко не все заключенные лагеря № 476 являлись военными преступниками. В п. 3 приказа НКВД СССР № 00955 прямо указывалось, что освобождению не подлежат: 1) участники зверств; 2) лица, служившие в СС и СА, полевой полиции и жандармерии; 3) сотрудники гестапо, СД, включая Абвер, разведывательных и контрразведывательных органов других государств; 4) руководящие члены фашистских партий и их организаций: национал-социалистической рабочей партии Германии, «Скрещенные стрелы», «Железная гвардия» и др.; 5) все лица, подозрительные по вышеуказанным признакам, находящиеся в разработке; 6) осужденные в плену за совершенные преступления[14].

Кроме осужденных военнопленных среди узников лагеря № 476 было много и гражданских лиц, арестованных советскими органами в странах Восточной Европы и вывезенных для отбывания наказания в СССР. Содержались здесь и те осужденные иностранные граждане, которых по разным причинам нельзя было выпускать из Советского Союза. Уральский лагерь стал пристанищем для многих, кто был в свое время близок к Адольфу Гитлеру или хотя бы знал его лично. Среди них были адъютант А. Гитлера майор О. Гюнше и капитан Люфтваффе, шеф-пилот его личного самолета Х. Баур, приемный сын рейхсфюрера СС Гимлера, сыновья генерал-фельдмаршала фон Клейста и премьер-министра Венгрии Каллаи, племянник видного дипломата фон Папена, а также начальник отдела «Е» VI Управления СД, руководитель германской разведки на Балканах и в Италии полковник Херман, начальник Главного управления военной разведки Верховного командования вермахта (ОКВ), полковник Зюскинд Швенди и др. Среди заключенных находился и сын казненного в Нюрнберге лидера австрийских нацистов рейхскомиссара Нидерландов Зейсс-Инкварта. В октябре 1946 г., через несколько дней после вынесения смертного приговора, А. Зейсс-Инкварту сообщили, что его пропавший в Советском Союзе сын жив[15].

Архивы содержат интересные сведения о родственнике промышленника Круппа – Герольде Круппе фон Болене. Как известно, Густав Крупп фон Болен был крупнейшим германским промышленником, оказавшим значительную поддержку нацистскому движению. На пред-

приятиях Круппа в огромных количествах производились танки, артиллерия, другая военная техника и снаряжение, широко использовался труд военнопленных и других узников концлагерей. В 1948 г. Крупп фон Болен предстал перед американским военным трибуналом как военный преступник, однако по возрасту и состоянию здоровья был освобожден от уголовной ответственности[16].

Его племянник, обер-лейтенант вермахта Герольд Крупп фон Болен, во время войны находился в Румынии в составе германской военной миссии. После заключения перемирия между СССР и Румынией он был направлен в лагерь для военнопленных. Судя по документам, во время нахождения в плену обер-лейтенант Крупп фон Болен вместе с другим сотрудником бывшей германской миссии – принцем Альбертом фон Гогенцоллерном – готовились совершить побег. Подготовка к побегу оказалась раскрыта, и племянник немецкого промышленника оказался в Москве в Бутырской тюрьме, где был отдан под суд военного трибунала.

На суде ему было предъявлено следующее обвинение: обер-лейтенант Крупп фон Болен, являясь сыном фон Круппа, неоднократно встречался и был лично знаком с Гитлером, Гессом, Гимлером и другими гитлеровскими нацистами. Принимал участие в боевых действиях против Советского Союза и оккупации территории СССР, где захватчиками творились насилия и злодеяния. Будучи в сентябре 1941 г. по личному приказу Гитлера отозван с фронта, в 1942 г. Крупп фон Болен был назначен на должность адъютанта начальника артиллерийского отдела германской военной миссии в Румынии. Являясь убежденным фашистом, принимал активное участие в организации и подготовке артиллерийских кадров из румынских солдат и генералов для борьбы против СССР, подрыва и уничтожения нового демократического строя Румынии. Наряду с этим поддерживал связь с разведывательными органами Германии, а в 1943 г. с разведывательными целями выезжал в Одессу и другие города, после чего добытые сведения передавал в военную разведку.

Таким образом, Крупп фон Болен получил 25 лет исправительно-трудовых работ фактически только за личное знакомство с руководителями Третьего рейха. После вынесения приговора он был отправлен на Урал в пятое лагерное отделение особорежимного лагеря № 476 МВД СССР, расположенное в г. Дегтярске. Вначале он трудился разнорабочим на строительстве жилых домов, затем стал старшим прачечной зоны. В справке лагерной администрации об этом заключенном отмечалось, что Крупп фон Болен соблюдал установленный порядок и выполнял любую порученную работу[17].

Следует отметить, что вообще процедура привлечения иностранных военнопленных к уголовной ответственности и порядок рассмотрения дел в суде были максимально ускорены и упрощены. Военные трибуналы выносили приговоры в течение 20–30 мин. без участия обвинения, защиты и свидетелей. Нарушение процессуальных норм в дальнейшем сыграло злую шутку с советским правосудием: часть осужденных военнопленных впоследствии пришлось реабилитировать, поскольку следствие осуществлялось в спешке и вина осужденных материалами уголовно-следственных дел часто не подтверждалась. В результате сотни осужденных военных преступников оказались реабилитированными Главной военной прокуратурой Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Среди реабилитированных – Г. Бартель, Г. Бицингер, А. Бишоф, Э. Бромбах. Унтер-фельдфебель Бартель являлся комендантом концлагеря для советских военнопленных в г. Берлине, им были созданы невыносимые условия для жизни заключенных. Обер-ефрейтор Герман Бицингер, будучи сапером, участвовал в карательных операциях против мирного населения в Крыму. В ходе проведенной с его участием операции было уничтожено свыше 600 чел. из скрывавшегося в каменоломнях гражданского населения.

Служили в концентрационных лагерях для советских военнопленных фельдфебель Арнольд Бишоф и унтер-офицер Эмиль Бромбах[18]. Из архивно-следственного дела последнего следует, что унтер-офицер Эмиль Бромбах служил в лагере № 203 для советских военнопленных и был осужден на основании ст. 17 УК РСФСР и ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О наказаниях для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников» на 25 лет ИТЛ. На основании ст. 3 Закона РСФСР от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» приговор военного трибунала войск МВД от 16 декабря 1949 г. в отношении Эмиля Бромбаха был отменен, и производство по делу прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления[19].

Следует отметить, что далеко не все заключенные лагеря № 476 являлись военными преступниками. Карательная машина НКВД безжалостно работала не только в нашей стране, но и в тех странах Восточной Европы, где находились оккупационные части Советской армии. Многие дела были просто сфабрикованы. Так, летом 1945 г. в Свердловскую область из Германии был интернирован Герман Мюллер, житель деревни Кичендорф. Он был крестьянином, в армии никогда не служил. Г. Мюллера осудил военный трибунал 193-й стрелковой дивизии на 15 лет каторжных работ за то, что он использовал в своем хозяйстве вывезенных из СССР советских граждан, плохо их кормил и заставлял работать[20].

Широко при этом использовалась и практика вынесения групповых приговоров. Так, 10 января 1949 г. военный трибунал войск МВД УралВО

осудил четырех военнослужащих танковой дивизии СС «Мертвая голова» (Э. Томаса, Ф. Лангкау, К. Пайка, О. Каапке) только за сам факт прохождения воинской службы в данной воинской части. Впоследствии все они были реабилитированы. По агентурному делу «Майская гроза» прошли 113 чел. из 87-й пехотной дивизии СС, по делу «Злодеи» – 59 чел. из 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова», по делу «Завоеватели» – 52 чел. из 31-й пехотной дивизии СС и т.д.[21]

Следует отметить, что вследствие недобросовестной работы некоторых следователей часть дел прекращалась вскоре после их возбуждения. Так, в октябре 1949 г. заместителем начальника лагерного отделения № 6 лагеря № 476 в г. Асбесте было заведено дело на унтерофицера Курта Денараде и ефрейтора Вальтера Рента. Они обвинялись в том, что, будучи военнослужащими 743-го саперного батальона германской армии, в июле 1944 г. взорвали мост через реку Неман в г. Каунасе. Дело против них было возбуждено 29 октября 1949 г., в тот же день эти военнослужащие германской армии были арестованы, им было предъявлено обвинение в преступлениях, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., и в тот же день рассмотрение данного дела было завершено. После изучения материалов данного дела в ОПВИ МВД по Свердловской области выяснилось, что в действиях вышеуказанных лиц отсутствует состав преступления, поскольку мост был взорван в ходе боевых операций, что не попадает под ст. 1 указа[22].

За годы нахождения на территории Свердловской области заключенные лагеря № 476 активно участвовали в восстановлении народного хозяйства и построили немало объектов. Среди них жилые дома, дворцы культуры, стадионы, школы, магазины, детские сады, дороги и мосты. Это соцгородки в Асбесте, Первоуральске, Ревде. Много построили они и в областном центре, только в 1955 г. в г. Свердловске осужденные иностранные граждане трудились на 27 объектах. Вместе работали и офицеры, и рядовые, и осужденные гражданские лица. В результате были построены жилые дома во Втузгородке и в районе заводов Уралхиммаша и РТИ, здание пожарно-технического училища, центральный стадион, баня по ул. Первомайской, дача облисполкома в Малом Истоке, мост по ул. Белинского и т.д. Интенсивно использовали труд осужденных военнопленных и в промышленном строительстве: на их счету бетонозавод и завод ЖБИ в г. Асбесте, фабрика № 5 треста «Союзасбест», Ключевский завод ферросплавов, Первоуральская ТЭЦ, многие цеха таких предприятий, как ПНТЗ, РТИ, УЗХМ, заводоуправление Ревдинского метизно-металлургического завода и др.[23]

Разумеется, добросовестно трудились далеко не все, некоторые отказывались, занимались саботажем и организовывали диверсии. Среди них бывший командир танкового полка полковник Ганс Герцог. Он был осужден на 25 лет ИТЛ за участие в карательных операциях против советских партизан в Белоруссии. За отказ трудиться он неоднократно подвергался различным наказаниям, но к работе так и не приступил. В мае 1992 г. на основании Закона РСФСР от 18 октября 1991 г. Ганс Герцог был реабилитирован[24].

Еще больший «послужной список» у Людвига Фигля, австрийца по национальности, служившего во время войны рядовым в германской армии. Первый раз он был осужден в декабре 1946 г. судом военного трибунала войск МВД Мурманской области за организацию диверсии во время работы на Мурманской городской электростанции, когда сбросил вагонетку в шахтоподъемник и вывел его из строя. Второй раз в 1951 г. за то, что бежал из лагеря в Белоруссии и около года находился на нелегальном положении. В третий раз Л. Фигль оказался обвиняемым по делу генерала Германа, когда он вступил в подпольную организацию военнопленных в Дегтярском лагере, пытавшуюся осуществить групповой побег, и был осужден на 25 лет ИТЛ. В мае 1955 г. Л. Фигль отказался выходить на работу и потребовал отправить его домой[25].

25 лет исправительно-трудовых лагерей – огромный срок, и многие заключенные пытались бежать из уральского лагеря. Так, в 1952 г. военнопленный Пицона с группой единомышленников заготовили несколько килограммов сухарей, купили часы, достали карту Советского Союза. Пользуясь плохой погодой, бежать они собирались либо из лагеря, отодрав доску в заборе, либо с места работы, где устроили под одним из ограждений подкоп. Пицона сделал даже рогатку, собираясь разбить из нее лампочку, чтобы выбранное для побега место стало непросматриваемым. На основе поступившей агентурной информации о готовившемся побеге все его участники были арестованы и на 10–20 суток отправлены в карцер. В начале 1953 г. была предотвращена попытка осужденных военнопленных бежать из лагерного отделения в г. Дегтярске. Заговорщики, которых возглавлял бывший командир германской авиадивизии Х. Герман, планировали уйти в Казахстан, а оттуда с помощью немцев-спецпереселенцев перебраться за границу[26].

Примерно четверть содержавшихся в лагере военнопленных составляли офицеры и генералы. По состоянию на 1 октября 1953 г. на учете в лагере № 476 находилось 4647 чел., в том числе 1127 офицеров, 82 генерала и 48 адмиралов. Основной массив последних составляли генералы вермахта и адмиралы флота, но были среди них генералы венгерской и румынской армий. Всего в плену в СССР находилось одних только генералов германской армии и адмиралов военно-морского флота 376 чел. Среди обитателей лагерных бараков наибольший процент составляли представители сухопутных войск. Второй по численности была категория отставных генералов, на конец 1948 г. их насчи-

тывалось 40 чел. Из этого числа 277 генералов и адмиралов были репатриированы, а 99 умерли, из них 18 чел. приговорены к высшей мере наказания и казнены[27].

В феврале 1954 г. на Среднем Урале находилось 92 генерала, из них 86 генералов германской армии, 1 – румынской и 5 – венгерской. Был среди них и адмирал германского флота. В архивных делах сохранился эшелонный список, составленный при переводе осужденных для отбытия наказания в г. Иваново, что позволяет назвать находившихся в Свердловской области генералов поименно. Это генералы германской армии: К. Агрикола, О. Аудорш, О. Барт, Г. Бауэр, Э. Беге, К. Беккер, В. фон Беркен, Г. Беттхер, Э. фон Боген, В. Бремер, О. Брюкер, Э. Бушенгаген, Ф. Вайнкнехт, Р. Буттман, Г. Ганоуэр, М. Гартман, Г. Гейне, К. Герсдорф, А. Гешен, Ф. Гольвигцер, Э. Енеке, Д. фон Заукен, И. Зеебот, Э. Зилер, Э. фон Килиани, Г. Кламт, Г. Кольсдорфер, А. Конради, К. Коссман, Р. Кретцер, Т. Кречмер, Э. фон Куровский, Б. Лаш, Г. Ленгенфельдер, Ф. Лигман, Г. Линдеман, Г. Ломбард, Ф. Макке, В. Макс, Г. Медер, Э. Мерк, Г. Михаэлис, Э. Мюллер, Г. Нигафф, В. Бойман, В. Райгель, О. Раузер, К. Репке, Г. Риттберг, К. Роденбург, Ф. Раске, В. Рунге, К. Родигер, И. Тарбук, З. Томашки, Г. Траут, А. Трабитц, Г. фон Фалькенштайн, З. фон Фалькенштайн, З. Ферхайн, Г. Фишер, Ф. фон Кирхензитенбах, Л. Фрикке, Г. Хакс, Э. Хелль, А. Хемман, В. Хенне, З. Хенрици, А. Хенце, А. Хиггер, Ф. Хохбаум, Б. Хюльзен, В. Шартов, Б. Шац, И. Шватло-Гестердинг, Г. Ширмер, Ф. Шлипер, Р. Шлигер, З. фон Шляйниц, В. Шмидт-Хаммер, А. Шмидт, Р. Шперль, Ф. фон Штейккеллер, И. Энгель, Ф. Энгель; генералы венгерской армии: Ф. Вашвари, Г. Буковари, Л. Сабо, Г. Фехер, Г. Ерлих; румынской: Т. Станеску, а также контр-адмирал германского флота В. Арнсвальд[28]. Пленные генералы иностранных армий содержались в лагерных отделениях, расположенных в Асбесте, Дегтярске и Первоуральске. Об их пребывании на Урале имеются весьма любопытные воспоминания М.А. Егорова, который после демобилизации из армии до декабря 1955 г. работал начальником отдела управления лагеря № 476[29].

В апреле 1953 г., вскоре после смерти И.В. Сталина, Президиум ЦК КПСС поручил межведомственной комиссии под председательством министра юстиции К.П. Горшенина пересмотреть приговоры в отношении тех иностранных граждан, дальнейшее содержание которых не было необходимостью. Через месяц члены комиссии пришли к заключению о том, что могут быть освобождены от наказания 12,7 тыс. германских подданных. В конечном счете было признано необходимым освободить от наказания 13,1 тыс. немцев, их которых 6,1 тыс. были осуждены советскими военными трибуналами и содержались на территории ГДР. В результате численность заключенных лагеря № 476 стала постепенно сокращаться. В Ивановскую область в лагерь № 48 МВД СССР отправили всех оставшихся в живых генералов, в Ворошиловградскую область – 76 испанцев из «Голубой дивизии», небольшие группы немцев отправляли в ГДР[30]. Однако массовое сокращение контингента началось только весной 1955 г.

В мае 1955 г. был заключен мирный договор между Советским Союзом и Австрийской Республикой, и Президиум Верховного Совета СССР издал указ об амнистии и репатриации на родину всех осужденных австрийских граждан. После этого осужденных иностранных граждан стали группировать по национальному признаку. В Хабаровском крае в лагере № 16 стали собирать всех подлежащих репатриации граждан Китая, Кореи, Монголии и подданных Японии, в Свердловской области – граждан Австрии и Германии, частично Венгрии и Румынии, в Мордовии – всех остальных. В этих сборных пунктах устанавливался облегченный режим содержания (снимали установленные по периметру вышки, убирали сторожевых собак) и срочно приводили их в образцовый порядок. В четвертое лагерное отделение лагеря № 476, расположенное в Ревде, из лагерей и тюрем со всей территории Советского Союза стали поступать осужденные австрийские граждане. Здесь они проходили медицинский осмотр и ставились на усиленное питание. Сбор австрийцев в Ревде был завершен 14 мая, а на следующий день им было объявлено об амнистии и освобождении. В оставшиеся до отъезда дни бывшие заключенные смотрели кино, играли в футбол и просто загорали. В порядке культурного обслуживания силами самих австрийцев было организовано несколько концертов самодеятельности, показаны кинофильмы, поставлен спектакль на немецком языке «Укрощение строптивой», разыграны футбольные матчи.

Перед отправлением на родину всем освобожденным австрийцам выдали новую одежду и обувь, произвели денежный расчет, вернули изъятые документы и ценности. Правда, с возвратом ценностей возникли сложности. Дело в том, что в соответствии с установленным в 1939 г. Народным комиссариатом внутренних дел СССР порядком все изъятые у заключенных вещи оценивались и передавались в Управление драгметаллов Минфина СССР для зачисления в доход государства. И при освобождении их владелец получал либо изъятые у него ценности, либо ему компенсировали их оценочную стоимость. Однако часто изымаемые при аресте ценности оценивались по символическим ценам. Так, в частности, изъятая у контр-адмирала В. Арнсвальда золотая нумизматическая медаль XVIII в. весом свыше четырех граммов золота была оценена в 18 руб. 56 коп. в ценах тех лет[31].

Первый эшелон с 250 репатриантами был отправлен из Свердловской области 25 мая 1955 г., а 2 июня он прибыл на пограничную станцию Чоп. Здесь репатрианты прошли тамо-

женный досмотр и были пересажены в пассажирский поезд, который 4 июля пересек австро-венгерскую границу. В Австрии вернувшихся из Советского Союза сограждан принимали радостно и тепло, было много корреспондентов, на промежуточных станциях их встречали делегации с оркестрами. По прибытии в Вену репатриантов встретил федеральный канцлер Австрийской Республики Ю. Рааб, другие официальные лица, а также многочисленные родственники и знакомые.

10 июня 1955 г. из четвертого лагерного отделения в г. Ревде отправили вторую группу освобожденных австрийцев в количестве 185 чел. По прибытии в Австрию их встретили представители Международного Красного Креста и вручили подарки и цветы. В Вене прибывших встречала толпа, состоящая из нескольких тысяч человек, среди которых были федеральный канцлер, министр внутренних дел и столичный бургомистр.

Обращаясь к прибывшим репатриантам, министр внутренних дел Австрии отметил: «Нам больших трудов стоило возвратить вас на Родину. Вы были осуждены советским судом незаконно, поэтому мы не считаем вас преступниками и окажем необходимое содействие в устройстве вашей жизни и благополучия». После завершения митинга каждому прибывшему преподнесли подарки, выдали по 3 тыс. шиллингов и на автомашинах развезли по домам. В этот же день в австрийских газетах появились статьи и фотографии, посвященные возвращению на родину амнистированных граждан Австрии[32].

В сентябре 1955 г., после визита в СССР канцлера ФРГ К. Аденауэра и достижения соответствующих договоренностей, началось освобождение осужденных германских граждан. В конце сентября 1955 г. был принят соответствующий указ Президиума Верховного Совета СССР, после чего амнистированные граждане считались свободными. Основным местом сбора подлежащих репатриации на родину германских граждан также стал лагерь № 476, куда их стали собирать со всей страны. Вскоре на улицах г. Свердловска в сопровождении сотрудников милиции появились группы бывших заключенных немцев. Они гуляли по проспекту им. Ленина, посещали кинотеатры, музеи, осматривали достопримечательности города. Первый эшелон с репатриированными немцами отбыл со станции Хромпик 29 сентября 1955 г., за ним последовали другие. Затем репатриация была временно приостановлена и возобновилась только в начале декабря.

Одновременно с репатриацией граждан Германии шла репатриация венгерских и румынских граждан. Часть из них освобождалась, но многие передавались властям этих стран для дальнейшего отбывания наказания. В сентябре 1955 г. в лагере № 476 насчитывалось 394 венгерских и 442 румынских гражданина. Из них было амнистировано соответственно 239 и 268 чел., не попавшие под амнистию передавались правительствам соответствующих стран для дальнейшего отбывания наказания.

Архивные документы свидетельствуют о том, что некоторые осужденные военнопленные венгры, и особенно румыны, отказывались уезжать из Советского Союза. Они хотели отсидеть свой срок в СССР, так как режим содержания заключенных в их странах был строже. Так, младший сержант венгерской армии К. Золантен, узнав о предстоящей репатриации, заявил о том, что в лагере № 476 он получает 600 г хлеба в день, а у себя на родине – 200 г, а вдобавок еще будет получать по спине дубинкой. Другие просили предоставить им советское гражданство либо отправить не на родину, а в Австрию или Германию. Всего таких заявлений было свыше полусотни. Категорически отказывались ехать в ГДР и некоторые амнистированные германские граждане[33].

Последними в декабре 1955 г. со станции Хромпик г. Первоуральска в ГДР были отправлены тяжелобольные из спецгоспиталя № 1893, тем самым репатриация осужденных иностранных граждан из лагеря № 476 была в основном завершена. В нем осталось всего 65 иностранцев, исключенных из списков на репатриацию. Основную часть их составляли румынские граждане – бывшие сотрудники разведки и военной полиции, которых планировали передать властям этой страны. Остальные являлись гражданами СССР, служившими в германской армии и получившими германское гражданство. Репатриация этих граждан была отложена до особого распоряжения, судьбу их до настоящего времени проследить не удалось. В феврале 1956 г. лагерь № 476 МВД СССР был закрыт.

Таким образом, в 1942–1955 гг. на Урале находилось свыше 250 тыс. военнопленных Второй мировой войны, оказавшихся в советском плену в основном летом и осенью 1945 г. Создание здесь первых лагерей для военнопленных весной 1942 г. было обусловлено высокой потребностью в рабочей силе, а также удаленностью региона от театра военных действий. В дальнейшем именно потребность в дополнительных трудовых ресурсах, вызванная быстрым экономическим развитием «опорного края державы», явилась главным фактором размещения на Урале многотысячного контингента из числа военнопленных и интернированных иностранных граждан. Лагеря для военнопленных были организованы во всех областях и республиках Уральского региона, однако больше всего их было в Свердловской и Челябинской областях, имевших наиболее мощный промышленный потенциал. Значительное число военнопленных и интернированных находилось в Удмуртии и Молотовской (Пермской) области, также игравших важную роль в военной экономике СССР. Свои особенности в размещении военнопленных имела Чкаловская (Оренбургская) область. Они заключались, во-первых, в значительном количестве спецгоспиталей, а во-вторых, в наличии крупного контингента военнопленных из соста-

ва итальянской армии. Данное обстоятельство было обусловлено, по нашему мнению, близостью Сталинграда.

Потребностью в трудовых ресурсах был обусловлен выбор Свердловска и прилегающих к нему городов в качестве места размещения самого крупного в СССР лагеря для осужденных военнопленных. Интенсивное использование на протяжении первой половины 1950-х гг. семи тысяч дополнительных работников сыграло важную роль в развитии экономики региона, особенно в жилищном и промышленном строительстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: РГВА. Ф. 1и/п. Оп. 17, 18, 40, 49, 55, 58, 59.
[2] См.: Там же. Ф. 4п. Оп. 19–29.
[3] См.: Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1.
[4] См.: Отдел спецфондов ИЦ ГУВД Свердловской области.
[5] См.: Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Ф. 9. Оп. 1.
[6] См.: Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства: Тезисы междунар. научн. конф. (10–14 июня 1992 г.). Екатеринбург, 1992; Проблемы военного плена: история и современность: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (23–25 октября 1997 г.). Вологда, 1997. Ч. 1.
[7] См.: Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 43.
[8] См.: Мотревич В.П. Солдаты вермахта в рабочих спецовках // Вечерний Первоуральск. 1992. 7, 9 июля.
[9] См.: Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 122.
[10] См.: РГВА. Ф. 1и/т. Оп. 19. Д. 4. Л. 4.
[11] См.: Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997. С. 165–166.
[12] См.: РГВА. Ф. 1и/т. Оп. 19. Д. 4. Л. 4.
[13] См.: Отдел спецфондов ИЦ ГУВД Свердловской области. Ф. 56. Оп. 1. Д. 29. Л. 15; Д. 33. Л. 3–6.
[14] См.: Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Вологда, 1996. С. 177.
[15] См.: РГВА. Ф. 1т. Оп. 13. Д. 5 Л. 177, 313; Д. 6. Л. 4.
[16] См.: Энциклопедия Третьего рейха. М., 1996. С. 235, 267.
[17] См.: Отдел спецфондов ИЦ ГУВД Свердловской области. Ф. 56. Оп. 1. Д. 31. Л. 4–13.
[18] См.: ГААОСО. Ф.1. Оп. 2. Д. 45554. Л. 1–44.
[19] См.: Там же. Д. 45540. Л. 1–20; Д. 45552. Л. 1–46.
[20] См.: Там же. Л. 38.
[21] См.: Там же. Д. 48654. Л. 3–32.
[22] См.: Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. С. 157.
[23] См.: ГААОСО. Ф.1. Оп. 2. Д. 33195. Л. 45.
[24] См.: РГВА. Ф. 1. Т. Оп. 4. Д. 19. Л. 183–200; Отдел спецфондов ИЦ ГУВД Свердловской области. Ф. 56. Оп. 1. Д. 33. Л. 3–9.
[25] См.: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45638. Л. 2–28.
[26] См.: Отдел спецфондов ИЦ ГУВД Свердловской области. Ф. 56. Оп. 1. Д. 30. Л. 10–13, 18; Егоров М.А. Бунт генералов // Уральский рабочий. 1992. 7 апр.
[27] См.: РГВА. Ф. 1и/т. Оп. 2. Д. 88. Л. 74.
[28] См.: Отдел спецфондов ИЦ ГУВД Свердловской области. Ф. 56. Оп. 1. Д. 28. Л. 4–5.
[29] См.: Егоров М.А. Бунт генералов.
[30] См.: Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР. С. 169.
[31] См.: Отдел спецфондов ИЦ ГУВД Свердловской области. Ф. 56. Оп. 1. Д. 28. Л. 80; Д. 56. Л. 99.
[32] См.: Там же. Д. 30. Л. 45–46, 52. 35, 146–152.
[33] См.: Там же. Д. 31. Л. 175–178; Д. 32. Л. 26, 188.

Организационное обеспечение деятельности мировой юстиции в дореволюционной России (по материалам Вологодской губернии)

Е.В. КУЗНЕЦОВА – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

В статье анализируются особенности нормативного регулирования и деятельности государственных и негосударственных органов и учреждений, задействованных в организационном обеспечении мировой юстиции в дореволюционной России, а также особенности реформирования и функционирования мировой юстиции и институтов, обеспечивающих ее деятельность. Материалы статьи основаны на опубликованных и архивных данных по Вологодской губернии.

Ключевые слова: история государства и права России, Судебная реформа 1864 г., Вологодская губерния, мировая юстиция, мировой

Организационное обеспечение деятельности мировых судей по Судебным уставам 1864 г. отличалось своеобразием, частично обусловленным заимствованием зарубежного опыта и особенностями политического, социально-экономического, идеологического развития Российского государства на рассматриваемом этапе. Как известно, реформирование судоустройства в Российской империи производилось не единовременно. В 34 губерниях европейской части государства Судебные уставы 1864 г. были введены в 1860–1870-е гг. в полном объеме. В других регионах судебная реформа проводилась несколько позднее, на основании различных «Временных правил…» и характеризовалась определенными особенностями. Так, например,

в Закавказье, Сибири, Прибалтике и других территориях вводился единосудебный тип мировой юстиции (функции съезда мировых судей выполнял окружной суд), мировые судьи назначались от правительства и т.п. В тех же губерниях, где реформирование судоустройства проводилось на основании общих правил, действовал обособленный тип мировой юстиции – съезд мировых судей – как апелляционная и кассационная инстанция. Мировые судьи избирались, в организации и финансировании их деятельности были активно задействованы органы земского самоуправления.

Под организационным обеспечением деятельности мировой юстиции предлагается понимать совокупность государственных и негосударственных органов, учреждений и должностных лиц, обеспечивающих деятельность мирового суда как государственно-правового института, а также их функций. Некоторые исследователи используют термин «мировое судебное ведомство», понимая под ним совокупность органов, которые организационно обеспечивают деятельность судов, предоставляют в их распоряжение необходимые ресурсы, выражают интересы судей как носителей судебной власти. К мировому судебному ведомству относят, таким образом, органы судебного управления и самоуправления[1].

Данная позиция имеет право на существование, однако, по нашему мнению, не совсем верно определяет совокупность органов и учреждений, обеспечивающих деятельность мировых судей в дореволюционной России. Необходимо учитывать своеобразие понимания данного института реформаторами при проведении судебных преобразований.

Земская и судебная реформы Александра II проводились почти параллельно, и мировая юстиция на протяжении всего дореволюционного периода своего развития была тесно связана с органами земского самоуправления. Связь не случайна, но и не результат закономерного исторического развития. Законодатель целенаправленно предусмотрел пути взаимодействия мировой юстиции и земского самоуправления. Это было обусловлено представлением о мировом судье как хранителе мира, порядка, примирителе, а соответственно, и общих корнях самоуправления и мирового суда.

Во взаимодействии мировой юстиции и местного самоуправления выделяется несколько аспектов: организационный, финансовый и контрольный[2]. Организационный аспект взаимодействия земских учреждений и мировой юстиции выражался, во-первых, в том, что земства достаточно активно участвовали во введении института мировых судей. Во всех уездах Вологодской губернии созывались чрезвычайные земские собрания, определявшие деление судебно-мирового округа на участки, вносившие предложения о месте заседания съезда мировых судей, об определении содержания мирового судьи, его секретаря, судебных приставов при съезде и иных лиц, обеспечивающих деятельность суда и съезда. Во-вторых, уездные земские собрания выполняли важную функцию избрания корпуса мировых судей. Некоторые исследователи полагают, что возложив данную обязанность на земства, правительство избавило себя от необходимости искать кадры на местах, а также от достаточно большой организационной работы по проверке «благонадежности» кандидата, выяснению его имущественного и иного положения. Официально же введение выборности объяснялось тем, что мировой судья как посредник, хранитель мира должен обладать доверием местного населения[3].

Финансовый и материально-технический аспект взаимодействия земств и мировой юстиции заключался в том, что с момента ее введения мировые суды состояли на содержании у земств. Из уездных и городских бюджетов выделялись средства на содержание мирового судьи, съезда, канцелярские расходы, разъезды, наем письмоводителя, рассыльного и т.п. Земства также способствовали организации содержания осужденных по приговорам мировых судей: изыскивали помещения, обеспечивали их питание, охрану и т.п.[4] Архивные материалы свидетельствуют о финансовых затруднениях земских учреждений в связи с осуществлением ими функций финансового обеспечения мировой юстиции: не хватало средств на строительство помещений для арестованных по приговорам мировых судей, оплату командировочных расходов судей, обеспечение достойными помещениями съездов и прочее. Лишь в начале XX в. расходы на мировую юстицию в тех регионах, где она сохранялась, переданы были государственной казне, что впоследствии закреплено было и в Законе от 15 июня 1912 г. «О преобразовании местного суда»[5]. В тех же губерниях, где земское самоуправление не вводилось, мировая юстиция изначально была на содержании государства.

Исследователи выделяют также и контрольный аспект во взаимодействии мировой юстиции и земств, который, впрочем, выражен был довольно слабо. В основном земства осуществляли финансовый контроль: представители земских учреждений участвовали в ревизиях денежных расходов мировых судов, что, впрочем, вполне логично, поскольку финансирование мировой юстиции осуществлялось из земских средств.

Таким образом, земства были тесно взаимосвязаны с мировыми судебными установлениями, что позволяет некоторым авторам утверждать, что последние входили в систему земского самоуправления[6]. Однако с данной точкой зрения нельзя согласиться. Земства были активно задействованы в организационном обеспечении мировой юстиции, но при этом мировые суды не являлись органами земского самоуправления, а последние – судебными

органами. Отсюда следует и еще один вывод: сводить организационное обеспечение только к деятельности мирового судебного ведомства было бы неправильно.

Итак, в организации деятельности мировых судов участвовали следующие органы, учреждения и должностные лица: Правительствующий сенат, министр юстиции, губернатор, органы земского и городского самоуправления, съезды мировых судей, судебные приставы при съездах, полиция и становые приставы, на которых возлагались некоторые функции по обеспечению работы мирового суда. Наконец, сам мировой судья помимо чисто судебных и иных полномочий, входивших в его компетенцию, выполнял функции организатора работы судебного участка: подыскивал помещение, нанимал секретаря, письмоводителя и т.п.

Рассмотрим подробнее полномочия органов и должностных лиц, обеспечивающих деятельность мировой юстиции. Правительствующий сенат осуществлял функции по надзору за судебными учреждениями, вправе был проводить собственные ревизии, в том числе и в отношении мировых судов, являлся высшей кассационной инстанцией, а также осуществлял утверждение избранных земскими учреждениями мировых судей.

Министр юстиции также обладал широкими полномочиями в отношении судебных учреждений: он, в частности, утверждал кандидатуры непременных членов съездов, а в тех местностях, где не вводились земские учреждения, назначал мировых судей. Также он утверждал «особые наказы», формы отчетности о движении дел за прошедший год.

Наибольшая нагрузка в обеспечении деятельности мировых судов возлагалась на съезд мировых судей. Во-первых, он являлся апелляционной и кассационной (по отдельным категориям дел) инстанцией. Во-вторых, выступал в качестве организатора деятельности мировых судей в округе, в частности осуществлял распределение судебных участков, утверждал местопребывание судьи в участке, решал вопросы замены судьи в случае отпуска, болезни, рассматривал и утверждал отчеты мировых судей, судебных приставов при съезде и решал иные организационные вопросы. В-третьих, съезд мировых судей можно рассматривать и как орган судейского сообщества, выражавший интересы судей, ходатайствующий по разным вопросам перед Правительствующим сенатом, губернатором, земским собранием. В ряде случаев съезд проводил служебные расследования по жалобам на мировых судей. Некоторые исследователи указывают на наличие неофициального органа надзора – товарищеского суда при съезде[7].

Правовой базой деятельности съезда являлись учреждения судебных установлений, иные нормативно-правовые акты Правительствующего сената в части, их касающейся, а также так называемые наказы судебно-мирового округа, принимаемые съездом, утверждающиеся министром юстиции и по сути являющиеся локальными нормативными актами. Подобные документы существовали во многих губерниях (прежде всего тех, где судебные уставы вводились без изъятий): Нижегородская, Ярославская, Костромская, Владимирская и др.[8]

Наказ Вологодского судебно-мирового округа был принят и опубликован в 1877 г.[9] Данным документом регулировались следующие вопросы: устройство камеры мирового судьи, порядок проведения заседаний суда, делопроизводство у мирового судьи, содержание, знаки и печати мирового судьи, порядок отчетности и сдачи должности, устройство помещения съезда, должностные лица съезда, порядок делопроизводства и канцелярии съезда, отчетность и архив съезда. Отдельные главы посвящены деятельности судебных приставов и поверенных при съезде.

Помимо указанных функций организационного характера законодательство возлагало на съезд мировых судей полномочия по надзору за местами для осужденных по приговорам мировых судей. В соответствии с Высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 4 июля 1866 г. «О временных правилах касательно помещений для подвергаемых аресту по приговорам мировых судей» для общего надзора за содержанием заключенных по приговорам мировых судей съезд мировых судей избирает из своей среды из посторонних благонадежных лиц особого попечителя для каждого помещения[10]. В качестве попечителя мог выступать почетный, участковый мировой судья; требований к «посторонним благонадежным лицам» не предъявлялось.

Попечитель в соответствии с Временными правилами выполнял ряд функций. Во-первых, попечитель обязан был сообщать о всех «неисправностях» в организации содержания подвергаемых аресту в уездную земскую управу (функция контроля за содержание арестованных). Под «неисправностями» подразумевались нарушения требований к организации помещения, санитарно-гигиенических норм и т.п. Во-вторых, он давал согласие на использование арестованных для местных общественных работ. В-третьих, в обязанности попечителя входило также принятие прошений от заключенных и направление их для дальнейшего разрешения в соответствующие инстанции. И, наконец, попечителю принадлежала функция общего руководства организации и «заведывания» помещениями.

Таким образом, возлагая полномочия по надзору за содержанием осужденных по приговорам мировых судей на мировую юстицию, правительство отступало от основного принципа реформы – «отделения судебной части от административной», «власти обвинительной» от судебной. Мировые судьи и их съезды осуществляли и правосудие в пределах своей компе-

тенции, и надзор за исполнением приговоров по делам, за которые налагалось наказание в виде ареста.

Съезд мировых судей имел следующую организационную структуру: председатель съезда, осуществлявший общее руководство съездом, судебными приставами; непременный член съезда, который занимался предварительной подготовкой дел, подлежащих рассмотрению съездом, руководил канцелярией и кассой съезда, денежной отчетностью, вопросами материально-технического обеспечения съезда и т.п.[11] Как правило, и председателем, и непременным членом избирались участковые мировые судьи, попытка возложить эти функции на почетных мировых судей в большинстве уездов Вологодской губернии оказалась неудачной: последние отказывались от такой достаточно высокой нагрузки, оправдываясь собственными делами, необходимостью разъездов, работой по другим почетным должностям и пр. При этом участковый мировой судья, выполнявший функции председателя и непременного члена, никакой доплаты за свою деятельность не получал и так же, как и другие судьи, работал и на своем участке. Гораздо логичнее было бы совместить функции председателя и непременного члена в одном лице и освободить его от выполнения судебных функций, создать, таким образом, чисто административную должность, обеспечивающую организацию деятельности съезда и судей. Однако данная возможность даже не рассматривалась.

Исследователи отмечают серьезные трудности в деятельности съездов: большой наплыв дел, неявку судей и срыв заседаний и пр. В итоге в столичных городах съезды мировых судей фактически превратились не в периодичные, а в постоянно действующие органы, особые отделения окружных судов[12].

Трудности организационного характера возникали, прежде всего, в деятельности объединенных судебно-мировых округов Вологодской губернии (вельско-тотемском, великоустюгско-сольвычегодском, яренско-устьсысольском). Большие расстояния, недостаток кадров мировой юстиции привели к тому, что вскоре выработалась практика «накоплениях» дел и рассмотрения их в одну сессию съезда, проводившуюся реже, чем раз в месяц, что формально противоречило требованиям законодательства.

В организационном обеспечении деятельности мировой юстиции были задействованы также судебные приставы, назначавшиеся председателем съезда мировых судей и состоявшие под его надзором. В ряде уездов Вологодской губернии ввиду нехватки финансирования от должности судебных приставов решено было отказаться. Такое вполне допускалось Судебными уставами (ст. 63 УСУ, ст. 189 УУС, ст. 158 УГС). Сенатским указом от 6 мая 1874 г. по запросу полтавского губернатора было разъяснено, что в тех местах, где не будет судебных приставов или их будет недостаточно, исполнение решений мирового судьи может быть возложено на полицейских чинов, волостное и сельское начальство[13]. Данная ситуация рассматривалась не как исключение, а как правило: мировые судьи могут во всех случаях обращаться с требованием об исполнении поручений к тому или иному полицейскому чину, в том числе путем направления исполнительных листов. Таким образом, в организационном обеспечении деятельности мировой юстиции была задействована и полиция.

Ряд полномочий в организации своей же деятельности был возложен на мирового судью. Во-первых, в соответствии со ст. 41 УСУ мировой судья с согласия съезда избирал себе место нахождения камеры в пределах участка. Причем поиск и наем камеры возлагались на самого участкового мирового судью (на наем выделялась определенная сумма). Во-вторых, мировой судья также осуществлял комплектование служащих участка: нанимал секретаря или письмоводителя, иногда рассыльного.

Денежные средства на канцелярские расходы и наем штата судебно-мирового участка входили в содержание судьи и были весьма невелики, так что судьям приходилось отказываться, например, от рассыльного или ограничиваться одним лишь секретарем, который совмещал функции и письмоводителя, и архивариуса. Причем в нормативных актах статус сотрудников канцелярии судебно-мирового участка не раскрывался, лишь в Законе от 15 июля 1912 г. появилась отдельная глава «О секретарях при мировых судьях», в которой регламентировались основы его правового статуса: порядок назначения, обязанности, ответственность, источник содержания.

В организации деятельности мировой юстиции помимо участковых задействованы были почетные мировые судьи, также являвшиеся звеном мировой юстиции. По замыслу законодателя почетные мировые судьи должны были самостоятельно вести разбор дел при обращении к ним сторон, заменять заболевшего участкового мирового судью, участвовать в деятельности съезда, в том числе выполняя функции председателя, непременного члена и т.п. Анализ функций почетных мировых судей позволяет сделать вывод, что в ней была вынужденная «техническая» необходимость ввиду нехватки кадров для мировой юстиции и загруженности судей[14].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что в организационном обеспечении деятельности мировых судов участвовали различные органы, учреждения и должностные лица: Правительствующий сенат, министр юстиции, губернатор, органы земского и городского самоуправления, съезды мировых судей, сами участковые и почетные мировые судьи, их канцелярии, судебные приставы при съездах, полиция, становые приставы, на которых возлагались некоторые функции по обеспечению работы мирового суда. Данный перечень

отличался для губерний, в которых не вводились земские учреждения: более обширные полномочия возлагались на правительство, задействовались окружные суды, местная администрация и т.д.

В дореволюционной России отсутствовали специально уполномоченные органы или должностные лица, в чьи функции входила бы непосредственная организация деятельности мировых судов. Большинство организационных обязанностей выполнялось самими судьями самостоятельно или в составе съезда наряду с судебными полномочиями. Основной проблемой было и то, что законодатель зачастую нечетко определял компетенцию тех или иных должностных лиц, не устанавливал ответственности за неисполнение определенных обязанностей в отношении мировых судов. Явные пробелы в Судебных уставах частично дополнялись впоследствии, разъяснялись в Указах Правительствующего сената, мнениях Государственного совета, конкретизировались в местных наказах судебно-мировых округов и т.д. Все это приводило к спорам между ведомствами, отказам от выполнения определенных задач и т.п., что в итоге негативно сказывалось на деятельности мировых судов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Лонская С.В. Мировая юстиция в России: Моногр. Калининград, 2000. С. 12.

[2] См.: Она же. Мировая юстиция и местное управление в дореволюционной России: аспекты взаимоотношений // Правоведение. 2003. № 4. С. 192–193.

[3] См.: она же. Мировая юстиция в России. С. 50.

[4] См., напр.: Государственный архив Архангельской области. Ф. 1132. Оп. 3. Д. 3. Л. 1–5.

[5] Закон от 15 июня 1912 г. о преобразовании местного суда / Предисл. Г.С. Вольтке. СПб., 1913.

[6] См.: Вишневский В. Мировой суд в Восточной Сибири и средневековой Англии // Мировой судья. 2007. № 8. С. 2.

[7] См.: Шатовкина Р.В. Организация и деятельность мировых судей в Российской Федерации: Автореф. … канд. юрид. наук. М., 2002. С. 11.

[8] См., напр.: Дунаев И.И. Институт мировых судей Нижегородской губернии во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Нижегородской губернии): Дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 83–86; Трофимова Н.Н. Мировая юстиция Центрально-промышленного района России 1864–1889 гг.: генезис, региональные особенности судоустройства и деятельности. Владимир, 2004. С. 95.

[9] См.: Наказ Вологодского судебно-мирового округа. Вологда, 1877.

[10] Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 4 июля 1866 г. «О временных правилах касательно помещений для подвергаемых аресту по приговорам мировых судей» // ПСЗ-II. Т. XLI. 1868. № 43458.

[11] См.: Наказ Вологодского судебно-мирового округа. С. 16–17.

[12] См.: Лонская С.В. Мировой суд в судебной системе пореформенной России // Правоведение. 1995. № 3. С. 100.

[13] См.: Указ Правительствующего сената от 6 мая 1874 г. «О сношении мировых судей с полицейскими чинами» // ПСЗ–II. Т. XLIX. Отд. 1. № 53482.

[14] См.: Каширский С.В. Становление и функционирование мировых судов в судебной системе России: Дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 54–55.

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование рефлексии у сотрудников УИС

О.Н. РАКИТСКАЯ – старший преподаватель кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук

Проблема исследования рефлексии в психологии имеет богатую историю в связи с многофункциональным характером данного феномена, а также его ролью в формировании и развитии личности. Традиционно рефлексия определяется как процесс самопознания субъектом внутренних психических актов и состояний, способность человеческого интеллекта объективировать психические процессы, воспринимать и анализировать свою деятельность. В работах таких исследователей, как З. Фрейд, К. Юнг, Д. Нейджер, Д. Холмс, Т. Ньюколс, Г.М. Андреева, А.В. Карпов, С.Л. Рубинштейн, Д. Узнадзе, подтверждена значимость рефлексии для переработки и усвоения информации, определена ее роль как механизма, обеспечивающего самоконтроль и ответственное поведение личности.

Поскольку функционирование рефлексии обеспечивает формирование профессионально зрелой позиции личности, основанной на самопознании и постоянной работе над собой, мы рассматриваем ее как необходимое условие профессионального развития сотрудников УИС. При этом актуальность исследования данного феномена для пенитенциарной системы связана с наличием у сотрудников риска утраты способности к рефлексии из-за высоких нагрузок психологического характера, в то время как развитая рефлексивность является фактором профилактики и коррекции негативных проявлений профессиональной деформации.

В целях определения особенностей рефлексии у сотрудников в разных условиях профессионализации авторским коллективом кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России было организовано исследование на базе образовательного и исправительного учреждений ФСИН России. Выборку составили курсанты в возрасте от 18 до 23 лет в количестве 254 чел. и группа сотрудников различных отделов ИУ в возрасте от 19 до 40 лет в количестве 200 чел. Сбор данных осуществлялся с помощью методики для диагностики общего уровня способности к рефлексии и разным ее видам (ретроспективной, актуальной, перспективной, рефлексии взаимодействия и общения), разработанной В.В. Пономаревой и А.В. Карповым.

В качестве гипотезы выступало предположение, что сниженные показатели рефлексивности присущи сотрудникам с большим трудовым стажем и сотрудникам, часто контактирующим с осужденными. Исследование подтвердило, что на фоне результатов в пределах нижней границы нормы, характерных для испытуемых, сотрудники воспитательного отдела имеют более выраженные низкие показатели рефлексивности. У сотрудников с большим трудовым стажем уровень рефлексии ниже, чем у молодых сотрудников, что косвенно опосредовано процессом деформации.

Следует отметить, что сотрудники мужского пола имеют показатели рефлексии ниже, нежели женщины, что отражает гендерный аспект интересующего нас феномена. О развитии рефлексии в ходе социализации свидетельствует тот факт, что состоящие в браке сотрудники имеют более развитую рефлексивность, поскольку они мотивированы к развитию у себя способности к осознанию своего поведения и поступков партнера для достижения взаимопонимания в семье. Оказалось, что предполагаемая связь между уровнем рефлексивности с образованием у сотрудников отсутствует. Детерминанты данного факта представляют интерес для будущих исследований рефлексии.

Полученные результаты подтверждают необходимость психологического сопровождения специалистов, работающих в непосредственном продолжительном контакте со спецконтингентом, с целью профилактики их эмоционального выгорания и обосновывают важность проведения мероприятий по развитию рефлексии у сотрудников, поскольку для эффективной деятельности требуется уровень развития рефлексивности несколько выше среднего. В связи с этим авторским коллективом кафедры подготовлены соответствующие материалы для пенитенциарных психологов по организации мониторинга показателей рефлексивности у сотрудников ИУ, а также развитию способности к рефлексии в ходе индивидуальных и групповых занятий. В настоящий момент материалы внедряются в практическую деятельность учреждений УИС.

Навстречу социальной интеграции

Л.С. АТАЕВ – преподаватель кафедры социальной психологии и социальной работы ВИПЭ ФСИН России

В условиях гуманизации системы исполнения наказаний, вхождения России в Совет Европы и интеграции в европейское пространство технологический аппарат социальной работы в УИС обогащается инновационными для российской практики подходами, происходит критическое осмысление зарубежного опыта в применении теории и практики в российских реалиях.

В настоящий момент важным направлением работы Вологодского института права и экономики выступает международное сотрудничество. Сегодня институтом реализуются программы совместной деятельности специалистов разных стран в области подготовки высококвалифицированных кадров, а также в области научных исследований по проблемам пенитенциарной социальной работы.

Одним из значительных результатов совместной работы является участие сотрудников вуза в реализации российско-швейцарского проекта «Совершенствование системы подготовки и практической деятельности специалистов в области социальной работы в УИС». В сентябре 2008 г. были подведены итоги данного проекта, при этом работа института была высоко оценена как руководством ФСИН России, так и представителями Швейцарской Конфедерации.

С февраля 2008 г. сотрудники института совместно со швейцарскими коллегами из Школы социальной работы Высшего специального учебного заведения Северо-Западной Швейцарии (г. Ольтен) приступили к научному исследованию проблем разработки и внедрения в практическую деятельность новых технологий пенитенциарной социальной работы. Состоялось обсуждение базовых подходов к пониманию сущности социальной работы как науки и вида практической деятельности, а также особенностей пенитенциарной социальной работы.

На основе этих исследований планируется подготовить и издать совместный «Технологический справочник пенитенциарной социальной работы: практические консультации». Справочник будет призван стать своего рода настольным пособием для специалистов в области пенитенциарной социальной работы. Идея заключается в том, чтобы человек мог найти в данном издании четкие ответы на многие актуальные проблемы и вопросы современной пенитенциарной практики.

Кроме того, состоялось обсуждение вопросов дидактики социального образования в разных культурных контекстах с учетом принципиальной необходимости соблюдения положений Болонского соглашения.

В ходе рабочей командировки сотрудников вуза в Швейцарскую Конфедерацию в мае 2008 г. состоялось ознакомление как с образовательным учреждением и выстроенной системой профессиональной подготовки специалистов по социальной работе и организации учебного процесса, так и с особенностями организации пенитенциарной социальной работы с несовершеннолетними. Были определены основные вероятные перспективы дальнейшего сотрудничества, состоялось ознакомление с особенностями организации социальной работы и пенитенциарной социальной работы с несовершеннолетними в Швейцарии. Коллеги принципиально определили общую цель проекта: профессиональный международный обмен в области обучения специалистов по социальной работе, а также межкультурный обмен.

Таким образом, к настоящему моменту создана надежная база для укрепления международного сотрудничества со Швейцарией, интеграции положительного иностранного профессионального опыта в условиях Российской Федерации, обозначены основные векторы развития проекта в целом, конкретизированы отдельные аспекты взаимодействия специалистов двух стран.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Олимпиада студентов и курсантов образовательных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации и Федеральной службы исполнения наказаний 2009 г.

В период с 15 января по 15 апреля 2009 г. прошла ежегодная олимпиада среди студентов и курсантов образовательных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации и Федеральной службы исполнения наказаний на лучшие научные работы, освещающие место и роль Минюста России в механизме государственной власти, проблемы совершенствования нормотворческой и правоприменительной деятельности, организованная с целью совершенствования учебного процесса, повышения уровня профессиональной подготовки будущих специалистов органов и учреждений Минюста и ФСИН России, развития творческих способностей студентов и курсантов.

Олимпиада включала в себя два тура. По итогам первого тура, проведенного в институте, были отобраны и направлены для участия в финальном туре олимпиады 10 лучших научных работ.

Первое место в финальном туре олимпиады в номинации «Государственная и муниципальная служба» заняла научная работа курсанта 5 курса юридического факультета Копыловой О.Н. на тему «Прохождение альтернативной гражданской службы в пенитенциарных учреждениях (сравнительно-правовой анализ зарубежного и отечественного опыта)». В работе рассмотрены актуальные вопросы организации и правового регулирования прохождения альтернативной гражданской службы в отечественных пенитенциарных учреждениях. Автором анализируются международно-правовые стандарты альтернативной гражданской службы, европейская и азиатская модели альтернативной гражданской службы. Подробно раскрывается вопрос о становлении и развитии отечественного законодательства об альтернативной гражданской службе, обращается внимание на особенности правового регулирования данного вида службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, предлагается ряд конкретных предложений законодательного характера, направленных на совершенствование данного правового института.

Второе место в номинации «Международно-правовые нормы и стандарты в сферах юстиции и исполнения наказаний» заняла научная работа курсанта 3 курса юридического факультета Семенова А.А. на тему «Актуальные вопросы совершенствования нормативных основ деятельности Уполномоченного по правам человека в сфере защиты прав осужденных к лишению свободы». В работе обосновывается, что институт Уполномоченного по правам человека в настоящее время является важной составляющей укрепления законности и правовой основы в деятельности исполнительной власти. Автор рассматривает основные функции института Уполномоченного по правам человека в сфере защиты прав осужденных к лишению свободы в Российской Федерации. В работе содержится характеристика процесса взаимодействия Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации с органами и учреждениями ФСИН России, определяются основы эффективного применения действующих нормативно-правовых актов, позволяющих осуществлять контроль за деятельностью УИС.

Третье место в номинации «Правовой статус Министерства юстиции Российской Федерации» заняла научная работа курсанта 4 курса юридического факультета Матвеева Д.О. на тему «Деятельность Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя министра юстиции Российской Федерации на стадии исполнения судебных решений». В научной работе рассмотрена реализация права на подачу жалобы в Европейский Суд по правам человека в контексте прав, гарантированных Конституцией Российской Федерации; дана характеристика Европейского Суда по правам человека, а также рассматриваются условия приемлемости жалоб и процедура их рассмотрения. Автором дана оценка деятельности Уполномоченного Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека на этапе исполнения решений Европейского Суда применительно к уголовно-исполнительной системе России. В работе приведены конкретные примеры дел, рассмотренных Европейским Судом, в которых содержались обвинения, направленные против уголовно-исполнительной системы, изучены статистические данные, сформулированы предложения по совершенствованию деятельности Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя министра юстиции Российской Федерации на стадии исполнения судебных решений как с правовой, так и с организационной точки зрения. Автор обосновал целесообразность наделения уполномоченного определенными властными функциями в отношении государственных органов и должностных лиц при исполнении постановлений Европейского Суда, а также необходимость разработки и принятия Федерального закона

«Об исполнении постановлений Европейского суда по правам человека в Российской Федерации».

Подведение итогов и награждение победителей олимпиады студентов и курсантов образовательных учреждений Минюста России и Федеральной службы исполнения наказаний состоялось 23 июня 2009 г. в конференц-зале Министерства юстиции Российской Федерации. В торжественной обстановке победителям и призерам дипломы и ценные призы вручили заместитель министра юстиции Российской Федерации А.Д. Алханов, главный судебный пристав Российской Федерации А.О. Парфенчиков, начальник управления кадров и профессионального образования Федеральной службы исполнения наказаний России С.Р. Ширшов.

Все научные работы победителей Олимпиады студентов и курсантов образовательных учреждений Минюста и ФСИН России направлены на соискание стипендий Президента России.

НАШИ АВТОРЫ

Интервью с заместителем начальника УПСВРО ФСИН России, начальником отдела психологической службы Михаилом Георгиевичем Дебольским

– Михаил Георгиевич, сколько лет Вы руководите психологической службой УИС?

– С момента создания отдела психологической службы в Главном управлении исполнения наказаний в 2000 г. К этому времени в уголовно-исполнительной системе уже насчитывалось около 800 психологов, однако централизованное управление еще не осуществлялось. Сказать, что его не было совсем, тоже будет неправильным. Был инспектор в Управлении по воспитательной работе, который курировал психологическую службу, был инспектор в Управлении по работе с личным составом, который курировал психологов. Представьте себе: два управления одновременно оказывали влияние на одного психолога в колонии, давали порой противоречивые указания. Поэтому нужна была единая централизованная психологическая служба, которая осуществляла бы текущее управление и в целом занималась проблемами развития психологической службы.

Должность руководителя мне предложили во время одной из служебных подготовок, которые я проводил в Федеральной службе исполнения наказаний. Надо сказать, что я поддерживал контакты с ГУИН на протяжении всей моей научно-практической и преподавательской деятельности, и один из руководителей мне сказал: «Хватит нас учить. Мы создаем отдел психологической службы – иди, руководи и делай так, как надо, как ты пишешь, как ты нам предлагаешь. Мешать не будем, будем только помогать». Для преподавателя Академии МВД предлагаемая должность была по статусу примерно такой же. В Академии я был на хорошем счету, поэтому, конечно, пришлось задуматься, целесообразно ли сменить преподавательскую деятельность, которой занимался последние 20–25 лет, на практическую. Но тем не менее решился, так как хотелось, чтобы в нашей системе функционировала действительно достойная психологическая служба. Я понимал, что когда свои идеи сам воплощаешь в жизнь, быстрее достигаешь поставленных целей.

Изначально штаты отдела составляли 5 чел. Через несколько лет мы их увеличили до 8 чел. После реорганизации ГУИН в 2004 г. отдел психологической службы вошел в Управление социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными. Однако функции работы с личным составом по-прежнему сохранялись за отделом, хотя теперь он относился к управлению, которое традиционно занималось воспитательной работой именно с осужденными.

– Какие позитивные перемены произошли в психологической службе за прошедший период?

– Прежде всего, психологическая служба начала более активно развиваться. Ее численность в настоящее время составляет более 3,6 тыс. чел. Была разработана концепция стратегического развития психологической службы. Нормативно закреплено право осужденных на психологическую помощь (п. 6.1 ст. 12 УИК РФ). Издан приказ Министерства юстиции Российской Федерации, утвердивший Инструкцию о деятельности психологической службы. Разработаны формы отчетности, система подготовки, переподготовки и повышения квалификации психологов. Было создано 12 межрегиональных психологических лабораторий (МПЛ). Их задача – апробация новых психодиагностических, психокоррекционных методик. МПЛ обобщают положительный опыт, оказывают помощь психологам и в решении текущих вопросов. На каждый год за межрегиональной психологической лабораторией закрепляется тема НИР, в результате освоения которой разрабатываются методические рекомендации, что позволяет более целенаправленно, на высоком методическом уровне осуществлять то или иное направление работы.

– В чем, по-Вашему, заключается суть гуманизации УИС и какую роль играет в этом психологическая служба?

– Гуманизация УИС начала активно осуществляться с 1998 г., когда УИС перешла в систему Минюста России, а затем стала Федеральной службой исполнения наказаний. В то время суть гуманизации состояла в приведении условий содержания осужденных к европейским стандартам в плане размещения, создания нормальных бытовых условий, питания. В 2000 г. при первом посещении исправительных учреждений Германии я был поражен уровнем содержания осужденных и их питанием. Я подумал: «Боже мой, когда же и у нас будет такое?» Сегодня же у нас осужденные, в воспитательных колониях особенно, питаются не хуже, а во многих учреждениях и лучше, чем за рубежом.

Главное в гуманизации, с психологической точки зрения, это выстраивание нормальной системы взаимоотношений между персоналом и осужденными, развитие не только требовательности, но и толерантности к осужденным. На мой взгляд, главное в реформировании УИС – это не только гуманизация (тем более что многие не любят это слово), а повышение профессиональной культуры сотрудников.

– Какие направления деятельности психологической службы УИС являются, на Ваш взгляд, наиболее перспективными?

– Необходимо системно подходить к развитию психологической службы, нельзя упускать ни одно направление деятельности. Если говорить о психологической диагностике, то я бы сказал, что перспективным является изучение криминально значимых свойств личности осужденных. Не просто индивидуальных особенностей осужденных, на что в первое время обращали внимание, а тех свойств, которые способствовали совершению преступления. Дальнейшее направление работы – это использование исправительных программ, которые помогают осужденным осознать, почему они оказались в местах лишения свободы, свою агрессивность, эмоциональную неустойчивость, искаженные ценностные ориентации. Понимание осужденными истоков противоправного поведения побуждает их к добровольному участию в психокоррекционных программах, таких как «Управление гневом», «Развитие толерантного отношения к окружающим и умений разрешать конфликтные ситуации», «Формирование социальных умений».

Перспективным направлением работы психологической службы является проведение специализированных социально-психологических тренингов с различными категориями осужденных – склонными к суициду, ВИЧ-инфицированными, склонными к насилию, осужденными за преступления сексуального характера. За каждым психологом должна быть закреплена психотерапевтическая группа из 12–15 чел., которую он ведет на протяжении 3–4 месяцев.

К актуальным направлениям деятельности следует отнести и проблему оптимизации взаимоотношений между персоналом и осужденными.

– Какие, по-Вашему, основные «болевые точки» психологической службы?

– Главная «болевая точка» – несоответствие численности сотрудников психологической службы тем функциям, которые на них возлагаются. Это приводит к тому, что часть работы, которую должен выполнять психолог, либо остается невыполненной, либо выполняется некачественно. Вместо того чтобы глубоко изучить личность осужденного с помощью нескольких психодиагностических методов, психолог, пытаясь обследовать всех осужденных, использует одну–две методики. В составляемых им характеристиках не отражаются достаточно подробно жизненный путь осужденного, факторы, которые повлияли на его криминальное становление. Поэтому не разрабатываются психокоррекционные программы, не осуществляется подготовка к освобождению.

«Болевая точка» – это и определенное давление на психолога в интересах отдельных служб. Психолога порой просят убрать то или иное критическое замечание в адрес личности, скорректировать заключение о степени пригодности кандидата к службе и т.п. Психологу необходимо учиться отстаивать свою профессиональную позицию.

Третья «болевая точка». Не все сотрудники психологической службы имеют базовое психологическое образование. Эти люди должны осознать, что, если они намерены продолжать работу в психологической службе, необходимо либо учиться заочно (такие возможности имеются), либо пройти в переподготовку в объеме не менее 500 часов.

Четвертая «болевая точка» обусловлена гендерным фактором. Большинство осужденных (90%) – мужчины, а большинство психологов (80%) – женщины. Не все руководители, сотрудники оперативных аппаратов доверяют «слабому» полу. Возникают проблемы их личной безопасности. Однако практика показывает, что и осужденные, и сотрудники гораздо больше доверяют женщине как специалисту, нежели представителям мужского пола. Среди женщин гораздо меньше текучесть кадров: они ориентированы на оказание психологической помощи клиентам, а не на карьерный рост. Поэтому, с одной стороны, необходимо увеличивать удельный вес мужчин в психологической службе, а с другой – создавать благоприятные условия для работы профессионалов-женщин.

– Каков на сегодняшний день статус психолога в учреждении? Насколько он изменился за годы становления психологической службы?

– Статус психологической службы напрямую зависит от профессионализма психологов и результатов их работы. Там, где психологи оказывают реальную помощь осужденным, разрешают межличностные конфликты, предоставля-

ют руководителям учреждений информацию о социально-психологическом климате в коллективе, они пользуются авторитетом. В условиях дефицита штатной численности сотрудников УИС административным (приказным) методом не заставить увеличить количество психологов, и раз их численность продолжает расти, значит, они нужны практике. Руководителей, которые не понимают роль психологической службы, практически не осталось.

– Какие компетенции являются, на Ваш взгляд, ведущими для пенитенциарного психолога?

– Умение самостоятельно проводить диагностическую работу, знание конкретных тестов, и не просто знание, а понимание того, какие задачи можно с помощью этих тестов решать.

Психолог должен уметь устанавливать психологические контакты непосредственно с осужденными. Причем с осужденными различных категорий. Должно восприниматься как норма, что психолог может одинаково успешно контактировать и с криминальным лидером, и с «опущенным» осужденным. Для психолога это норма, которая не роняет его личный авторитет.

К числу компетенций психолога следует отнести его умение оказывать психокорекционное воздействие, осуществлять психологическую работу с персоналом.

– Какие личностные качества определяют профессиональную успешность психолога в системе?

– Это и толерантность, и личное обаяние, и психологическая чувствительность, то есть умение поставить себя на место другого человека, понять его чувства.

Психологу должна быть свойственна высокая нормативность поведения, развитый уровень правосознания. Осужденные могут пытаться манипулировать психологом, поэтому ему нужна сила духа, твердость характера, определенная смелость, умение управлять своими эмоциями, не ожесточаться, не терять веру в возможность положительного изменения личности.

– Известно, что в зарубежных странах психологи не являются аттестованными сотрудниками. Как, по-Вашему, нужны ли погоны психологу в пенитенциарной системе? Каковы преимущества и ограничения служебного статуса психолога?

– Я уверен, что погоны для сотрудника – это социальная защита. У аттестованного сотрудника оклад денежного содержания в два-три раза выше, чем у вольнонаемных работников. Плюс другие льготы. Кроме того, никто не запрещает задействовать у нас в качестве психологов гражданских лиц, которые имеют ограничения по состоянию здоровья, но являются профессионалами. Это возможно и даже нужно. В ст. 12 УИК РФ законодательно закреплено, что психологическую помощь осужденным могут оказывать не только сотрудники психологической службы, но и иные лица.

– Что отличает деятельность пенитенциарных психологов от деятельности их «гражданских» коллег?

– Повышенная ответственность и разница в некоторых традиционных для психологии технологических аспектах. Например, гражданский психолог может сидеть у себя в кабинете и ждать, пока к нему на консультацию придет клиент, постучит и скажет: у меня постоянная тревога и я прошу оказать мне помощь. Пенитенциарный психолог диагностирует осужденных уже на этапе поступления в исправительное учреждение, и даже в следственном изоляторе. Он выявляет лиц, склонных к суициду, должен суметь во время индивидуальной беседы сформировать у осужденного потребность в психологическом консультировании, убедить его в том, что эта консультация нужна прежде всего для его же блага. Пенитенциарный психолог соблюдает, как и его «гражданский» коллега, принцип конфиденциальности, когда речь идет об информации сугубо личного плана (отношения в семье, переживания и т.п.). Однако когда пенитенциарному психологу становится известной информация о готовящемся преступлении, он обязан принять меры, направленные на его предотвращение.

– Вы несколько лет являетесь председателем Государственной аттестационной комиссии на нашем факультете. Ваше мнение о выпускниках ВИПЭ?

– Прежде всего, это эрудированные люди, с высоким уровнем профессиональной подготовки. На факультете сформирована особая культура. Это не только уставные отношения, но чисто человеческие, доброжелательные. Курсанты не угрюмы, жизнерадостны, часто улыбаются. Многие сочетают учебу с участием в художественной самодеятельности, разнообразных конкурсах. Это люди с блеском в глазах, полные решимости работать в системе по-новому.

Что касается уровня подготовленности, то в отношении выпускников ранее были нарекания в связи с недостаточной практической направленностью. И во время защиты, и во время государственных экзаменов многие не могли связать теорию с практикой. Однако с каждым годом повышается практическая направленность подготовки самих специалистов. Они все более и более становятся профессионалами. Идет положительный сдвиг. Меняется и облик самих преподавателей. На факультете стали работать люди, защитившие кандидатские диссертации. Более 50% преподавательского состава – это бывшие психологи-практики. Это совершенно новая формация людей, в отличие от теоретиков, которые знают психологию не по учебникам, а работали с осужденными, проводили и консультирование, и диагностику. Поэтому сегодня идет дальнейшее развитие факультета.

– Ваши пожелания начинающему психологу УИС?

– Необходимы определенная выдержка, осознание, что работа очень сложная и ответственная. Иногда психолог может оказаться в си-

туации, словно между молотом и наковальней, когда сотрудники его не понимают и считают, что психолог отстаивает не их интересы, а интересы осужденных. И наоборот, когда психолога не понимают осужденные, говорят: вы все здесь сотрудники, «менты», вы за них, вы не наши интересы отстаиваете... Здесь важно проявить мудрость, профессионализм, выдержку, терпимость.

– Ваши личные профессиональные планы?

– Я чувствую, что сегодня нужно передавать бразды правления своим последователям. Свое место вижу в преподавательской и научно-исследовательской деятельности. Хочу обобщить огромнейший опыт работы пенитенциарных психологов.

Материал подготовила М.С. Коданева

ОБЗОР ДИССЕРТАЦИЙ

Неотъемлемой частью научно-исследовательской работы в институте является проведение диссертационных исследований и защита диссертаций.

Во втором квартале 2009 г. сотрудниками института защищено 5 диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук. С авторефератами диссертаций можно ознакомиться в специальной библиотеке института.

Климанов Дмитрий Александрович, начальник отдела кадров.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.11 – Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности, адвокатура (научный руководитель – доктор юридических наук, профессор С.А. Старостин) состоялась в диссертационном совете при Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань) 16 апреля 2009 г. Тема: *«Правовое и организационное регулирование подготовки кадров в учреждениях высшего профессионального образования Федеральной службы исполнения наказаний: состояние и перспективы».*

Целью диссертационного исследования стал комплексный анализ правовых и организационных основ регулирования подготовки кадров в учреждениях высшего профессионального образования УИС, научное обоснование теоретических положений и практических рекомендаций по ее совершенствованию.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач, изучена система организационно-правового регулирования подготовки кадров для учреждений и органов, исполняющих наказания. Выявлены правовые и организационные проблемы в обеспечении подготовки кадров для ФСИН России. Предложены рекомендации теоретического и практического характера по совершенствованию правового и организационного обеспечения подготовки кадров для ФСИН России. Проведена систематизация законодательства, проанализированы содержательный, организационно-функциональный и организационно-технологический аспекты деятельности по подготовке кадров для учреждений и органов УИС. Разработаны предложения по совершенствованию нормативно-правового обеспечения системы подготовки кадров для учреждений и органов, исполняющих наказания, проекты структуры федеральных законов в исследуемой области, сформулированы рекомендации по совершенствованию работы территориальных органов и образовательных учреждений ФСИН России по организации профессиональной ориентации, отбора, подготовки кандидатов на обучение и закрепление на службе выпускников ведомственных вузов.

Кондрашин Олег Валериевич, старший преподаватель кафедры боевой и тактико-специальной подготовки.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.11 – Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности, адвокатура (научный руководитель – доктор юридических наук, профессор С.А. Старостин) состоялась в диссертационном совете при Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань) 16 апреля 2009 г. Тема: *«Организационно-правовое обеспечение служебной деятельности специальных подразделений по конвоированию ФСИН России».*

Целью диссертационного исследования явились изучение и комплексный анализ правовых и организационных основ деятельности специальных подразделений УИС по конвоированию и выработке на их базе основных направлений их совершенствования.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Выявлены особенности становления и развития службы конвоирования УИС, определены сущностно-смысловые характеристики реализации функции конвоирования в УИС, а также цели, задачи, функции и организационная структура специальных подразделений УИС по конвоированию. Выявлены сущностные черты и особенности процесса организации специальных подразделений УИС по конвоированию.

Автором осуществлен анализ правового регулирования деятельности специальных подразделений УИС по конвоированию, выявлены существующие пробелы и противоречия, сформулированы предложения по внесению дополнений в действующее законодательство. В

диссертации сформулированы и уточнены ряд научных понятий по теме исследования, проведен анализ организационно-функционального и организационно-технологического аспектов деятельности подразделений УИС по конвоированию, рассмотрены вопросы оценки эффективности деятельности службы конвоирования УИС, обоснованы и определены направления совершенствования организационно-правового обеспечения деятельности подразделений УИС по конвоированию.

Перов Сергей Владимирович, преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.11 – Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности, адвокатура (научный руководитель – доктор юридических наук, профессор С.А. Старостин) состоялась в диссертационном совете при Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань) 26 мая 2009 г. Тема: *«Организационное проектирование в уголовно-исполнительной системе».*

Диссертационное исследование посвящено теоретическому обоснованию положений о сущности, особенностях и правовой природе организационного проектирования в УИС, а также разработке рекомендаций по совершенствованию нормативно-правовой основы и практики применения организационного проектирования в деятельности органов и учреждений УИС.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Раскрыты сущность и содержание, определены принципы и методы организационного проектирования в УИС, проанализировано правовое обеспечение организационного проектирования в УИС, предложены меры по его совершенствованию, определено понятие эффективности организационного проектирования в УИС. Автором разработаны методические рекомендации по осуществлению организационного проектирования в органах и учреждениях УИС.

В диссертационном исследовании предложены комплекс правовых и организационных мер, направленных на совершенствование практики организационного проектирования в УИС; меры по преодолению факторов, препятствующих развитию практики оргпроектирования в органах и учреждениях УИС.

Панфилова Ольга Александровна, преподаватель кафедры информатики и математики.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата технических наук по специальности 05.14.04 – Промышленная теплоэнергетика (научный руководитель – доктор технических наук, профессор Ю.Р. Осипов) состоялась в диссертационном совете при Череповецком государственном университете 29 мая 2009 г. Тема: *«Исследование тепломассопереноса при вулканизации покрытий гуммированных объектов в конвективных аппаратах».*

Цель диссертационного исследования – интенсификация и совершенствование процессов тепло- и массообмена и тепловых режимов вулканизации покрытий гуммированных объектов на основе исследования математических моделей внутреннего переноса теплоты и массы и корректировка тепловых режимов термообработки.

В ходе исследования автором разработаны математические модели процессов тепло- и массообмена при термообработке гуммированных изделий, предложена методика оптимизации тепловых режимов вулканизации гуммировочных покрытий с применением разработанных математических моделей. Проведена оценка эффективности методов интенсификации конвективного теплообмена при горячем креплении покрытий к металлу, предложена методика расчета параметра граничных условий, влияющих на качество и продолжительность тепловых режимов с учетом координаты точки математической модели массопереноса, лимитирующей продолжительность процесса термообработки. Впервые получена зависимость концентрации вулканизующего агента от продолжительности термообработки гуммировочного покрытия.

Янчук Игорь Александрович, преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право (научный руководитель – доктор юридических наук, профессор М.Г. Детков) состоялась в диссертационном совете при Московском государственном лингвистическом университете 4 июня 2009 г. Тема: *«Вопросы дифференциации и индивидуализации исполнения наказания в исправительных колониях общего режима в отношении осужденных женщин».*

Целью диссертационного исследования является научная разработка проблем, связанных с дифференциацией и индивидуализацией исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин, содержащихся в ИК общего режима.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Раскрыта сущность явления дифференциации и индивидуализации исполнения наказания в виде лишения свободы, рассмотрен механизм взаимодействия процессов дифференциации и индивидуализации при изменении объема наказания в виде лишения свободы, изучено правовое регулирование условий содержания осужденных женщин в ИК общего режима, а также применения к ним мер поощрения и взыскания. Автором выявлены особенности личности и поведения женщин, содержащихся в ИК общего режима, которые могут использоваться при индивидуализации исполнения наказания, разработана система оценки степени исправления осужденных женщин, содержащихся в ИК общего режима. Выработаны предложения,

направленные на совершенствование правоприменительной практики, а также обоснованы изменения и дополнения в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство.

Выявленные современные проблемы нормативно-правового регулирования, а также правоприменительной практики функционирования ИК общего режима для осужденных женщин нашли свое отражение в положениях, выносимых на защиту.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на монографию А.Н. Баламута «Осужденные к пожизненному лишению свободы и пути оказания им психологической помощи»

В.М. ПОЗДНЯКОВ – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор

Монография А.Н. Баламута посвящена одной из актуальных проблем пенитенциарной психологии – изучению возможностей оказания психологической помощи осужденным с пожизненными сроками отбывания наказания и вопросам целевой подготовки специалистов к работе с данной категорией лиц.

Автором монографии в рамках проведенного комплексного исследования получены результаты, представляющие теоретическую и практическую значимость, в том числе определены ориентиры в изучении психологических особенностей у лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы, выявлены факторы, влияющие на процесс их адаптации к особым условиям отбывания наказания, а также с учетом объективных и субъективных факторов, осложняющих работу с данной категорией лиц, обоснованы и применены индивидуальные и групповые формы психологической помощи, предложены рекомендации сотрудникам психологической службы по организации и совершенствованию психологической помощи осужденным к пожизненному лишению свободы.

Практическая ценность работы заключается, прежде всего, в разработке и апробации комплексной технологии оказания психологической помощи осужденным к пожизненному лишению свободы, отражающей теоретические конструкты автора.

Представленную монографию отличает четкая структура, доступность в изложении сложного материала, попытка дать комплексные рекомендации сотрудникам психологической службы ФСИН России. Все это, безусловно, позволяет судить о высокой профессиональной компетентности и методической грамотности ее составителя.

В связи с тем, что представленная монография имеет важное научно-теоретическое и практическое значение, ее можно рекомендовать психологам, а ее содержание соответствует требованиям для использования и в учебном процессе, и в практической деятельности сотрудниками психологической службы ФСИН России.

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Атуальные проблемы применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на современном этапе: Сборник материалов международной научно-практической конференции (Вологда, 17–18 июня 2008 г.): В 2 ч. / Под ред. канд. юрид. наук, доцента А.А. Крымова. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2008. – Ч. 2. – 317 с. – ISBN 978-5-94991-117-4.

В сборнике опубликованы статьи участников конференции - представителей образовательных учреждений Армении, Белоруси, Казахстана и Украины, ведущих ученых образовательных учреждений ФСИН, МВД, Генпрокуратуры и Минобрнауки России, практических работников органов и учреждений УИС, прокуратуры и суда. Издание будет интересно широкому кругу читателей.

Баламут А.Н. Осужденные к пожизненному лишению свободы и пути оказания им психологической помощи: Монография. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2009. – 153 с. – ISBN 978-5-94991-113-6.

В монографии анализируются основные направления и подходы, существующие в отечественной и зарубежной психологии, по оказанию психологической помощи осужденным в процессе исполнения наказания в виде пожизненного лишения свободы. Автором предложена прихокоррекционная модель просоциального развития личности с учетом специфики пожизненного лишения свободы, обоснована ее эффективность в психокоррекционной работе с данной категорией осужденных, разработаны рекомендации сотрудникам психологической службы по совершенствованию психологической помощи.

Предназначена для курсантов и слушателей образовательных учреждений ФСИН России, пенитенциарных психологов, адъюнктов, соискателей.

Тактика производства следственных действий при расследовании преступлений, совершенных в исправительных учреждениях: Учебное пособие / Валеев А.Т., Лютынский А.М., Морозов Р.М., Помаслов А.Б. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2009. – 201 с. – ISBN 978-5-94991-112-9.

В учебном пособии рассматриваются проблемы тактики производства следственных действий при расследовании преступлений, совершенных в исправительных учреждениях. Пособие подготовлено на основе действующего уголовно-процессуального, оперативно-розыскного и уголовно-исполнительного законодательства с учетом достижений юридической науки, следственно-судебной практики, практики производства следственных действий в исправительных учреждениях.

Предназначено для курсантов, слушателей, студентов высших образовательных учреждений юридического профиля, адъюнктов, аспирантов, преподавателей, практических работников органов дознания, а также всех тех, кто интересуется проблемами расследования преступлений в учреждениях ФСИН России.

Белов О.А., Валеев А.Т., Лютынский А.М. Криминалистическая регистрация: Учебное пособие. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2009. – 98 с. – ISBN 978-5-94991-115-0.

В учебном пособии раскрываются теоретические основы криминалистической регистрации и порядок формирования и ведения криминалистических учетов органов внутренних дел.

Издание подготовлено на основе действующего законодательства, регламентирующего деятельность правоохранительных органов по организации формирования и ведения оперативно-справочных, криминалистических и розыскных учетов.

Ориентировано на курсантов, слушателей, студентов, преподавателей, практических работников органов дознания и следствия.

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

В период с 20 по 24 апреля 2009 г. в институте прошел комплекс научных мероприятий курсантов, студентов, адъюнктов и слушателей – Неделя науки, включивший в себя научные и научно-практические конференции и семинары, круглые столы, олимпиады по разным дисциплинам. В мероприятиях Недели науки приняли участие свыше 250 курсантов и студентов института и иных вузов ФСИН и Минобрнауки России.

В течение недели проходили олимпиады по учебным дисциплинам. На юридическом факультете состоялись олимпиады по конституционному праву России, истории отечественного государства и права, брейн-ринг по уголовному процессу; на инженерно-экономическом факультете – олимпиады по математике, физике, экономике.

Ключевым мероприятием Недели науки стала межвузовская научно-практическая конференция адъюнктов, курсантов, студентов и слушателей «Уголовно-исполнительная система России: история и современность» (к 130-летию УИС). На конференции были рассмотрены актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний в России, вопросы психологической, социальной и воспитательной работы в уголовно-исполнительной системе; современное состояние и актуальные проблемы производственной сферы УИС.

В работе конференции приняли участие курсанты и адъюнкты Академии ФСИН России, Владимирского и Псковского юридических институтов ФСИН России, студенты и аспиранты Вологодской государственной молочно-хозяйственной академии, Вологодского филиала Московской государственной юридической академии, Вологодского государственного технического университета, Вологодского государственного педагогического университета. Впервые в мероприятиях Недели науки участвовали курсанты Академии Комитета УИС Министерства юстиции Республики Казахстан.

23 апреля 2009 г. в институте состоялся межкафедральный научно-практический семинар «Проблемы теории и практики формирования административно-правового института государственной правоохранительной службы в уголовно-исполнительной системе».

В работе семинара приняли участие представители образовательных и научных учреждений, занимающиеся проблемами развития законодательства о правоохранительной службе, а также сотрудники территориальных органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний.

Основным предметом обсуждения на научно-практическом семинаре стали вопросы, отражающие современное состояние и проблемы формирования правого института правоохранительной службы в уголовно-исполнительной системе. В ходе семинара были определены основные тенденции формирования данного административно-правового института, выявлены проблемы теоретического и практического характера в сфере правоохранительной службы в уголовно-исполнительной системе, разработаны предложения по совершенствованию законодательства о правоохранительной службе.

27–28 мая 2009 г. кафедрами физической культуры и боевой и тактико-специальной подготовки института был организован и проведен первый международный научно-практический семинар «Актуальные вопросы физической, боевой и тактико-специальной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы».

В работе международного семинара приняли участие сотрудники пенитенциарной системы Республики Польши, Беларуси, Казахстана, представители Академии права и управления ФСИН России, Владимирского, Самарского и Псковского институтов ФСИН России, сотрудники подразделений специального назначения управлений ФСИН России по Вологодской, Мурманской, Ярославской областям, профессорско-преподавательский состав и адъюнкты Вологодского института права и экономики ФСИН России.

В ходе семинара были обсуждены теоретические и прикладные вопросы применения боевых приемов борьбы при отражении нападения на сотрудника уголовно-исполнительной системы, осуществления тактических действий при возникновении массовых беспорядков, а также совершенствования преподавания физической, боевой и тактико-специальной подготовки в вузах ФСИН России.

По итогам работы семинара будет издан сборник статей, а также разработаны практические рекомендации для сотрудников подразделений специального назначения и преподавателей физической, боевой и тактико-специальной подготовки вузов ФСИН России.

В период с 3 по 4 июля 2009 г. в институте планируется проведение межвузовского научно-практического семинара по теме «Использование методов психологической коррекции в работе с осужденными к длительным и пожизненным срокам лишения свободы». Организатором семинара выступает кафедра юридической психологии и педагогики. В его работе планируется участие представителей профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений ФСИН и Минобрнауки России, психологов исправительных учреждений ФСИН России, адъюнктов, аспирантов, соискателей и курсантов института.

В рамках научно-практического семинара предполагается обсуждение широкого круга вопросов, связанных с психолого-педагогическим, социальным, правовым обеспечением наказания в виде пожизненного лишения свободы. По итогам работы семинара планируется издание сборника научных статей участников. Также в рамках работы семинара состоится выезд участников в исправительную колонию особого режима «ИК–5» УФСИН России по Вологодской области.

26–27 ноября 2009 г. в соответствии с п. 11.1.1 Плана организационно-практических мероприятий ФСИН России на 2 полугодие 2009 г. проводится международная научно-практическая конференция «Цели и средства уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних».

В ходе конференции предполагается обсуждение широкого круга теоретических и прикладных проблем формирования и реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних, определения дальнейших путей ее совершенствования с учетом современного состояния общества и государства.

Содержание рассматриваемых на конференции вопросов определило решения, принятые на заседании Президиума Государственного Совета Российской Федерации, состоявшегося в г. Вологде 11 февраля 2009 г. В целях реализации принятых решений Министерством юстиции Российской Федерации и ФСИН России в настоящее время разрабатывается комплекс изменений и дополнений в действующее уголовное, уголовно-исполнительное и уголовно-процессуальное законодательство, подготовлен и проходит обсуждение проект Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.

Происходящие преобразования свидетельствуют о формировании новых основ уголовной и уголовно-исполнительной политики России, в том числе в отношении несовершеннолетних.

Указанные вопросы требуют подробного анализа и обсуждения с участием ученых и практических работников. В работе конференции планируется участие ведущих ученых научных и образовательных учреждений ФСИН и Минобрнауки России, сотрудников центрального аппарата и территориальных органов ФСИН России, представителей пенитенциарных служб и образовательных учреждений Беларуси, Германии, Казахстана, Кыргызстана, Норвегии, Польши, Украины, Чехии и Швейцарии, общественных правозащитных организаций и СМИ.

Сборник тезисов выступлений участников планируется издать до начала работы конференции. По вопросам участия и публикации материалов необходимо обращаться в организационный комитет по телефонам 8 (8172) 518-250 (Крымов Александр Александрович), 8 (8172) 514-612 (Голодов Павел Васильевич), 8 (8172) 536-079 (научные сотрудники), e-mail: ono-vipe@mail.ru. Тексты статей принимаются до 15 сентября 2009 г.

ANNOTATIONS OF ARTICLES AND MATERIALS

B.Y. Gavrilov. Reality of criminal-legal statistics of crime.

In this article the author touches upon the problem of a reality and reliability of criminal-legal statistics, its influence on criminal situation and formation of criminal policy. The factors influencing on registration and crime reporting, its latence are analysed; decisions of the problem of crime reporting are offered.

Key words: criminal law; criminal process; criminology; criminal policy; judicial-legal statistics; criminal-legal statistics; registration of crimes; crime reporting ; registration discipline; latence of crimes

J.E. Pudovochkin. Confiscation of property: interpretation and adoption of criminal-legal norms.

In this article the problem of a legislative regulation and confiscation of property as measures of criminal-legal character is considered.

Key words: criminal law; criminal punishment; criminal responsibility; other measures of criminal-legal character; confiscation of property; compensation of harm caused by a crime.

A.V. Salatin. Offences against law among officers of criminal-executive system and its preventative measures.

The article is devoted to analisys of criminological situation in offences against law by officers of penal system, and crimes prevention of the given category of persons. On the basis of statistics and materials of courts brief the author showes measures of the precautionary character

Key words: crimes committed by officers of law-enforcement bodies, defiances by officers of correlation institutions, phsycological examination for officers of penal system , latent crime in criminal-executive system, prevention of crime, committed by officers of correctional institutions and bodies.

E.V. Gerasimova. Juridical feature of plunder.

This article is devoted to research of one of obligatory features of plunder which consists of the fact that the property for guilty should belong to someone else. The author considers difficult questions appearing during crimes estimation according presence or absence of a legal attribute of a juridical feature of plunder

Key words: crimes against property, plunder, subject of plunder, embezzlement, confiscation, illegal possession, derilict.

V.I. Seliverstov, S.L. Babayan, E.M. Danilin. Social rehabilitation of condemned is a problem of the state importance.

In this article the problem of social rehabilitation of persons released from serving their punishments – restoration of their socially useful communications and a legal status of the citizen is considered. The significance of social rehabilitations of condemned, its urgency, the problems of realization and opportunity of improvement is defined.

Key words: social rehabilitation; condemned; persons released from serving punishment; restoration of the rights and freedom; probation; centers of social rehabilitation; recidivism.

O.V. Homjakov. Processes of social liberalization as a factor of toughening of criminal prosecution of a person.

In this article liberalization of public consciousness in Russia and its direct influence as on initiation of destructive actions, and subsequently on toughening of criminal prosecution of the person is considered. The author denies the settled stereotypes about a liberal public ideal as about universal and ideal. The work gets the special importance according last initiatives of the President and the Government of Russia concerning reforms of criminal-executive system.

Key words: liberalization of public consciousness, social liberalization, liberalism, penal policy.

A.S. Shatalov. Legal regulation of a special procedure of adoption of a juridical decision during making pre-judicial cooperation agreement.

In this article the author examines processual regulation of a legal institute, that is new to criminal process of Russia – of a special order of adoption of a judgement during making pre-judicial cooperation agreement is considered. The basic problems of adoption of the given institute and directions of its further improvement are defined.

Key words: criminal process; criminal procedural law; special order of adoption of a judgement; pre-judicial cooperation agreement; preliminary investigation; court session; the decision of a verdict.

J.N. Ryzhova. Problems of application of criminal-procedural legislation in activity of agencies of inquiry.

This article is devoted to actual and complex problems of a legislative regulation of activity of bodies of inquiry. Operating criminal-procedural code has essentially changed regulation of activity of bodies of inquiry at pre-judicial stages of criminal legal proceedings that has caused a lot of criticism from scientists and experts. However, despite of numerous attempts of the legislator to modify an initial variant of the order of initiation of criminal case and performance of inquiry, improve and optimize the specified activity, some questions of application of criminal- procedural code of Russian federation are actual.

Keywords: bodies of inquiry, inquiry, criminal-procedural activity.

A.M. Koloskov. Particular features of stages of initiation of disciplinary cases in criminal-executive system.

The article is devoted to actual questions of stages of initiation of disciplinary cases concerning officers of criminal-executive system. In this article the points of view of various scientists about essence of the given stage and the list of the subjects participating in its realization are analyzed. The author gives his point of view on the maintenance of a stage of initiation of disciplinary case.

Key words: discipline, disciplinary manufacture, officer, criminally-executive system.

M.M. Popovich. Legal personality of the persons who are serving sentence.

Legal personality means a socially-legal opportunity of a person to be a participant of civil legal relationships. Legal personality is not only legal capacity and law competence, but also a number of special (modifying) elements that are circumstances (factors) stipulated by law and influenced on a legal status of a person.

Key words: civil status, legal personality, law competence, maintenance of legal capacity, restriction of legal personality, restriction of law competence

M.A. Tcherkasova. The role of psychological monitoring in increasing of efficiency of professional work of officers of criminal-executive system.

This article is devoted to psychological monitoring of officers of criminal-executive system as one of the directions of the decision of problems of qualitative professional selection, improvement of work with officers of criminal-executive system, scientific validity of personnel decisions, improvement of activity of the administrative machinery dealing with a staff of criminal-executive system . In this article the concept of psychological monitoring, and also its basic directions is given.

Key words: officers of criminal-executive system; personnel work of criminal-executive system; administrative work of criminal-executive system; psychology; psychological monitoring.

O.V. Homyakova. Formation of teacher's professional culture in the system of retraining and improvement of professional skill of employees.

This article is devoited to the questions of teacher's professional culture formation, successful and adequate in modern life. The author considers a problem of the organization of modern system of preparations of the pedagogical staff in law enforcement bodies of Russia.

Key words: professional culture of the teacher, retraining and improvement of professional skill, system of retraining and improvement of professional skill of employees.

A.A. Kolev, M.N. Rassadina. Problem of housing of officers of penal system according criminal-executive system reforming.

This article is devoted to the problems of housing of officers of penal system. The object of research is legal bases of housing of officers of penal system and directions of improvement of their living conditions. Materials of the article can be recommended to cadets, listeners, junior scientific assistants, officers of penal system, who are interested in questions of housing of officers of penal systems.

Key words: legal bases of housing of officers of penal system, directions of improvement of living conditions, state dwellings certificates, housing due grant financial aid, housing construction due to investments, mortgage lending, system of accumulation of housing, service housing.

O.A. Konjushatov, S.A. Korchagov, N.A. Malysheva. Development of certification according the system of the Forest Stewardship Council (FSC) on an example of timber industry holding of Joint-Stock Company "Investlesprom".

This article is devoted to the problem of development of systems of wood certification that is an activity according documentary confirmation of the third, independent of the manufacturer and the consumer the side of conformity of system of forest administration and (or) Chain of Custody « from the manufacturer – to the consumer established requirements providing responsible timber exploitation and allowing to combine economic, ecological and social needs of a society.

Key words: surrounding environment; wood certification; forest administration; system Forest Stewardship Council.

P. Shepanyak. Modern tendencies of criminal policy and strategy of counteraction of crime.

In this article the international experience of realization of criminal policy in the field of imposition and executions of punishments is analyzed, classifications of models of development of prison system are given, principles of serving punishment a are defined

Key words: the criminal policy; criminology; crime; prisonisation; models of development of prison system; penal service; serving punishment.

E.V. Valkova. Conflict regulation of the form of testamentary dispositions.

This article is devoted to research of conflict questions concerning the form of testamentary dispositions. An object of research is norms of the civil and international legislation which adjust the attitudes, appearing in the given sphere. Materials of the article can be recommended to cadets, listeners, junior scientific assistants, to officers of criminal executive system who are interested in testamentary succession.

Key words: testamentary succession, the form of testamentary dispositions, the right to use a will, international agreements, bilateral contracts about legal aid, the Hague convention about conflict of laws concerning the form of testamentary orders.

E.P. Ishenko. What is the expense of life?

The author of the article draws his attention to a problem of expense of human life in activity of the state comparing the sums of indemnification

of harm for loss of the close relative with cost of the maintenance of prisoners who are life imprisonment.

Key words: indemnification of harm for loss of the close relative, death penalty; euthanasia ; life imprisonment.

V.P. Motrevich. Foreign prisoners of war; of the Great Patriotic War in the Urals: number, structure, accommodation.

This article is devoted foreign prisoners of war;of the Great Patriotic War in the Urals: sources of the information about prisoners of war are analysed, the characteristic of numerical force of an army, structure, accommodation according areas and camps for prisoners of war in during that period and post-war years. This article also tells about destiny of the some prisoners of war.

Key words: great Patriotic War; prisoners of war; a captivity; prisoners of war camp.

E.V. Kuznetsova. Organizationalmaintenance of activity of world justice in pre-revolutionary Russia (on materials of the Vologda province)».

In this article the author analyses features of normative regulation and activity of state and non-state bodies and establishments involved in organizational maintenance of world justice in pre-revolutionary Russia, and also features of reforming and functioning of world justice and institutes providing its activity. Materials of the article are based on published and archive facts of the Vologda province.

Key words: history of State and Law of Russia, Juridicial reform of 1864, Vologda province, world justice, world court, world judge, zemski reform, bodies of zemski self-government.

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ·НАКАЗАНИЕ·ИСПРАВЛЕНИЕ

Выходит четыре раза в год
Учредитель:
ВИПЭ ФСИН России
Главный редактор:
В.В. Попов
Ответственный секретарь:
А.Л. Санташов

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-36704

Распространяется
в высших учебных заведениях
и практических органах
уголовно-исполнительной системы

Все права защищены.
Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала
Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются
Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес редакции:
160000, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Телефоны:
(8172) 51-82-50
(8172) 53-60-79
(8172) 51-82-48 факс

E-mail:
vestnikvipe@mail.ru

@ ВИПЭ ФСИН России

Подписано в печать 30.06.09
Формат 60х90/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12. Заказ № 2750
Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия выражает уверенность в том, что журнал уже в недалеком будущем займет достойное место среди ведомственных периодических изданий.

Наша готовность освещать актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, материалы на историческую тему, вести дискуссию по наиболее актуальным вопросам в области юриспруденции, социальной работы, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждать практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений расширит ряды авторов и читателей.

В дальнейшем планируется регистрация журнала в соответствии с Законом РФ «О средствах массовой информации» от 27.12.91. № 2124-1.

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и следующим требованиям в оформлении:

1. Рукопись должна предоставляться в одном экземпляре (формат А4) вместе с электронным вариантом на дискете с текстом в формате doc Word.
2. Объем до 1 авторского листа.
3. Интервал - полуторный.
4. Размер шрифта - 14.
5. Все аббревиатуры и сокращения расшифровываются при первом употреблении в тексте.
6. Сноски на источники публикации нормативных актов, цитируемых книг и статей обязательны. Нумерация сносок сквозная, концевая.
7. К рукописи должны прилагаться:

— сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, основное место работы, должность, контактные телефоны;

— для аспирантов и соискателей дополнительно выписка из протокола заседания кафедры (подпись научного руководителя) с рекомендацией к опубликованию материала.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.